

Министерство образования Республики Беларусь
Белорусский государственный университет
Юридический факультет
Кафедра уголовного права

Уголовное право: проблемы, поиски, решения

Материалы Международной научно-практической конференции
Минск, 7–8 октября 2022 г.

Минск
2022

УДК 343(06)
У 261

Решение о депонировании вынес:
Совет юридического факультета
31 октября 2022 г., протокол №2

Редакционная коллегия:

А.Л. Савенок (отв. ред.), А.В. Шидловский, А.А. Пухов, К.С. Захилько

Рецензенты:

В.Б. Шабанов, заведующий кафедрой криминалистики юридического факультета БГУ, доктор юридических наук, профессор;
В.С. Яловик, профессор кафедры уголовного права УО «Академия МВД Республики Беларусь», кандидат юридических наук, доцент.

Уголовное право: проблемы, поиски, решения : материалы Международной науч.-практ. конференции, Минск, 7–8 октября 2022 г. / БГУ, Юридический фак., Каф. уголовного права ; [редкол.: А. Л. Савенок (отв. ред.) и др.]. – Минск : БГУ, 2022. – 166 с. – Библиогр. в тексте.

В данное издание вошли материалы Международной научно-практической конференции «Уголовное право: проблемы, поиски, решения», организованной Белорусским государственным университетом. Адресуется научным и практическим работникам, преподавателям, аспирантам и студентам юридических учреждений высшего образования.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Бойко Александр Иванович

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин Южно-Российского института управления ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», д.ю.н., профессор, bai-53@mail.ru

Аннотация. Противодействие преступности предполагает приспособление сегодняшних государственных расчётов и мер к уже случившимся и прогнозируемым криминальным эксцессам. Статья посвящена анализу эволюции уголовно-правовой доктрины восточных славян по линии прошлое – настоящее – будущее с показом современных трудностей борьбы с преступностью и возможных путей их преодоления.

Ключевые слова: будущее; история; настоящее; преступность; прошлое; уголовное право; эволюция.

Россию в злую шутку именуют страной без прошлого или с неизвестным прошлым в силу нашей национальной привычки перманентно менять вектор своего развития строго в противоположную сторону, обрушиваясь с критикой на своих предшественников. Однако, «затевя спор настоящего с прошлым, мы обнаружим, что потеряли будущее» (У. Черчилль), ибо оно куется в настоящем с оглядкой в прошлое. Наивно и опасно полагать, будто предыдущие поколения только и делали, что заблуждались и ошибались, усиленно создавая проблемы себе и потомкам, а вот современники могут с «чистого листа» преодолеть все преграды и твердой рукой направить страну в сказочное завтра.

Прозорливые люди эффектно величают историю журналом регистрации преступлений, глупостей и несчастий человечества (Э. Гиббон). Но роль архивной справки ничто в сравнении с тем, что откровения и уроки истории стреножат крайности во взглядах, упреждают завышенные расчеты и повторы ошибок. Обращение к прошлому особенно актуально для России, Белоруссии и Украины. Наша общая государственно-правовая история рисуется на Западе и в трудах отечественных либералов преимущественно в темных тонах: варварство, империя зла, геноцид, ГУЛАГ, тоталитаризм... Но «карательная практика» царской России и СССР, несмотря на отдельные трагические страницы их истории, дает не так уж много оснований для посыпания головы пеплом.

Юридический менталитет восточных славян, осевших на периферии старушки Европы, сформировался без религиозных исступлений инквизиции и крайних форм рабовладения. Наши предки были явно гуманнее своих западных соседей. К примеру, Правда Роська не содержит упоминания о смертной казни. Показателен и Поименный список приговоренных к этому страшному виду наказания в период с 1826 по 1906 гг. В нем значатся фамилии 612 человек или менее 8 осужденных к данной мере наказания в год, причем из них реально казнены лишь 128 несчастных [1]. Отечественные и зарубежные исследователи нашей уголовно-правовой истории вынуждены признать, что ни один памятник российского права эпохи феодализма не может сравниться по жестокости с Каролиной, что на Руси не было своего судьи фон Карпцова, пославшего на смерть двадцать тысяч германцев, а значительная часть приговоренных к исключительной мере наказания получала право на жизнь благодаря православной вере – обряду печалования или священнического увещания, что русская карательная доктрина исключала «прямолинейное искоренение преступности террористическими методами» [2, с. 261]. А в этом проявилась гуманность восточно-славянской ментальности и уголовно-правовых воззрений наших юридических предшественников. Итожим: белорусам, русским и украинцам не стоит «стыдиться» национального прошлого в сфере борьбы с преступностью – на его гидропонике, с дополнительной опорой на опыт всей цивилизации можно и нужно уверенно искать решение назревших проблем уголовно-правового регулирования.

Проблемы настоящего на перепутье прошлого и будущего. Бурно развивающаяся в силу очередного (1991 год) исторического кульбита Отечества и переустройства мира криминальная действительность ставит перед уголовно-правовой доктриной новые и все более сложные задачи. Назовем и кратко обоснуем несколько зреющих или уже очевидных проблем уголовного права, от решения которых сегодня зависит наше будущее.

1. Необходимость деюридизации общества. В 1998 году Министерство юстиции РФ пересчитало количество действующих нормативных актов в стране (включая местный уровень); таковых оказалось на тот момент 1,5 млн. А производство нормативных правил продолжается с невиданной прежде интенсивностью, причем руководители депутатского корпуса искренне радуются собственному ударничеству и объявляют его результаты населению с гордостью. Наша отрасль – в передовиках. Прежний Уголовный кодекс (РСФСР) власти упразднили и под тем соусом, что за 36 лет существования в него было внесено около 700 поправок, но в УК РФ 1996 г. за 25-летие состоялось уже более 4 тысяч изменений. Это дорога в никуда, порождающая ненужное администрирование, содержание огромного управленческого аппарата (2,4 миллиона российских чиновников против 660 тысяч в СССР), многочисленные

коллизии юридических правил, правоприменительные и судебские ошибки, общественную нервозность, дополнительные бюджетные расходы, снижение инициативности населения в различных областях [3] и прочие негативные плоды. Так нельзя. Именно юристы должны стать инициаторами максимально возможного вытеснения юридических регламентов саморегуляцией общественной жизни.

2. Опасность возвращения кастовости в сферу борьбы с преступностью, провоцируемой громадным имущественным неравенством, порожденным криминальной приватизацией. Криминалистам следует более критично оценивать иммунитеты и отход от идеи равенства в пользу класса собственников, противопоставляя этому исключительные (типа «обстоятельств, исключающих преступность деяния») и переходные (типа «возрастной невменяемости», «уменьшенной вменяемости», эксцесса необходимой обороны, специальных субъектов и пр.) нормы, а равно привилегированные составы (ст. 106–108 УК РФ), в количественном отношении катастрофически проигрывающие их квалифицированным собратям.

3. Трансформация национального языка и организация уголовного преследования государством. Общеизвестно, что юрист буквально «кормится» языком как своим основным орудием труда. Но с ним, помимо падения культуры пользования вследствие господства поп-культуры и формирования целого поколения с клиповым мышлением и интернет-аддикцией, общего снижения качества юридического образования и уровня вузовской науки в целом, приключились две больших неприятности: а) при давно установленной филологами норме в 10% словарного запаса нации для целей управления, в законодательстве РФ уже задействовано более 30% тезауруса русского языка; б) ныне 80% слов европейских языков с длительной культурной эволюцией (а русский язык входит в этот пантеон) синонимичны, что препятствует единообразию закона. Полагаем, что следует искать и культивировать специальные (на сегодняшний день пока новые) технологии толкования законодательных текстов типа герменевтики, топики и пр. [4, с. 189-203].

4. Рост объемов и сложности правовой системы. Послереформенная разбалансированность социума и нормотворческая активность представительных учреждений безальтернативно влекут за собой появление новых отраслей права и дальнейшую дифференциацию юридических знаний. Это способствует повышенному спросу на узких специалистов по бланкетности и коллизионному праву. Для представителей уголовного права, фирменной спецификой которого служит бланкетность, это и предупредительный звонок, и социальный заказ, и шанс карьерного роста.

5. Диалектическое противоречие стабильности и изменчивости уголовного закона, на которую первыми обратили внимание известные столичные

криминалисты из МГУ [5, с. 76–83], ориентирует нас на законодательствование «с упреждением», обязательное производство беспристрастных научных (в том числе криминологических) экспертиз всех законопроектов по борьбе с преступностью, использование оценочных понятий, обеспечивающих геронтологию УК, и (как крайнего средства) законодательных экспериментов.

Библиографические ссылки

1. См.: Против смертной казни: сб. статей / под ред. М.Н. Гернета. М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1907. 500 с.
2. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII веков. М.: Юристъ, 1995. 288 с.
3. Известный криминолог современности объявил, что множасьиe ограничения и запреты настолько опутали россиян, что их творчество в любой сфере тормозится или даже блокируется, поскольку оно рассматривается если не как правонарушение, то как девиация (Гишинский Я.И. Запрет как криминогенный (девиантогенный) фактор // Российский криминологический взгляд. 2009. № 3. С. 302-311).
4. Подробные предложения на сей счёт см. в нашей монографии: Бойко А.И. Язык уголовного закона и его понимание. М.: Юрлитинформ, 2010. 320 с.
5. Кузнецова Н.Ф., Злобин Г.А. Социальная обусловленность уголовного закона и научное обеспечение нормотворчества // Сов. государство и право. 1976. № 8.

Грунтов Игорь Олегович

К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Профессор кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, д.ю.н.,
профессор, Заслуженный юрист Республики Беларусь

Аннотация. Рассматриваются некоторые проблемы института необходимой обороны в Республике Беларусь. Осуществляется сравнение положений о необходимой обороне в законодательстве Беларуси и некоторых иностранных государств. Предлагаются направления совершенствования института необходимой обороны в Республике Беларусь.

Ключевые слова: необходимая оборона; превышение пределов необходимой обороны; обстоятельства, исключющие преступность деяния.

1. В соответствии с законом необходимая оборона это защита охраняемых прав ценностей от общественно опасного посягательства путем причинения

посягающему вреда, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны (ч. 2 ст. 34 УК). В ч. 3 этой статьи дается определение превышения пределов необходимой обороны, называется ее субъективная сторона и последствия, с которыми закон связывает уголовную ответственность за такое поведение. В этой части сказано, что «превышением пределов необходимой обороны признается явное для обороняющегося лица несоответствие защиты характеру и опасности посягательства, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение».

2. Понятие превышения пределов необходимой обороны довольно подробно рассматривается в отечественной литературе [1, с. 236-248; 2, с. 335-349; 3, с. 309-310]. По мнению ряда авторов в ст.34 УК явно недостаточно признаков, дающих четкое представление, от чего и как следует обороняться гражданину, не нарушив УК. В литературе отмечается, что в законе декларируется, что превышение пределов необходимой обороны влечет ответственность, когда посягающему без необходимости умышленно причиняется смерть или тяжкое телесное повреждение. В законе отсутствуют понятные для любого лица правила поведения. В этой связи практически невозможно установить действительное психическое и социально психическое отношение лица к отсутствующим правилам поведения [4, с. 305-306; 5, с. 50]. Это в свою очередь влечет неправильное применение уголовного закона в судебной практике Республики Беларусь [6, с. 38-40].

3. В отечественной научной литературе имеются предложения о совершенствовании закона о необходимой обороне. По мнению некоторых авторов ст. 34 должна быть дополнена новой частью следующего содержания: " Не является превышением пределов необходимой обороны и не влечет уголовную ответственность применение оружия или любых других средств либо предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище либо другое помещение, а равно сексуального посягательства, сопровождаемого насилием или угрозой его применения со стороны нападающего, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему" [7, с. 53-61].

4. Предложения о таком совершенствовании статьи о необходимой обороне представляют значительный интерес еще и потому, что в УК некоторых зарубежных стран подход, при котором очерчиваются ситуации, в которых действия обороняющегося признаются правомерными, уже законодательно закреплен.

Так, например, в ч. 5 ст. 36 УК Украины сказано: " Не является превышением пределов необходимой обороны и не имеет следствием

уголовную ответственность применение оружия или любых других средств либо предметов для защиты от нападения вооруженного лица или нападения группы лиц, а также для предотвращения противоправного насильственного проникновения в жилище либо другое помещение, независимо от тяжести вреда, причиненного посягающему".

В ч. 3 ст. 36 УК Республики Молдова определено, что "признается действовавшим в целях необходимой обороны лицо, совершившее действия, предусмотренные частью (2), для воспрепятствования проникновения в жилое или иное помещение, сопровождающегося опасным для жизни или здоровья насилием либо угрозой такого насилия".

В ч.1 ст. 37 УК РФ (в ред. Федерального закона от 14.03.2002 N 29-ФЗ) отмечается, что "не является преступлением причинение вреда посягающему лицу в состоянии необходимой обороны, то есть при защите личности и прав обороняющегося или других лиц, охраняемых законом интересов общества или государства от общественно опасного посягательства, если это посягательство было сопряжено с насилием, опасным для жизни обороняющегося или другого лица, либо с непосредственной угрозой применения такого насилия".

5. Законом Республики Беларусь 26 мая 2021 г. № 112-З "Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности" в ст. 34 УК Беларуси была добавлена новая часть четвертая. В ч.4этой статьи говорится:" Не являются превышением пределов необходимой обороны действия обороняющегося лица, если это лицо вследствие неожиданности посягательства не могло объективно оценить характер и опасность посягательства". В соответствии с ч. 4 ст. 34 УК не является превышением необходимой обороны, если человек вследствие неожиданности посягательства не может объективно оценить степень и характер опасности нападения. Вызывает глубокое сомнение два обстоятельства. Во-первых, если нападение для лица было ожидаемым и не носило характер неожиданности, как следует поступить правоприменителю? Во-вторых, не само неожиданное посягательство вызывает состояние, когда обороняющийся не может объективно оценить характер и опасность нападения и превышает пределы необходимой обороны, а вызванное им состояние испуга, страха, чувства сильного душевного волнения. И это должно быть основанием для не привлечения обороняющегося к уголовной ответственности. В этой связи необходимо отметить, что дополнение УК Беларуси ч. 4 не внесло ясности в понимание вопроса о превышении пределов необходимой обороны (Закон Республики Беларусь 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности»).

6. Решение вопроса об особом психическом состоянии оборонявшегося лица, вызванном общественно опасным посягательством и его оценки при решении вопроса о превышении пределов необходимой обороны видится в

использовании положительного законодательного опыта некоторых зарубежных стран. В ряде зарубежных стран в законодательстве с учетом важности этой проблемы регулируется вопрос о особом психическом состоянии оборонявшегося лица. Так, в УК Голландии в ч. 2 ст. 41 говорится: "Лицо, превышающее пределы необходимой обороны, если такое превышение является непосредственным результатом сильного эмоционального возбуждения, вызванного нападением, не подлежит уголовной ответственности". В УК Дании 1930 г. ч.2 параграфа 13 отмечается следующее: "Любое лицо, превысившее пределы законной самообороны, не подлежит наказанию, если его действие может быть разумно объяснено страхом или волнением, вызванным нападением". В УК Республика Болгарии 1968 г. в ч. 4 ст. 12 закреплено правило, что: "Лицо не подлежит наказанию, если совершит деяние с превышением пределов необходимой обороны, находясь в состоянии испуга или сильного душевного волнения". В УК Украины 2001 г. в ч. 4 ст. 36 говорится: "Лицо не подлежит уголовной ответственности, если вследствие сильного душевного волнения, вызванного общественно опасным посягательством, оно не могло оценить соответствие причиненного им вреда опасности посягательства или обстановке защиты".

Библиографические ссылки

1. Уголовное право. Общая часть: Учебник / Н.А. Бабий, А.В. Барков, И.О. Грунтов [и др.]; под ред. В.М. Хомича. – Минск : Тесей, 2002, С.236–248.
2. Уголовное право. Общая часть: учебник / Н.Ф. Ахраменка [и др.]; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – Минск : Изд. центр БГУ, 2014 . – С. 335–349.
3. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть: учеб. Пособие / Э.А. Саркисова. – Минск: Тесей, 2005. – С.184–185.
4. Грунтов, И.О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И.О. Грунтов. – Минск: Тесей, 2012.– С. 305–306.
6. 5.Саркисова, Э.А. Необходимая оборона: проблемы совершенствования Э.А. Саркисова //Судовы Весник. – 1993. – №2. – С. 50.
7. Грунтов, И.О. О практике квалификации тяжкого или менее тяжкого телесного повреждения при смягчающих обстоятельствах (ст.ст. 150, 152 УК) / И.О. Грунтов, Л.К. Дулько // Судовы Весник. – 2006. – №2. – С. –38–40.
8. Грунтов, И.О. Состав правомерности необходимой обороны по уголовному кодексу Республики Беларусь / И.О. Грунтов // Право.by. – 2011. – №3. – С.– 53–61.

Скаков Айдаркан Байдекович

О СООТВЕТСТВИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫМ РЕАЛИЯМ

Профессор кафедры уголовного права и криминологии Карагандинской академии МВД Республики Казахстан имени Б. Бейсенова, д.ю.н., профессор,
aidarkan@mail.ru

Аннотация. В данной статье автором проведен анализ уголовно-правового законодательства Казахстана в сфере видов наказания, их назначения и исполнения. В целях дальнейшего поступательного развития стран поддерживается стратегия сокращения «тюремного населения» путем широкого применения наказаний, альтернативных лишению свободы, развитие системы социальной адаптации и реабилитации лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства. Автором предлагается разработать законопроект, предусматривающий исполнение (отбывание) всех видов уголовных наказаний уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системой Казахстана.

Ключевые слова: гуманизация уголовной политики; уголовно-правовая политика; уголовно-исполнительная (пенитенциарная) система; наказания, альтернативные лишению свободы; социальная адаптация и реабилитация лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства.

Одним из основных направлений деятельности любой страны является создание необходимых условий по обеспечению безопасности личности человека, общества и государства, их защита от преступных посягательств. При этом должно соблюдаться гуманное отношение к лицам, преступившим закон. Реализация данных задач осуществляется государством через гуманизацию проводимой им уголовной политики, которая в свою очередь имеет три составных направления: уголовно-правовая, уголовно-процессуальная и уголовно-исполнительная политики. Определить степень эффективности реализуемой уголовной политики возможно и необходимо только по результатам всех её составляющих и выработке современных профилактических мер предупреждения преступности. В данной статье мы остановимся на уголовно-правовой политике.

В период существования СССР деятельность правоохранительных органов определялась по выявлению преступлений, установлению виновных лиц и их осуждению. При этом, чем больше граждан будет осуждено к лишению свободы, тем лучше. Данное абсурдное положение уголовной политики страны основывалось на широком использовании практически бесплатного труда осужденных. В современных условиях рыночных, капиталистических отношений в экономике необходимость в значительной численности осужденных к лишению свободы отпала. Рынку нужны квалифицированные рабочие, способные решать сложные производственные задания в условиях автоматизации и роботизации производства. Еще одним важным аргументом в

пользу сокращения численности «тюремного населения» являются значительные финансовые затраты, направляемые правительством Казахстана на содержание осужденных, лишенных свободы, на обеспечение надлежащего исполнения наказания и т.д.

Говоря о формировании новой уголовной политики Казахстана, следует отметить, что обстоятельствами, катализирующими данный процесс, наряду с вышеуказанными, являются коренные изменения, произошедшие в жизни человека, общества и государства, установлению капиталистических производственных отношений, утверждению частной собственности на основные средства производства, землю и т.д. Именно экономический базис капитализма потребовал существенным преобразованиям в надстройке, соответствовавшей социалистическим общественным отношениям. Для её правового обеспечения в действующее законодательство внесены ряд существенных дополнений и изменений, которые значительно повышают эффективность правового регулирования общественных отношений, складывающихся в процессе борьбы с преступностью. Так, например, с 1 января 2015 года вступили в законную силу Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы Республики Казахстан, которые, судя по внесенным в них изменениям, можно считать новыми законами, а не усовершенствованными редакциями старых нормативных правовых актов. Здесь следует отметить, что при разработке выше указанных законопроектов рабочие группы столкнулись с проблемами правового, организационного и управленческого характера, большинство из которых можно было бы решить при выработке единой Концепции уголовной политики страны. Однако, каждая рабочая группа пошла своим путем, при этом согласовывая свои проекты законов с вновь создаваемым Уголовным кодексом. В результате все разработанные Законы не лишены, на наш взгляд, недостатков.

Хотелось бы остановиться на некоторых из них, имеющихся в уголовном законодательстве.

Так, говоря об Уголовном кодексе Казахстана, следует отметить следующие проблемы. Во-первых, на наш взгляд, неправильно введен в действие новый правовой институт – уголовный проступок, что нарушило поступательную тенденцию развития уголовной политики страны в сторону её гуманизации. Вместо достижения стратегической цели проводимой Казахстаном уголовной политики мы наблюдаем обратный процесс: из категории административных правонарушений они превращаются в уголовные проступки, общественная опасность которых становится значительно выше. То есть почти двадцатилетних труд законодателя, ученых, правоприменителей по декриминализации отдельных преступлений, не имеющих повышенной общественной опасности, оказался напрасным. Такое применение института уголовный проступок, на наш

взгляд, приведет к ужесточению национального уголовного законодательства, увеличению численности лиц, привлеченных к уголовной ответственности, и другим негативным последствиям, которые не будут способствовать предупреждению преступности, повышению безопасности и оздоровлению общества. По нашему глубокому убеждению, необходимо было бы ранее декриминализованные уголовные правонарушения оставить в сфере действия административного законодательства. В то же время, следовало бы провести дифференциацию составов преступлений, относящихся к тяжким и особо тяжким, переведя некоторые из них в разряд средней тяжести или даже небольшой тяжести. При этом, необходимо было бы дальше развивать административное законодательство путем создания Административного и Административно-процессуального кодексов, сохранив в их правовом поле действия правонарушения, которые в новом Уголовном кодексе Казахстана являются уголовными проступками. Подытоживая свою мысль, хотелось бы призвать законодателей стран СНГ изучить негативный казахстанский опыт введения в юридический оборот уголовных проступков.

Другой важной проблемой, не решенной новым Уголовным кодексом Республики Казахстан, является сохранение правовых норм, перешедших из прежнего законодательства. В частности, в Законе сохранились не только виды наказаний, но и содержится механизм исполнения отдельных из них, которые являются предметом регулирования уголовно-исполнительного законодательства. Здесь мы имеем в виду правила исполнения ограничения свободы, условного осуждения, арест и т.д. Не перенесение данных новелл в уголовно-исполнительный кодекс приведет к тому, что законодатель вновь вернется к данной проблеме. Может быть, следовало бы в настоящем Законе уже решить данный юридический казус. Ведь правовое содержание многих новелл Уголовного кодекса РК раскрываются при их исполнении. Так, согласно п.2 ст. 44 УК при пробационном контроле только по решению суда устанавливаются определенные обязанности осужденных. А если суд не определил круг обязанностей осужденных. Тогда он фактически выпадает из поля действия probation, так как орган, исполняющий наказание в виде ограничения свободы, условное осуждение, условно-досрочное освобождение и т.д. не может сам установить перечень обязанностей. Может быть, следовало закрепить право данному органу (службе probation) самому определять круг обязанностей испытуемого осужденного с учетом личности, тяжести совершенного преступления и т.д.

Резюмируя вышеизложенное, нами предлагается из уголовного законодательства перенести в уголовно-процессуальное и уголовно-исполнительное все правовые институты, носящие уголовно-процессуальный и уголовно-исполнительный характер. Этим будут устранены коллизии и пробелы

в законодательстве. Кроме того, резко возрастет эффективность самого уголовного кодекса, которая будет освобождена от правовой регламентации несвойственной ему функций.

Здесь хотелось бы указать какие именно правовые институты, носящих уголовно-процессуальных и уголовно-исполнительный характер, следует перенести из Уголовного кодекса в Уголовно-процессуальный и Уголовно-исполнительный кодексы. Так, например, из Уголовного в Уголовно-исполнительный кодекс следует перенести системы наказаний, виды исправительных учреждений, исполнение наказаний, альтернативных лишению свободы (штраф, общественные работы и т.д.), институт условного осуждения, институт условно-досрочного освобождения. При реализации данного предложения мы достигнем, как говорилось ранее, следующее: устраним коллизии между указанными законодательствами; значительно сократим количество бланкетных норм; повысим эффективность уголовного законодательства путем освобождения от правовой регламентации несвойственной ему функции для исполнения основной - квалификации преступлений.

Третьей проблемой, которую законодателю следует решить, является материальное обеспечение исполнения отдельных видов наказания. Например, до настоящего времени не определен механизм исполнения ареста. Где будет исполняться данный вид наказания? Имеются ли финансовые средства для их исполнения? Предложение по исполнению ареста в следственных изоляторах, изоляторах, так называемых приемниках, физически невозможно. Возникает уместный вопрос: а зачет в перечень видов наказания включать арест, ограничение свободы, исправительные работы и т.д., исполнение которых невозможно в силу отсутствия финансирования. Более того, исполнение отдельных видов наказаний практически одинаковые (ограничение свободы и исправительные работы – сноса автора), что наводит на мысли о нецелесообразности их внедрения в законодательство. Может быть, следует учесть опыт Германии в данном вопросе и оставить только три вида наказания: штраф, привлечение к общественным работам и лишение свободы.

Что же касается отмены смертной казни, то здесь не все так однозначно. По нашему глубокому убеждению, отмена смертной казни в условиях жесточайшего экономического кризиса, безработицы, пандемии и т.д. - преждевременно. Только смертная казнь как исключительная мера наказания обладает наиболее эффективным потенциалом по предупреждению преступлений. Страх быть казненным сдерживает преступников от совершения тяжких и особо тяжких преступлений.

Говоря о системе наказаний в целом, следует отметить, что некоторые из них по правовой природе исполнения одинаковые. Мы имеем в виду

исправительные работы и ограничение свободы. Учеными предполагалось исполнение ограничения свободы в исправительных центрах. Однако из-за отсутствия финансирования строительства данных учреждений, законодатель принял решение об исполнении ограничения свободы по месту жительства, что полностью соответствует отбыванию исправительных работ. На наш взгляд, если государство не может надлежащее исполнение исследуемого наказания, то оно должно отказаться от него. Кстати, в Германии система наказаний состоит из штрафа, общественных работ и лишения свободы. Может быть, нам следует обратиться к опыту самого мощного европейского государства с третьей экономикой мира.

В уголовном законодательстве, кроме вышеперечисленных, содержатся правовые институты, требующих своего реформирования. Здесь имеется в виду рецидив преступлений, пределы необходимой обороны, педофилия, коррупция и т.д. Так, по нашему глубокому убеждению рецидив преступлений должен учитывать не при назначении судом наказания, а при его исполнении. Рецидив необходимо рассматривать как брак в воспитательной и иной работе пенитенциарных учреждений и иных правоохранительных органов, осуществляющих процесс ресоциализации правонарушителей. Касательно пределов необходимой обороны хотелось бы высказать мнение о том, что его следует ликвидировать. Исследуемый институт препятствует законопослушному гражданину выразить свою гражданскую позицию и активно сопротивляться, и пресекать преступные посягательства. Думается, если государство в полной мере не может обеспечить безопасность личности, общества и государства, то оно должно предоставить право человеку и создать соответствующие законные условия для противодействия совершаемому преступлению.

Рассматривая педофилию как реальную угрозу здоровью народа, следует предусмотреть уголовную ответственность виновного в виде смертной казни. Химическая кастрация и длительные сроки лишения свободы не обеспечат эффективную безопасность детей от преступлений сексуального характера. Тем более, что педофилы, согласно научным исследованиям, сами в раннем возрасте были объектами посягательств. Зло порождает зло.

Что же касается коррупции, то в уголовное законодательство для обеспечения эффективного противодействия ей необходимо внести новое определение, предусматривающего уголовную ответственность всех не должностных, физических и юридических лиц. В этой связи, нами предлагается следующее определение: «коррупция – это одна из форм организованной преступности, проявляющейся в злоупотреблении государственной властью лицами, выполняющими государственные функции, лицами, приравненными к ним, а также в нарушении своих обязанностей лицами, занятыми в негосударственном секторе предпринимательства, представителями

неправительственных и международных организаций, и иными лицами, состоящими в иного рода отношениях, для незаконного получения имущества, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера, либо предоставление названными лицами, а также юридическими лицами таких имуществ, прав на него, услуг или льгот, в том числе неимущественного характера».

Еще один правовой институт, не отвечающий современным вызовам и угрозам для человека, общества и государства является институт «пределы необходимой обороны». По нашему глубокому убеждению, он изжил себя и не соответствует капиталистическим социальным отношениям, так как препятствует личности оказывать активное сопротивление преступным посягательствам. Ликвидировав данный институт, государство обеспечить право гражданина и человека на защиту своей и других лиц жизни, здоровья, собственности и т.д. от уголовных правонарушений. При этом «необходимая оборона», как гуманный институт, должен быть сохранен.

Особую проблему в своей реализации имеет наказание в виде конфискации имущества, добытого преступным путем. Очень трудно, как показывает правоприменительная практика уголовного судопроизводства, выявить и доказать, что то или иное имущество является результатом криминальной деятельности. Правонарушители всячески ухищряются, находят различные способы для отвода имущества и финансовых средств от изъятия их в пользу государства (переписываю имущество на престарелых родителей, детей; фиктивно разводятся с женами, вывозят капитал в офшорные зоны и т.д.). Учитывая изложенное, нами предлагается: ввести требование заполнения деклараций доходов и расходов не только государственными служащими, но и всеми их близкими родственниками, сожителями и т.д.; запретить иметь двойное гражданство; конфискованные здания и сооружения передавать в пользование или собственность престарелым людям (создавать дома для престарелых и инвалидов), детям-сиротам, создавать ясли, детские сады, дома отдыха и т.д.

Далее остановимся еще на одном важном вопросе. В суде существуют трудности при квалификации грабежа и разбоя. Здесь, как правило, преобладает субъективизм при рассмотрении судом данных составов преступлений. Не всегда суд правильно квалифицирует грабеж и разбой из-за того, что допускают ошибки (или злонамеренно) при установлении уголовно-правовых и криминологических характеристик. Думается, уместно сказать, что в казахском языке грабеж и разбой обозначаются одним словом.

Резюмируя сказанное, нами предлагается объединить изученные нами составы преступлений и обозначить одним термином – грабеж.

Другой проблемой, требующего своего скорейшего решения, является такой состав преступления, как изнасилование. Согласно действующему

уголовному законодательству потерпевшей, признается лицо женского пола. Однако, в современных условиях развития общества, когда появились трансгендеры, широко распространился гомосексуализм и т.д. перед законодателем обособно встал вопрос о закреплении в уголовном законодательстве положения, регламентирующего при изнасиловании потерпевшими не только женщин, но и мужчин.

Таким образом, вышеизложенное позволяет нам сделать следующие выводы:

1. в настоящее время, одним из важнейших направлений уголовной политики, проводимой Республикой Казахстан, является широкое внедрение уголовных наказаний, альтернативных лишению свободы;

2. для совершенствования уголовно-исполнительного законодательства Республики Казахстан предлагается разработать новый законопроект – «Об исполнении наказаний и службе пробации». В одном законопроекте должны быть регламентированы виды наказаний (от штрафа до лишения свободы и смертной казни), виды учреждений и органов, исполняющие наказания, входящих в уголовно-исполнительную (пенитенциарную) систему, порядок исполнения (отбывания) всех видов уголовного наказания, а также социальная адаптация и реабилитация лиц, оказавшихся в сфере уголовного судопроизводства, и т.д.

Автор предлагает также новое название законопроекта – «Закон Республики Казахстан «Об исполнении наказаний и службе пробации»». Предлагаемое нами название проекта Уголовно-исполнительного кодекса наиболее полно раскрывает правовую сущность нового нормативного правового акта.

Реализация указанных в Уголовно-исполнительном кодексе Республики Казахстан новелл настоятельно требует создания самостоятельного государственного органа - Агентства исполнения наказаний и службы пробации;

3. продолжить совершенствование уголовно-правового законодательства в целях повышения его эффективности.

Высказанные нами предложения не бесспорны, но они направлены на совершенствование законодательства, и поэтому имеют право на существование.

Барков Александр Владимирович

ТОЧЕЧНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ: ПОЛЬЗА И ИЗДЕРЖКИ

Профессор кафедры судебной деятельности УО «Институт переподготовки и повышения квалификации судей, работников прокуратуры, судов и учреждений юстиции БГУ», к.ю.н, профессор,
Заслуженный юрист Республики Беларусь, ukrb@tut.by

Аннотация. Рассматриваются вопросы влияния точечных корректировок действующего уголовного законодательства Республики Беларусь на концепцию Уголовного кодекса, систему институтов и норм уголовного права.

Ключевые слова: уголовный закон, криминализация, декриминализация, пенализация, депенализация.

Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее – УК) действует 21 год. Очевидно, что в условиях значительных социальных, экономических и политических перемен уголовное законодательство неизбежно корректируется, меняется и дополняется. По состоянию на 1 сентября 2022 г. в УК внесены поправки на основании 78 Законов и одного Заключения Конституционного Суда Республики Беларусь. По приблизительным подсчетам автора редакционные изменения претерпели 1 162 нормы (некоторые статьи и примечания многократно). Корректировка коснулась свыше 2 170 позиций разной важности: от замены терминов до юридически значимых конструктивных признаков состава преступления.

Очевидно, что целью внесения изменений и дополнений в УК всегда является совершенствование правового регулирования и повышение эффективности уголовно-правовой охраны человека, его прав и свобод, общественных и государственных интересов, установленного правопорядка от преступных посягательств.

Однако, как отмечает А. Э. Жалинский, который отметил: «Вся история уголовного права изобилует противоречиями между его действительными задачами и возможностью его антисоциального использования, между необходимым состоянием формы и содержания уголовного права и искажающими его предписаниями, между негативными последствиями и полезностью. Развитие уголовного права должно быть на основе понимания его природы направлено на смягчение этих противоречий и оптимизацию уголовного права в интересах государства и общества». И далее автор предупреждает: «Игнорирование существенных черт уголовного права, его реалий способно привести к его трансформации в разрушающую силу» [1, с. 3].

Уголовный кодекс, как и любой систематизированный закон, в своем законченном виде воплощает определенную правовую идеологию, следует общим принципам, имеет внутреннюю логику, взаимосвязь составляющих элементов, единство терминологии и т.д. Последующая корректировка норм уголовного закона предполагает бережное отношение к системности этого документа и соблюдение ряда требований, на которые нам хотелось бы обратить внимание читателя.

Чрезвычайно важно учитывать, что кодекс подобен сооружению, где каждая норма своеобразный кирпичик в конструкции закона. Изменение хотя бы одной нормы без учета ее взаимодействия с другими нормами и правовыми институтами иногда приводит к результату, который не соответствует поставленной цели.

Решая важную задачу смягчения уголовной ответственности за ряд преступлений, законодатель Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 г. №227-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь», изменил редакцию ст. 12 УК, устанавливающей критерии определения категорий преступления. При этом санкции статей Особенной части УК не пересматривались. Если к тяжким преступлениям в первоначальной редакции УК относились умышленные преступления, которые карались свыше 5 лет лишения свободы, а к особо тяжким – которые наказывались строже 10 лет лишения свободы, то в новой редакции соответственно это преступления, наказуемые свыше 6 лет или свыше 12 лет лишения свободы. Такое законодательное решение «перевело» значительную часть тяжких преступлений в категорию менее тяжких, а особо тяжких – в категорию тяжких преступлений. Произошло огульное смягчение уголовной ответственности без учета действительной общественной опасности ряда конкретных преступлений.

В итоге из категории особо тяжких преступлений «вышли» 23 состава преступления, а из категории тяжких – 15 составов. Произошло это «автоматически», без анализа обоснованности и целесообразности такого решения по каждой норме Особенной части УК. В дальнейшем Закон Республики Беларусь от 17 июля 2006 г. № 147-3 «О внесении дополнений и изменений в Уголовный, Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь и кодексы Республики Беларусь об административных правонарушениях» исправил ситуацию: вернул эти и другие преступления в прежние категории путем увеличения верхнего предела санкций соответственно на 1 или 2 года лишения свободы. Но в итоге вместо смягчения ответственности произошла пенализация [2, с. 13–14].

Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 № 171-3 «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» в примечании к главе 25 УК сформулировано правило: «Наказание в виде лишения свободы не может быть назначено впервые осуждаемому лицу, совершившему не представляющее большой общественной опасности или менее тяжкое преступление против порядка осуществления экономической деятельности (за исключением контрабанды, незаконных экспорта или передачи в целях экспорта объектов экспортного контроля, легализации («отмывания») средств, полученных преступным путем)». По нашему мнению, произошла

противоречивая «депенализация» значительного ряда преступлений против экономической деятельности: нельзя применять лишение свободы, но и нельзя применять иные меры уголовной ответственности, предусмотренные ст. 77 или 78 УК. Возникла проблема пересмотра приговоров на основании ст. 9 УК в отношении лиц, осужденных с отсрочкой исполнения наказания или с условным неприменением наказания.

Следует помнить, что структура и предписания кодекса в своей основе следуют теории уголовного права. Произвольное перемещение норм в разделах и глава УК не только затрудняет поиск нормы, но и приводит к искаженному толкованию при правоприменении.

Так, Законом от 26 мая 2021 г. № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» из главы 7 УК «Множественность преступлений» исключена ст. 41, определявшая понятие повторности преступлений. А статья 4, разъясняющая отдельные термины УК, дополнена ч. 14-1 в которой воспроизводится аналогичное понятие преступления, совершенного повторно. Очевидно, что повторность преступлений остается видом множественности преступлений, а перемещение нормы – это искусственно созданный технический брак.

Чрезвычайно важно при корректировке закона обеспечивать требование формальной определенности, исключаящее широкое произвольное толкование нормы (что в уголовном праве недопустимо). Вышеупомянутым Законом от 26 мая 2021 г. № 112-З ст. 130 дополнена примечанием следующего содержания: «Под иной социальной принадлежностью в настоящей статье понимается принадлежность лица к определенной социальной группе по признаку пола, возраста, профессии, рода занятий, места жительства и иной социально-групповой идентификации». На наш взгляд, возникли предпосылки применения серьезнейше нормы УК, помещенной в главу «Преступления против мира и безопасности человечества», в отношении менее опасных проявлений. Так, вполне мыслимо уголовное преследование по ст. 130 УК за разжигание неприязни к болельщикам (фанатам) того или иного футбольного клуба или жителям другого берега реки... Очевидно, что толкование ст. 130 должно соотноситься с родовым объектом преступлений главы 17 УК.

Корректировка норм УК предполагает бережное отношение к концепции закона, к его системе и сложившимся правовым институтам.

Библиографические ссылки

1. Жалинский, А. Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ / А. Э. Жалинский – 2-е изд. перераб. и доп. – М. : Проспект, 2016. – 400 с.

2. Барков, А. В. Уроки законотворчества в уголовном праве / А. В. Барков // Совершенствование правового регулирования и механизмов функционирования

системы противодействия преступности : материалы междунар. науч.-практ. конф., 18–19 окт. 2013 г., Минск / редкол. : И. О. Грунтов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2013. – 219 с.

Ключко Римма Николаевна

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА И ОТРИЦАНИЕ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА

Заведующий кафедрой уголовного права, уголовного процесса и криминалистики учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы», к.ю.н., доцент, r.kliuchko@grsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы необходимости и допустимости криминализации реабилитации нацизма и отрицания геноцида белорусского народа как преступлений против мира и безопасности человечества с учетом тенденций развития социальных и политических процессов в мире и Республике Беларусь.

Ключевые слова: реабилитация нацизма; отрицание геноцида белорусского народа; преступления против мира и безопасности человечества; деструктивное информационное воздействие; информационная безопасность.

Анализ происходящих во всем мире тенденций развития национальных уголовных законов свидетельствует о том, что сфера уголовно-правового обеспечения информационной безопасности расширяется за счет использования уголовно-правовых запретов для блокирования новых видов угроз в информационной сфере. Это обусловлено, в первую очередь тем, что деструктивное информационное воздействие на индивидуальное и общественное сознание в виде распространения заведомо ложной информации, в том числе посредством искажения исторических фактов в целях деформации исторической памяти, обесценивания духовно-нравственных ценностей, пропаганды аморальных и социально опасных форм поведения с использованием возможностей глобального информационного пространства требуют разработки и применения адекватных этим угрозам мер правового противодействия, в том числе использования уголовно-правового ресурса.

Правовой базой для совершенствования белорусского уголовного законодательства в части криминализации реабилитации нацизма и отрицания геноцида белорусского народа стали национальные и международно-правовые нормы. Обновленная Конституция Республики Беларусь постулирует, что государство «регулирует отношения между социальными, национальными и другими общностями на основе принципов равенства перед законом, уважения

их прав и интересов» (ст. 14), «обеспечивает сохранение исторической правды и памяти о героическом подвиге белорусского народа в годы Великой Отечественной войны» (ст. 15), а «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа, патриотизм» признает долгом каждого гражданина Республики Беларусь (ст. 54). Необходимость дальнейшей последовательной реализации государственной исторической политики, направленной на закрепление в Беларуси и за ее пределами белорусской национальной концепции исторического прошлого страны и белорусской модели памяти в качестве доминирующей, закреплена в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной Постановлением Совета Безопасности Республики Беларусь от 18 марта 2019 г. №1, а принцип сохранения исторической памяти и недопущения фальсификации истории, в том числе искажения исторических фактов установлен в Законе Республики Беларусь от 14 мая 2021 г. № 103-З «О недопущении реабилитации нацизма». Принятый 5 января 2022 г. в целях сохранения памяти о миллионах советских граждан, которые стали жертвами в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период, Закон «О геноциде белорусского народа» № 146-З создает правовые механизмы защиты фундаментальных ценностей белорусского народа, противодействия действиям по фальсификации событий и итогов Второй мировой войны. Указом Президента Республики Беларусь № 1 от 1 января 2022 г. нынешний год объявлен годом исторической памяти, что подчеркивает значимость сохранения исторической памяти для обеспечения безопасности и развития нашего общества и государства в условиях сегодняшнего дня. Попытки деформации исторической памяти «посредством умышленного и целенаправленного искажения истории, навязывания чуждых смыслов и интерпретаций, политизации ключевых событий и дат» определяются как вызов для белорусского общества на современном этапе, а значимые исторические события составляют фундамент государственности.

В условиях непрекращающихся в мире попыток фальсификации истории, итогов Второй мировой войны, внимание вопросам противодействия таковым уделялось в последнее время и международным сообществом. Так, Генеральной Ассамблеей ООН был принят ряд Резолюций, посвященных вопросам противодействия эскалации современных форм расовой дискриминации и попыток героизации нацизма. В очередной Резолюции 76/149 от 16 декабря 2021 года «Борьба с героизацией нацизма, неонацизмом и другими видами практики, которые способствуют эскалации современных форм расизма, расовой дискриминации, ксенофобии и связанной с ними нетерпимости» (далее – Резолюция), отмечается сегодняшняя встревоженность распространением во многих частях мира различных экстремистских политических партий, движений, идеологий и групп расистского и ксенофобского толка, включая группы

неонацистов; использованием цифровых технологий экстремистскими группами и группами ненависти, в том числе неонацистскими для распространения своей идеологии; попытками объявления бывших нацистов, членов организации «Ваффен-СС» и тех, кто боролся против антигитлеровской коалиции и сотрудничал с нацистским движением участниками национально-освободительных движений, осквернения или разрушения памятников, воздвигнутых в память о тех, кто боролся против нацизма в годы Второй мировой войны. Резолюция решительно осуждает акты прославления и пропаганды нацизма, приветствует усилия государств-членов по сохранению исторической правды, а также призывает государства принять надлежащие меры для устранения возникающих угроз, связанных с ростом террористических атак на почве расизма, ксенофобии и других форм нетерпимости. Необходимо также отметить, что в Резолюции содержится призыв о принятии надлежащих мер, в том числе законодательных, направленных на предотвращение ревизионизма в отношении Второй мировой войны и отрицания преступлений против человечности и военных преступлений во время Второй мировой войны.

Действия, направленные на фальсификацию исторических событий, связанных с установленными фактами совершения преступлений против мира и безопасности человечества в период Второй мировой войны нацистскими преступниками, их героизация направлены на изменение общественного сознания, создают условия для проявлений различных форм экстремизма как негативного социально-политического феномена современной действительности. С учетом высокой степени общественной опасности действий по реабилитации нацизма, ростом нацистского и других видов экстремистских движений закономерным и обоснованным стало решение белорусского законодателя о криминализации действий, реабилитирующих нацизм и отрицающих установленные факты геноцида белорусского народа. В свою очередь, в содержании процесса криминализации «отражается, по существу, содержание и направленность культуры общества в целом, его социальных норм, ценностей и идеалов» [1, С. 8], а изучение объективных процессов развития информационного общества лежит в основе научно обоснованного правотворческого процесса. Анализ тенденций динамики и структуры асоциальных явлений как объективных общественных процессов, в том числе преступности, позволяет прийти к выводу о росте числа общественно опасных информационных деяний экстремистской направленности. Нарастание геополитического конфликтного потенциала, усиление процессов информационного противоборства различных политических сил являются факторами роста распространения экстремистской идеологии и деятельности во всех ее проявлениях, в том числе деятельности по реабилитации нацизма (неонацизма), героизации нацистских преступников и отрицанию фактов

совершения преступлений против мира и безопасности человечества, а современные информационно-коммуникационные технологии потенцируют их опасность до общественной опасности преступного деяния.

Действия, направленные на переформатирование общественного сознания и духовно-нравственных ценностей через фальсификацию фактов и манипулирование информацией, формирование противоречащих социальной справедливости, являющейся основой политической устойчивости государства и социального благополучия общества, взглядов и представлений, посредством информационной интервенции чуждых белорусскому обществу идеологии и морали, стремлением представителей зарубежных государств пересмотреть исторические факты и итоги Второй мировой войны, являются формами проявления деструктивного информационного воздействия, определяемого в документах стратегического планирования как одна из основных угроз национальной безопасности. Такие действия создают экзистенциальные угрозы для сохранения и развития белорусского народа и суверенитета государства и представляют опасность для национальных интересов.

Библиографические ссылки

1. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация. М., 1982. – 304 с.

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ

Бахур Олег Иванович

ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ

Начальник кафедры уголовного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, olivbah@gmail.com

Аннотация. В статье анализируется преступность несовершеннолетних в сфере незаконного оборота наркотиков, особенности ее детерминации, рассматриваются основные направления профилактики вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков. Формулируются предложения по совершенствованию уголовного закона, направленные на противодействие вовлечению малолетних и несовершеннолетних в преступный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, а также пропаганде наркотиков.

Ключевые слова: наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры и аналоги; преступный оборот наркотиков; преступность несовершеннолетних; уголовная ответственность.

Преступный оборот наркотиков включает посягательства на установленный законодательством Республики Беларусь порядок оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, охраняемый нормами ст.ст. 327–332 УК Республики Беларусь, а также лиц, их совершивших.

Динамика преступлений, составляющих преступный оборот наркотиков, с 1990 г. характеризуется постоянным ростом с периодами более интенсивного роста (1990–1997 гг., 2000 гг.), замедления роста (1997–1999 гг., 2000–2003 гг.), относительно снижения (2005–2008 гг., 2011–2012 гг., 2016–2021 гг.) [1]. При этом, за период времени с 1990 г. по 2015 г. количество зарегистрированных в Беларуси преступлений, составляющих незаконный оборот наркотиков, увеличилось более чем в 17 раз и составило 7 296 преступлений (7,5% общего массива преступлений), а количество зарегистрированных преступлений рассматриваемого вида за последние 25 лет всегда находилось выше уровня 1996 г.

Доля осужденных по статье 328 УК в период с 2015 по 2021 гг. ежегодно составляет около 97% от общего числа осужденных по ст.ст. 327–332 УК. С 2007 г. по 2021 г. подавляющее большинство выявленных лиц совершили преступления, предусмотренные ч. 1 ст. 328 УК. В 2021 г. количество данных

лиц составило 64,7 % от всех лиц, осужденных за преступный оборот наркотиков. Так же значительное число лиц осуждается за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов, связанный со сбытом и совершенный при квалифицирующих обстоятельствах, предусмотренных ч.ч. 3 – 5 ст. 328 УК – 31,9 % от всех осужденных за совершение указанных преступлений.

Возраст большинства осужденных за совершение преступлений рассматриваемого вида является молодежным – 18–29 лет (51,5% от всех осужденных). В указанной группе преобладают лица в возрасте 18–24 года – 29,6%. Тревогу вызывает наличие среди осужденных лиц в возрасте 14-17 лет – 4,5%. При этом особую обеспокоенность вызывает стабильно высокая доля несовершеннолетних, осужденных за совершение незаконного оборота наркотиков, сопряженного с их сбытом. Так в 2018 г. доля таких лиц среди всех осужденных за совершение незаконного оборота наркотиков, сопряженного со сбытом, составляла 3,9 %, в 2019 г. – 4,9%, в 2020 г. – 4,22 %, в 2021 г. – 3,3 %.

Анализ динамики изменений статистических данных о лицах, причастных к преступному обороту наркотиков, на протяжении периода с 2010 по 2021 гг., свидетельствует об относительном постоянстве структуры социально-демографической характеристики лиц их совершающих. При этом доля несовершеннолетних, совершающих преступления, связанные с наркотиками, за указанный период составляет в среднем около 2 % от количества выявленных лиц, однако, с 2013 г. данный показатель начал расти и в 2016 г. вырос почти на 4% по сравнению с 2010 г., после 2016 г. число осужденных несовершеннолетних опять начало снижаться. Несовершеннолетние совершают в основном преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков без цели сбыта (ч. 1 ст. 328 УК). Учащиеся, совершившие рассматриваемые преступления, составляли в среднем за указанный период около 7,2 %, из них учащиеся колледжей – около 3%.

Бесспорно, что детерминанты современной наркопреступности на территории Республики Беларусь, находятся, прежде всего, в плоскости факторов социально-медицинского, геополитического, социально-экономического, организационно-правового и нравственно-психологического характера [2, с. 60]. Наиболее же специфическими детерминантами, совершения несовершеннолетними преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, являются следующие:

высокий уровень безработицы, а также отсутствие занятости несовершеннолетних и отсутствие должного внимания к решению этой проблемы со стороны местных органов власти и родителей;

утрата значительной частью общества семейных ценностей, что является опасным признаком социального упадка. Семья не является актуальной

приоритетной ценностью для всё более значительной части граждан, разводы являются весьма распространёнными. Все это влечет целый комплекс вредных последствий для малолетних и несовершеннолетних. Дети, находящиеся в таких условиях жизни и воспитания, переживающие постоянные семейные конфликты, сталкиваются с проблемами в учебных заведениях, непониманием со стороны сверстников, материальными трудностями. В результате несовершеннолетние приобщаются к наркотикам, стремясь уйти от сложностей жизни, конфликтных ситуаций и пр.;

широкие возможности для привлечения к распространению наркотиков нуждающихся учащихся и студентов, используемых в качестве курьеров, сбытчиков;

высокая степень влияния наркотизации на несовершеннолетних из-за присущей лицам этого возраста недостаточной социализации, утраты в переходный период социальной ориентации или перспективы, несамостоятельности мышления, стремления к подражанию, желания самоутвердиться и т.п., целенаправленное воздействие пропаганды;

неорганизованность занятости молодежи, а также низкий уровень внимания к решению этой проблемы со стороны местных органов власти, родителей, преобладание у несовершеннолетних интересов, связанных с развлечениями, отдыхом, отсутствие любимых занятий в свободное время, неумение организовать свой досуг;

оказание влияния на неокрепшее правосознание молодых людей девиантно-ориентированной среды, формирующей негативные стереотипы поведения посредством расценивания наркотиков в качестве неотъемлемых атрибутов модного образа жизни, современной молодежной субкультуры, как средства повышения авторитета в микро- и макрогруппах;

распространившаяся в молодежной среде «мода» на «легкие» наркотики и аналоги, вызванная активностью наркобизнеса по переориентации наркорынка на новые виды психоактивных веществ синтетического происхождения – стимуляторы амфетаминового ряда, синтетические анальгетики и синтетические опиаты, синтетические каннабиноиды группы JWH. Указанные наркотики получили широкое распространение так же благодаря их сравнительно низкой стоимости, новым методам рекламирования (под видом легальных веществ, маскируемых под товары народного потребления – курительные смеси, т.н. «спайсы», товары бытовой химии, косметические средства и т.д.) и распространения, например, широкого использования сети Интернет, бесконтактных способов передачи и электронных платежей.

Важно то, что в Беларуси массово проводится разъяснительная работа с населением, пропагандирующая здоровый образ жизни и неприемлемость потребления наркотиков и других одурманивающих средств. Вместе с тем,

акцент в данной работе необходимо делать на следующие профилактических мероприятиях с несовершеннолетними:

- проведение индивидуальной предупредительной работы с несовершеннолетними, склонными к употреблению, или употребляющими наркотики, с обязательным вовлечением общественных и религиозных организаций;

- увеличение числа специализированных теле- и радиопрограмм, рубрик, выступлений в средствах массовой информации о вреде наркотиков. Особый внимание следует уделить антинаркотической пропаганде в сети Интернет. Например, создание специализированного канала на видео сервисе Youtube, ориентированного на молодежную аудиторию, где соответствующие видеоматериалы представлялись бы «народными корреспондентами» из числа молодежных активистов. На этой же платформе целесообразно формировать и стимулировать развитие волонтерского молодежного антинаркотического движения;

- проведение мероприятий по организации действенной государственной поддержки массовых и дворовых видов спорта и создание условий для вовлечения детей и подростков в систематические занятия физической культурой и спортом по месту жительства. При этом нужно обеспечить доступность занятий спортом, что должно на деле стать приоритетной государственной задачей. Вовлекать в ее решение нужно и предпринимателей, например посредством целевой государственной поддержки тех из них, деятельность которых ориентирована на создание условий для бесплатного занятия детей и молодежи физкультурой и спортом.

Отметим, что важнейшим направлением предупреждения вовлечения несовершеннолетних в незаконный оборот наркотиков является борьба с распространением информации, популяризирующей употребление наркотиков. Сегодня Интернет, пресса, а также определенные телепрограммы и художественные фильмы распространяют информацию о свойствах разных видов наркотиков, местах их приобретения и сбыта, расценках, эйфорических ощущениях после приема наркотических средств, способах и методах разработки наркотических средств. Подобная реклама оказывает пагубное воздействие в первую очередь на подростков с их еще не сформировавшейся психикой, быстрее поддающейся влиянию, путем стимулирования интереса к потреблению наркотиков. Таким образом, СМИ становятся одним из основных источников распространения молодежной наркотической субкультуры.

С учетом сказанного, полагаем, что существующие уголовно-правовые нормы (прежде всего ст. 331 УК Республики Беларусь) не позволяют в полной мере обеспечивать противодействие пропаганде наркотиков, полагаем необходимым внести в ч. 2 ст. 331 УК Республики Беларусь норму,

предусматривающую ответственность за пропаганду наркотических средств, психотропных веществ их прокуроров и аналогов в СМИ [3, с. 678].

Наряду с пропагандой наркотиков существенную опасность представляют и такие довольно распространенные деяния, как вовлечение малолетних и несовершеннолетних в преступный оборот наркотиков. Поэтому также следует поддержать предложения о введении уголовной ответственности за вовлечение малолетних и несовершеннолетних в незаконные действия, связанные с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или их аналогов со стороны лиц, достигших как восемнадцатилетнего, так и шестнадцатилетнего возраста (включив в УК Республики Беларусь соответствующую ст. 1721 УК) [4, с. 93].

Библиографические ссылки

1. Преступность в Республике Беларусь [Электронный ресурс] // Национальный статистический комитет Республики Беларусь. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/socialnaya-sfera/pravonarusheniya/anual_data/. – Дата доступа: 19.02.2022.

2. Казакевич, С.М. Детерминанты преступности, связанной с незаконным оборотом наркотиков (на примере Республики Беларусь) // Вестник Белгородского юридического института МВД России имени И.Д. Путилина. – 2020. – № 1. – С. 59-61.

3. Бахур, О.И. Современные проблемы совершенствования мер уголовной ответственности за оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов / О. И. Бахур // Право в современном белорусском обществе: сб. науч. тр. / Нац. центр законодательства и правовых исследований Респ. Беларусь; редкол.: В.И. Семенков (гл. ред.) [и др.]. – Минск: ФУ Аинформ, 2013. – Вып. 8. – С. 673-680.

4. Ананич С. В., Легенченко Н. А. Незаконный оборот наркотиков: криминологический анализ и уголовно правовые средства противодействия / С. В. Ананич, Н. А. Легенченко // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2014. – № 2. – С. 90-94

Бимбинов Арсений Александрович

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕКСУАЛЬНОГО ДОМОГАТЕЛЬСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), к.ю.н., доцент,
bimbinov@yandex.ru

Аннотация. В статье дается характеристика состава сексуального домогательства по уголовному законодательству Турции. Легального определения сексуального домогательства в Турции нет. Тем не менее на основе системного толкования норм уголовного закона турецкая доктрина выработала соответствующее определение. Сексуальным домогательством надлежит признавать направленное на удовлетворение сексуальной потребности поведение, исключаящее непосредственный физический контакт с потерпевшим.

Ключевые слова: развратные действия, действия сексуального характера, половая неприкосновенность, непристойные действия, половые преступления.

Статья 105 УК Турции предусматривает ответственность за сексуальное домогательство. Согласно ч. 1 указанной статьи сексуальное домогательство в отношении совершеннолетнего наказывается лишением свободы на срок от трех месяцев до двух лет или судебным штрафом и на срок от шести месяцев до трех лет, если деяние совершено в отношении несовершеннолетнего.

Основным непосредственным объектом рассматриваемого преступления является сексуальная неприкосновенность личности (не несовершеннолетнего), которая подразумевает право человека самостоятельно определять свое место в сексуальных отношениях в пределах, установленных законом и моралью.

По мнению М. Артюка, А. Гекчена и А. Енидюньи, уместно выделение и дополнительного объекта, которым является здоровье человека. Авторы полагают, что сексуальное домогательство нарушает психическое благополучие потерпевшего, поэтому его здоровье находится под угрозой причинения вреда [1, s. 227].

По конструкции объективной стороны состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 105 УК Турции, является формальным. Общественно опасное деяние состоит в сексуальном домогательстве. Легального определения данного понятия в турецком праве нет. Однако путем системного толкования норм гл. 6 (ст. 102-105) УК Турции можно сделать вывод, что речь идет о направленном на удовлетворение сексуальной потребности поведении, исключаящем непосредственный физический контакт с потерпевшим. Учитывая характеристику объекта посягательства, такое поведение должно быть явным и очевидно нежелательным для потерпевшего.

Перечень действий, образующих сексуальное домогательство, является открытым. Деяние может быть совершено устно, письменно, жестами, по телефону, через видеосвязь или посредством использования третьего лица. Это могут быть, в том числе, и завуалированные намеки [2, s. 53]. В качестве примеров сексуального домогательства называют: непристойные сообщения,

звонки, воздушные поцелуи [3, s. 3520], а также озвученные при личной встрече предложения вступить в сексуальный контакт. Так, Четырнадцатая уголовная палата Верховного суда Турции не согласилась с решением предыдущей инстанции, указав, что содеянное по второму эпизоду образует состав сексуального домогательства. По делу было установлено, что обвиняемый после совершенного им сексуального насилия в отношении первой потерпевшей обратился ко второй со словами «Позволь мне тебя тоже любить», не вступая с последней в физический контакт (Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2015/6750 Esas, 2019/7963 Karar).

Важно при этом иметь в виду, что деяние, начавшееся как сексуальное домогательство, но не завершившееся физическим контактом с потерпевшим по обстоятельствам, не зависящим от воли виновного, не образует преступление, предусмотренное статьей 105 УК Турции, а должно рассматриваться как неоконченное сексуальное насилие [4, s. 338].

Субъективная сторона анализируемого преступления характеризуется виной в форме прямого умысла и целью удовлетворения сексуальной потребности.

Субъектом является физическое вменяемое лицо, достигшее двенадцатилетнего (как правило, пятнадцатилетнего) возраста.

В соответствии с законом уголовное дело за простое сексуальное домогательство (ч. 1 ст. 105 УК Турции) подлежит возбуждению только по заявлению потерпевшего.

Ч. 2 ст. 105 УК Турции содержит несколько квалифицирующих признаков (п. «а»-«е»), при наличии которых наказание, предусмотренное в ч. 1, увеличивается наполовину. В том же случае, если квалифицированное сексуальное домогательство повлекло для потерпевшего потерю работы, учебы или семьи, минимальный предел наказания повышается до одного года лишения свободы.

Квалифицирующий признак, предусмотренный п. «а» ч. 2 ст. 105 УК Турции, состоит в использовании обстановки, обусловленной общественной обязанностью, служебным положением или семейными отношениями. Этот признак не предполагает зависимость положения потерпевшего. Достаточно того, что виновный, например, при осуществлении своей деятельности в рамках исполнения общественных обязанностей совершил сексуальное домогательство.

Таким же формальным является признак, предусмотренный п. «b» ч. 2 ст. 105 УК Турции, в соответствии с которым установлено более строгое наказание за сексуальное домогательство, совершенное опекуном, воспитателем, попечителем, приемным родителем, лицом, оказывающим медицинскую услугу потерпевшему либо обязанным иметь о нем заботу или осуществлять за ним надзор.

По п. «с» ч. 2 ст. 105 УК Турции квалифицируется сексуальное домогательство, совершенное с использованием преимуществ совместного с потерпевшим рабочего места и времени.

Использование средств почтовой или электронной связи (п. «d» ч. 2 ст. 105 УК Турции) также выступает квалифицирующим признаком, поскольку такой способ придает виновному большую уверенность и чувство безопасности, что предоставляет ему дополнительные возможности по воздействию на потерпевшего [5, s. 101].

П. «е» ч. 2 ст. 105 УК Турции подлежит вменению в случае сексуального домогательства, осуществленного посредством демонстрации потерпевшему частей тела либо указания на них, когда это недвусмысленным образом свидетельствует о желании виновного вступить в сексуальный контакт.

Деяние, образующее данный состав, зачастую подпадает и под признаки преступления, предусмотренного ст. 225 УК Турции, устанавливающей ответственность за непристойные действия. Так, Четырнадцатая уголовная палата Верховного суда Турции согласилась с тем, что действия виновного охватываются признаками составов преступлений, предусмотренных ст. 105 и 225 УК Турции. Установлено, что виновный, находясь в общественном парке, обратился к потерпевшему, публично занимаясь при этом мастурбацией. Вместе с тем судебная инстанция указала, что согласно ст. 44 УК Турции наказание виновному в этом случае следует назначать в соответствии со ст. 105 УК Турции (Yargıtay 14. Ceza Dairesi 2012/873 Esas, 2013/13300 Karar). Такое решение суда обусловлено требованиями турецкого уголовного закона, согласно которому лицо, совершившее одним деянием более одного преступления, наказывается за преступление, предусматривающее наиболее строгое наказание (ст. 44 УК Турции). Ст. 225 УК Турции устанавливает более мягкое по сравнению с сексуальным домогательством наказание: лишение свободы на срок от шести месяцев до одного года.

Библиографические ссылки

1. Artuk M.E., Gökçen A., Yenidünya, A.C. Ceza Hukuku Özel Hükümler. Ankara. Turhan Kitabevi. 2011.
2. Kizildere Ö. Ceza Hukuku Özel Hükümler Dersi. Türk Ceza Kanunu'nda Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar. İstanbul. TC. İstanbul Medipol Üniversitesi. 2017.
3. Yaşar O., Gökcan H.T., Artuç M. Türk Ceza Kanunu Cilt III. Ankara. Seçkin Yayınevi. 2014.
4. Koca M., Üzülmez İ. Türk Ceza Hukuku Özel Hükümler. Ankara. Adalet Yayınevi. 2013.
5. Gündüz R. Cinsel Dokunulmazlığa Karşı Suçlar. Ankara. Bilge Yayınevi. 2015.

Борзенко Дарья Валерьевна

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Специалист ГУ «Национальный центр интеллектуальной собственности»,
dabor8866688@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме уголовно-правовой защиты исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности: очерчены сущностные характеристики ключевых понятий; представлен краткий обзор основных подходов к определению и реализации мер по защите исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности в разных странах мира.

Ключевые слова: уголовное право; уголовно-правовая защита; исключительные права; объекты интеллектуальной собственности; уголовный кодекс.

Создание и обеспечение эффективного функционирования системы правовой охраны прав на результаты интеллектуальной деятельности признается в качестве одной из приоритетных задач современного права на международном уровне. В исследованиях, посвященных проблемам правовой защиты интеллектуальной собственности, ее чаще всего понимают как «совокупность исключительных прав на результаты интеллектуальной деятельности и приравненных к ним средств индивидуализации юридического лица, продукции, выполняемых работ или услуг» [1, с. 48].

В качестве объектов правовой защиты рассматривается «объективно выраженный результат интеллектуальной деятельности», поскольку в этом случае он может «становиться товаром, функционировать на рынке» [2, с. 5]. В международной практике своего рода базовый перечень основных объектов интеллектуальной собственности обычно включает: объекты промышленной собственности, объекты авторского права, секреты производства (ноу-хау), а также другие результаты научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ.

Исключительные права на объекты интеллектуальной собственности типологически относятся к имущественным правам. Они позволяют автору распоряжаться объектом и правами на данный объект, могут передаваться, отчуждаться; они территориально ограничены, то есть охраняются только на территории определенной страны (либо регулируются международными договорами). Исключительные права имеют сроки действия: определенные (на произведения литературы, исполнение, на изобретения, полезные модели и др.)

и неопределенные на секреты производства, фирменные наименования) (подробнее см.: [2, с. 22-25]).

Интенсификация процессов, связанных с коммерциализацией интеллектуальной собственности, влечет за собой рост недобросовестной конкуренции и ее диверсификацию. Это, в свою очередь, обуславливает необходимость соответствующей современным социально-экономическим реалиям системы государственного регулирования сферы интеллектуальной собственности. Одним из структурообразующих компонентов ее является уголовно-правовая защита объектов интеллектуальной собственности, которая рассматривается сегодня как «совокупность мер, целью которых является восстановление и признание этих прав в случае их нарушения» [2, с. 38].

Общий правовой режим в разных странах устанавливается с помощью различных источников права. Основным, как правило, является Уголовный кодекс (далее – УК). В ряде случаев нормы уголовной ответственности за преступления в сфере интеллектуальной собственности выделены в отдельные разделы (главы) кодексов. Таковы глава 19 УК Литвы, глава 11 УК Испании и др. [3, с. 102]. В нашей стране общие параметры уголовно-правовой охраны исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности определяются УК Республики Беларусь.

Например, статья 201, главы 23 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина», раздела 7 «Преступления против человека» посвящена нарушению авторских, смежных, изобретательских и патентных прав. [4].

В некоторых государствах для закрепления норм охраны интеллектуальной собственности могут приниматься специальные законодательные документы. В странах англосаксонской правовой семьи соответствующие нормы размещены в законах «Об авторском праве» или «Об авторских, дизайнерских и патентных правах» [5, с. 215]. В Германии еще в 1960-х годах было принято несколько федеральных законов («О товарных знаках» (1961), «Об авторских и смежных правах» (1965)), которые, в числе прочего, устанавливают уголовную ответственность за нарушение прав интеллектуальной собственности.

Интересные результаты дает сравнительный анализ уголовно-правовых подходов к защите интеллектуальной собственности. Если на постсоветском пространстве «ответственность за преступления против интеллектуальной собственности, в общем и целом сравнима с ответственностью за тайное хищение чужого имущества», то в западноевропейской традиции преступления против интеллектуальной собственности оцениваются законодательно «на уровне преступлений против собственности» [5, с. 104].

Таким образом, обеспечение эффективного функционирования правовой защиты объектов интеллектуальной собственности является одной из

приоритетных задач государственной правовой политики во многих странах мира. Исключительные права на объекты интеллектуальной собственности позволяют правообладателю распоряжаться этими объектами, они передаются, отчуждаются, имеют срок действия и ограничены территориально. Перечень охраняемых объектов интеллектуальной собственности закрепляется в нормативных правовых документах; меры по их защите фиксируются в разных странах либо в УК, либо в специальных законах. Уголовно-правовая защита исключительных прав на объекты интеллектуальной собственности предполагает такие меры воздействия на нарушителей прав интеллектуальной собственности, как: штрафы, ограничение либо лишение права заниматься определенными видами деятельности, общественные и исправительные работы, арест, ограничение свободы, лишение свободы; в некоторых странах также возможны конфискация имущества, принудительное изъятие и уничтожение контрафактных экземпляров произведений.

Библиографические ссылки

1. Стрелков, О. И. Интеллектуальная собственность в вопросах коммерциализации разработок / О. И. Стрелков, А. В. Чернуха // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2007. – № 12 (75). – С. 48–55.

2. Черкасова, О. В. Защита интеллектуальной собственности: учеб. пособие / О. В. Черкасова ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2017. – 102 с.

3. Титов, С. Н. Уголовно-правовое обеспечение интеллектуальной собственности в странах СНГ и Прибалтики / С. Н. Титов // Юридическая наука. – 2012. – № 1. – С. 101–104.

4. Уголовный Кодекс Республики Беларусь: действующая редакция (№ 275-З от 09.07.1999) // Белзакон.NET [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://belzakon.net/Кодексы/Уголовный_Кодекс_РБ. – Дата доступа: 07.07.2022.

5. Торопыгин, О. Ю. Уголовное законодательство зарубежных государств по охране объектов интеллектуальной собственности (сравнительно-правовое исследование) / О. Ю. Торопыгин // Matters of Russian and International Law. – 2016. – № 3. – С. 213–225 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/file/archive-law-2016-3/20-toropygin.pdf>. – Дата доступа: 08.07.2022.

Бородулькина Екатерина Сергеевна

О ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ

Ведущий научный сотрудник отдела исследований в области правоохранительной деятельности и осуществления правосудия Института

правовых исследований Национального центра законодательства и правовых исследований Республики Беларусь, к.ю.н., borodulkina_ks@inbox.ru

Аннотация. Статья посвящена совершенствованию уголовно-правовых мер борьбы с распространением ВИЧ-инфекции. С учетом зарубежного опыта правового регулирования, рекомендаций международных организаций автором предлагаются направления дальнейшего развития уголовного закона в части ответственности за заражение ВИЧ-инфекцией.

Ключевые слова: уголовный кодекс; криминализация ВИЧ-инфекции; международные стандарты; уголовная ответственность за заражение ВИЧ-инфекцией.

В последние годы ст. 157 «Заражение вирусом иммунодефицита человека» Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь неоднократно становилась объектом пристального внимания законодателя. Так, Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. № 171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» указанная статья была дополнена примечанием, содержащим условия освобождения лица от ответственности за совершение деяний, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 157 УК. Законом Республики Беларусь от 26 мая 2021 г. №112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» были изменены санкции ст. 157 УК, а именно: снижен максимальный порог наказания в виде лишения свободы с трех до двух лет по ч. 1 ст. 157 УК, с семи до пяти лет – по ч. 2, с тринадцати до десяти лет – по ч. 3 ст. 157 УК. Кроме того, ч. 1 и ч. 2 ст. 157 УК дополнены альтернативным наказанием в виде ограничения свободы.

Обозначенные корректировки были направлены на либерализацию ответственности ВИЧ-положительных лиц и, в том числе, решили ряд вопросов серодискордантных пар, когда один из партнеров имеет ВИЧ-позитивный статус, а второй, зная об этом, добровольно вступает с ним в половой контакт, осознавая опасность инфицирования.

Вместе с тем международные организации, в частности, Объединенная программа Организации Объединенных Наций по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС), осуществляющая оценку ситуации борьбы с распространением ВИЧ в различных странах, продолжает выступать против криминализации заражения ВИЧ-инфекцией (далее – ВИЧ), кроме случаев, когда лицо имело прямой умысел на заражение. Основным аргументом является наличие в уголовном законе самостоятельной статьи об уголовной ответственности за заражение ВИЧ, что укрепляет стигму и дискриминацию лиц, имеющих ВИЧ-позитивный статус. Кроме того, наличие уголовной ответственности создает

мнимую защищенность общества, при этом лица из группы риска, опасаясь стать потенциальными преступниками, не стремятся своевременно узнавать о своем статусе, что негативно сказывается на борьбе с эпидемией [1].

Зарубежные криминологи высказывают точку зрения, что уголовное право продолжает рассматривать ВИЧ «в рамках доминирующих представлений об опасности, болезни и устаревшей науки. Доктрина не успевает за социальными и научными изменениями» [2]. Криминализация ВИЧ поощряет незнание своего статуса инфицированным лицом, а уголовный закон «наказывает ответственное поведение» в виде лечения и тестирования. Отмечается, что криминализация «укрепляет в общественном сознании стереотип, что люди, живущие с ВИЧ – аморальные и опасные преступники, а не обычные граждане» [3].

Учитывая изложенное, а также основываясь на изменении подходов к конституционному праву на охрану здоровья (в 2022 г. ст. 45 Конституции Республики Беларусь дополнена положением о том, что «граждане заботятся о сохранении собственного здоровья», что указывает на повышение ответственности граждан за состояние личного здоровья и необходимость обеспечения разумного баланса прав и обязанностей участников правоотношений в сфере охраны здоровья), полагаем актуальным выявление направлений для дальнейшего совершенствования уголовного закона в части уголовной ответственности за заражение ВИЧ.

На наш взгляд, следует обратить внимание на законодательный опыт государств, уголовное законодательство которых не содержит специально выделенного состава за заражение ВИЧ. В качестве удачной модели уголовно-правового регулирования на постсоветском пространстве может быть рассмотрен подход законодателей Кыргызстана (ст. 143 УК), установившего уголовную ответственность за заражение венерической или неизлечимой инфекционной болезнью, и Украины (ст. 130 УК), где в одной статье объединены заражение ВИЧ и иной неизлечимой инфекционной болезнью. Разработка общей нормы, предусматривающей ответственность за заражение социально опасными инфекционными заболеваниями, может способствовать приверженности лечению таких лиц. Отметим, что данный подход потребует терминологической определенности и установления списка неизлечимых опасных для жизни инфекционных заболеваний.

Еще одним вариантом дальнейшего совершенствования может являться исключение из уголовного закона ст. 157 УК с включением заражения ВИЧ в качестве элемента конструкции состава объективной стороны причинения тяжких телесных повреждений (ст. 147 УК). При этом дополнительного исследования требует вопрос о возможности отнесения заражения ВИЧ к телесным повреждениям. Инструкция о порядке проведения судебно-

медицинской экспертизы по определению степени тяжести телесных повреждений, утвержденная постановлением Государственного комитета судебных экспертиз Республики Беларусь от 24 мая 2016 г. № 16, не дает однозначного ответа на данный вопрос, а в специальной литературе отмечается, что передача инфекции не является телесным повреждением, поскольку понятие «болезнь» предусматривает временное либо постоянное нарушение нормальной жизнедеятельности, то есть расстройство здоровья. С судебно-медицинских позиций при повреждениях срок расстройства здоровья определяется временем заживления повреждения [4]. Удачным примером разрешения данного вопроса является опыт стран, где законодатель отошел от термина «телесные повреждения» и использует понятие «вред здоровью», который является более широким и мог бы охватывать инфекционные заболевания (например, ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью» УК Российской Федерации).

По нашему мнению, в качестве возможного самостоятельного варианта совершенствования правового регулирования следует выделить исключение ч. 1 ст. 157 УК, закрепляющей ответственность за заведомое поставление в опасность заражения ВИЧ. Термин «заведомость» вносит неопределенность в вопрос о субъективной стороне состава преступления. Особенно остро сегодня стоит вопрос доказывания умысла на заведомое поставление в опасность заражения, если лицо длительное время осуществляло антиретровирусную терапию, имея неопределяемую вирусную нагрузку и обоснованно полагая, что никого подвергнуть заражению не может. Научно доказано, что при неопределяемой вирусной нагрузке даже в случае незащищенного полового контакта заразить партнера невозможно. При этом в 2021 г. в Республике Беларусь 80,1 % ВИЧ-позитивных лиц (среди получающих антиретровирусную терапию) имели неопределяемую вирусную нагрузку [5].

В случае исключения ч. 1 ст. 157 УК, ответственность для лица, имеющего прямой умысел на заражение ВИЧ, сохранится. Если виновный имеет прямой умысел на заражение, но инфекция не передалась по независящим от виновного обстоятельствам, ответственность будет наступать за покушение на заражение ВИЧ.

Таким образом, резерв совершенствования уголовной ответственности за заражение ВИЧ не исчерпан, и каждое из изложенных направлений заслуживает дальнейшего рассмотрения и оценки.

Библиографические ссылки

1. ВИЧ, стигма и дискриминация [Электронный ресурс] // ЮНЭЙДС: серия информационных бюллетеней по правам человека. – Режим доступа:

<https://www.unaids.org/ru/resources/documents/2021/07-hiv-human-rights-factsheet-stigma-discrimination>. – Дата доступа: 09.07.2022.

2. Ashford, C. Bareback Sex in the Age of Preventative Medication: Rethinking the «Harms» of HIV Transmission [Electronic resource] / C. Ashford, M. Morris, A. Powell // The Journal of Criminal Law. – Mode of access: <https://journals.sagepub.com/doi/full/10.1177/0022018320974904>. – Date of access: 22.08.2022.

3. Декларация «10 аргументов против уголовного преследования за заражение или постановку в опасность заражения ВИЧ-инфекцией» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.opensocietyfoundations.org/uploads/d73c1c4f-1861-44a2-b879-69c778cf0d1b/10_reasons_pocket_guide_russian3_0.pdf. – Дата доступа: 05.08.2022.

4. Кухарьков, Ю. В. Судебно-медицинская экспертиза характера и степени тяжести телесных повреждений [Электронный ресурс] / Ю. В. Кухарьков, М. В. Самойлович // БГМУ. – Режим доступа: https://www.bsmu.by/downloads/kafedri/k_sud_med/2016-1/um.pdf. – Дата доступа: 01.08.2022.

5. Доступ к лечению ВИЧ-инфекции и гепатита С в Беларуси 2020–2021: аналитический отчет [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://pmplus.by/upload/iblock/650/-----2020_2021.pdf. – Дата доступа: 05.08.2022.

Головенчик Марина Геннадьевна

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Аспирант кафедры уголовного права юридического факультета БГУ,
marina.golovenchik@inbox.ru

Аннотация. Определение термина «экономическая преступность» является дискуссионным, в доктрине используются как широкий, так и узкий подходы. В статье рассматриваются позиции некоторых ученых относительно определения преступных деяний в сфере экономики; сделан вывод о необходимости ограничительного подхода к определению экономических преступлений в уголовном законодательстве.

Ключевые слова: уголовный закон, экономическая преступность, экономическое преступление, экономика, экономическая деятельность.

В криминологии существует термин «экономическая преступность», но высказываемые в доктрине позиции ученых относительно его содержания,

отличаются широким разбросом мнений, во внимание принимаются различные аспекты проблематики. Кроме того, в современной юридической литературе при анализе преступных деяний в сфере экономики используются различные схожие термины, такие как преступления против порядка осуществления экономической деятельности, экономическая преступность, беловоротничковая преступность, преступления в сфере экономики, преступления экономического характера и т.п.

В рамках широкого подхода следует отметить позицию В. В. Хилюты, который указывает, что в сфере экономики могут совершаться как собственно экономические, так и ряд других преступлений, в том числе приводит в качестве примера такое преступление, как убийство банкира, незаконное копирование информации коммерческой организации [1, с. 538].

Широкий подход характерен и для Я. И. Гилинского, который отмечает, что в мировой криминологии различают два типа преступности:

1) обычную (ordinary crime), или «уличную» преступность (street crime) «опасного класса (dangerous class), преступность «синих воротничков». К этому типу относятся насильственные преступления, кражи, грабежи, разбой и т.п.

2) «респектабельную», «беловоротничковую» (white-collar crime) преступность. К этому типу относятся экономическая преступность, должностные преступления, коррупционные преступления и т.п. [2, с. 293].

Как далее отмечает Я. И. Гилинский, именно в силу данного деления чиновник, убивший из ревности жену или укравший бутылку коньяка в супермаркете, совершает обычное «уличное» преступление [2, с. 294].

Схожим образом белорусские исследователи В. В. Пузиков и А. И. Громович к преступлениям экономического характера относили следующие: преступления против собственности, хозяйственные и должностные преступления (в частности, хищение, мошенничество, подделка денег и ценных бумаг, махинации с валютой, драгоценными металлами и камнями, нелегальный вывоз стратегического сырья и материалов) [3, с. 92].

Ряд исследователей указывали на необходимость принятия более узкого подхода. Так, например, С. Р. Мажитова высказывала предложения о том, чтобы ограничить экономическую преступность только рамками экономической деятельности в сфере предпринимательства (бизнеса), осуществляемого его субъектами; как отмечала исследователь, в результате станет возможным сконцентрировать усилия по борьбе именно с бизнес-преступностью (business crime), как наиболее масштабным, экономически разрушительным и социально деструктивным видом преступного поведения [4, с. 52].

Схожего «ограничительного» подхода придерживался И. В. Лозинский. Он отмечал, что необходим пересмотр концепции объекта преступлений в сфере экономической деятельности, предлагая широкую трактовку объекта главы 22 Уголовного кодекса (УК) Российской Федерации сменить на узкую трактовку. Основой построения видového объекта преступлений в сфере экономики должна быть не «экономическая деятельность» как таковая, не всеобъемлющая категория экономической деятельности – «совокупность всех звеньев общественного производства, распределения, обмена, потребления материальных и иных благ», а конкретная группа современных экономических отношений [5, с. 12]. И. В. Лозинский указывал, что объектом главы 22 УК Российской Федерации, т.е. видовым объектом особой группы преступных деяний, посягающих на экономические отношения, могут быть только предпринимательские отношения. Непосредственным объектом общественно опасных деяний, совершаемых недобросовестным предпринимателем против добросовестного предпринимателя, предлагал признать особый вид предпринимательских отношений – отношения конкуренции, которые делил на три составляющие:

- 1) конкуренция за материальные факторы производства;
- 2) конкуренция за трудовые факторы производства;
- 3) конкуренция за интеллектуальные факторы производства [5, с. 14–15].

Вместе с тем, с данным подходом сложно согласиться, так как в результате экономические преступления превращаются в преступления против конкуренции.

По нашему мнению, однако, имеется рациональное зерно в позиции И. В. Лозинского в том, что критерием отнесения преступления к числу экономических должен быть объект преступления, а именно общественные отношения, на которые осуществляется посягательство.

Полагаем, что к экономическим преступлениям в УК Беларуси следует относить только преступления, совершаемые в процессе непосредственного осуществления экономической деятельности, поскольку это позволяет отграничить экономическую преступность от иных видов преступности, совершаемых в сфере экономики, и от преступных посягательств, объектом которых являются иные отношения (преступления против интересов службы, против собственности и пр.). Так, не все преступления, указанные на данный момент в главе 25 УК Беларуси «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности», носят экономический характер (например, ст. 230 «Невозвращение на территорию Республики Беларусь историко-культурных ценностей»). Необходимо проведение дальнейших исследований в данной сфере с тем, чтобы отграничить экономические преступления от иных преступлений.

Библиографические ссылки

1. Хилюта, В. В. Онтология экономической преступности: от определения к выявлению существенных признаков / В. В. Хилюта / Lex Russica (Русский закон). – 2013. – № 5. – С. 528–541.
2. Гишинский, Я. И. Криминология / Я. И. Гишинский / 2-е изд., перераб. и доп. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2009. – 501 с.
3. Пузииков, В. В. Экономическая безопасность и экономическая преступность / В. В. Пузииков, А. И. Громович. – Минск: Армита, 2001. – 360 с.
4. Мажитова, С. Р. О проблеме определения понятия «экономическая преступность» (экономические преступления) / С. Р. Мажитова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 35(250). – С. 49–53.
5. Лозинский, И. В. К вопросу об объекте преступлений, предусмотренных главой 22 уголовного кодекса РФ / И. В. Лозинский // Уголовная юстиция. – 2015. – №1 (5). – С. 10–15.

Дедковский Андрей Александрович

ПРОБЛЕМНЫЕ АСПЕКТЫ ОКОНЧАНИЯ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

Заведующий кафедрой уголовно-правовых дисциплин УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО», к.ю.н.,
доцент, a.dziadkouski@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается конструкция объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 182 Уголовного кодекса Республики Беларусь. Делается вывод, что рассматриваемый состав преступления относится к так называемому «смешанному» типу и имеет формально-материальную конструкцию.

Ключевые слова: похищение человека, преступление, способ, конструкция состава преступления, объективная сторона.

Конструкция состава объективной стороны похищения человека является предметом научного спора, который неоднозначно решается в специальной литературе. Так, А. В. Барков полагает, что по конструкции состав преступления, предусмотренный ст. 182 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), является формальным. Преступление признается юридически оконченным с момента фактического захвата потерпевшего и перемещения его в другое место. Продолжительность удержания похищенного может быть различной и на квалификацию деяния не влияет (потерпевшего могут отпустить практически сразу после доставления в иное

место, например, высадить из автомашины в лесу) [1]. Близкой точки зрения и ученые, считающие похищение человека оконченным «в момент завладения человеком, лишаящим его свободы выбора по своему усмотрению места пребывания», «с фактического похищения человека», «с момента, когда виновный получил возможность распорядиться судьбой похищенного» [2].

В свою очередь другая группа ученых придерживаются позиции, что рассматриваемое преступление сконструировано законодателем по типу материальных составов, поэтому «оконченным данное преступление будет лишь с момента захвата и ограничения свободы передвижения похищенного хотя бы на непродолжительный период времени» [3, с. 141] или «после наступления таких последствий как перемещения потерпевшего в другое место или лишение его права передвижения по своему усмотрению хотя бы на незначительный промежуток времени [4, с. 378].

Проблема классификации составов преступлений по конструкции объективной стороны не является новой, однако до настоящего времени исследователи не пришли к единому мнению и не выработали критериев, которые позволили бы однозначно отнести состав преступления к тому или иному виду. Данный вопрос представляет значительный интерес и актуален прежде всего даже не с теоретических позиций, а с практических, поскольку понимание конструкции объективной стороны предполагает правильное определение момента окончания преступления, т. е. наличие в содеянном всех признаков оконченого состава преступления (а не какой-либо его стадии, что имеет значение при назначении наказания) и обуславливает в конечном счете законное и обоснованное решение правоприменителя о привлечении виновного к уголовной ответственности.

С делением составов преступлений на формальные, материальные и усеченные в традиционном виде (только в зависимости от наступивших последних) согласны не все исследователи, однако такое деление вполне пригодно в качестве базового для более глубокого изучения данного вопроса. Приняв за основу приведенную классификацию и обратившись к УК, мы увидим, что далеко не все имеющиеся составы укладываются в один из предложенных вариантов.

Как отмечает Л. Л. Кругликов, «законодатель в ходе конструирования состава применяет типы законодательных конструкций: материальный, формальный и формально-материальный. В теории уголовного права выделяются также составы создания опасности, которые многие ученые по своей конструкции признают материальными...» [5, С. 141–142].

Представляет научный интерес позиция П. В. Федышиной, которая утверждает, что в случае наступления общественно опасных последствий формальный состав или состав поставления в опасность (усеченный)

превращается в материальный. Такой вариант возможен в рамках одной статьи: основной состав – формальный или поставления в опасность, а квалифицированный – материальный [6, С. 141–142].

Анализ представленных точек зрения дает основание для вывода о том, что основной состав похищения человека (ч. 1 ст. 182 УК) по конструкции объективной стороны является формальным составом и будет считаться оконченным с момента совершения общественно опасного деяния, то есть при фактическом противоправном завладении человеком, связанном с его перемещением в другое место.

При этом особо квалифицированный состав похищения, предусмотренный ч. 3 ст. 182 УК, то есть похищение человека, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, либо причинение тяжких телесных повреждений, либо иные тяжкие последствия, можно отнести к материальной конструкции по признаку регламентации законодателем общественно опасных последствий.

На основании изложенного представляется целесообразным сделать следующие выводы:

– похищение человека по конструкции объективной стороны является формально-материальным составом: основной состав – формальный, особо квалифицированный – материальный;

– понимание конструкции объективной стороны имеет первостепенное практическое значение, поскольку предполагает правильное определение момента окончания преступления, т. е. наличие в содеянном всех признаков оконченного состава преступления (а не какой-либо его стадии, что имеет значение при назначении наказания), а также позволяет разграничить смежные составы (прежде всего незаконное лишение свободы) и обуславливает в конечном счете законное и обоснованное решение правоприменителя о привлечении виновного к уголовной ответственности.

Библиографические ссылки

1. Барков, А. В. Преступления против личной свободы [Электронный ресурс] / А. В. Барков. – Режим доступа: https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/111968/1/barkov_2.pdf. – Дата доступа: 29.08.2022.

2. Беляева, Е. А. Проблемы определения момента окончания похищения человека [Электронный ресурс] / Е. А. Беляева. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/viewer>. – Дата доступа: 28.08.2022.

3. Сон, А. К. Уголовно-правовая характеристика похищения человека / А. К. Сон, С. С. Медведев // Наука сегодня : задачи и пути их решения. – Материалы международной научно-практической конференции. – 2018. – С. 141–142.

4. Радченко, В. И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / В. И. Радченко. – 2-е изд. – М.: Проспект, 2008. – 704 с.

5. Кругликов, Л. Л. Проблемы теории уголовного права : избранные статьи, 2000—2009 гг. / Л. Л. Кругликов. – Ярославль, 2010. – 314 с.

6. Федышина, П. В. Составы поставления в опасность в системе составов преступлений / П. В. Федышина. – КриминалистЪ. – 2015. – №1(16). – С. 17–28.

Добродей Анатолий Иванович, Захилько Кирилл Сергеевич
**К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЕДИНООБРАЗНОГО ОПИСАНИЯ
СОСТАВОВ С КВАЛИФИЦИРУЮЩИМИ ПРИЗНАКАМИ В
КОНТЕКСТЕ ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СТАТЬИ 71**

Доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, к.ю.н.,
доцент, dobrodeyanatoli@gmail.com

Доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, к.ю.н.,
доцент, zakhilko@bsu.by

Аннотация. Рассматриваются некоторые вопросы юридической техники, связанные со способами описания квалифицирующих признаков составов преступлений в Уголовном кодексе Республики Беларусь. Делается вывод об отсутствии единообразия в указанной сфере. Анализируется влияние примера различных подходов при таком описании на назначение наказания в контексте исключения из Уголовного кодекса Республики Беларусь статьи 71.

Ключевые слова: квалифицирующие признаки; повторность, не образующая совокупность; общий и квалифицированный составы.

Законом Республики Беларусь от 26.05.2021 № 112-З из Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) была исключена ст. 71. В связи с этим обстоятельством, а также некоторыми смежными корректировками УК, претерпели существенное изменение правила назначения наказания в ситуациях, когда повторно совершается преступление одного и того же вида, если:

- каждое из них предусмотрено различными частями статьи Особенной части настоящего Кодекса,

- совершается в одном случае оконченное, а в другом – неоконченное такое же преступление,

- при совершении преступления, предусмотренного одной и той же частью статьи, в одном случае лицо является исполнителем преступления, а в другом - иным соучастником такого же преступления.

По новым правилам наказание в каждом из указанных случаев назначается в соответствии со ст. 72 УК, которая предусматривает возможность назначить более строгое окончательное наказание, нежели возможное окончательное наказание, которое могло грозить в период существования в УК ст. 71. В то же время подходы к квалификации преступления, в котором обнаруживаются сразу несколько квалифицирующих признаков, предусмотренных различными частями одной и той же статьи, остались прежними. В этом случае содеянное необходимо рассматривать как одно преступление, которое подлежит квалификации по той части статьи УК, которая устанавливает ответственность за наиболее тяжкий вид преступления, с указанием в фабуле обвинения всех квалифицирующих признаков.

При описании квалифицированных составов преступления законодатель не всегда использует единую терминологию. В большинстве случаев законодатель использует формулировки «то же деяние...» или «деяние, предусмотренное... ч. 1 настоящей статьи» и т.д., то есть, не повторяет описание основного состава при изложении признаков квалифицированного (ст. 145, 147, 149 и т.д.). В иных случаях законодатель может вводить определение преступления в основном составе и ссылаться на него в квалифицированных, опять же, без повторного описания признаков основного состава (ст. 183, 187, 205 и т.д.). Указанные приемы используются в подавляющем, большинстве ситуаций при описании квалифицированных составов преступлений.

Однако, к сожалению, абсолютного единообразия при описании квалифицирующих составов преступлений законодатель не выдерживает. Например, в ч. 1-3 ст. 317 УК законодатель использует подходы, указанные выше, т.е. не повторяет все признаки основного состава (ч. 1 ст. 317), а просто ссылается на эти признаки в квалифицирующих составах (ч. 2 и 3 ст. 317). При этом, в ч. 4 законодатель заново воспроизводит все признаки основного состава (ч. 1 ст. 317) и добавляет к ним дополнительные, связанные с состоянием лица при совершении преступления. В контексте исключения из УК ст. 71 подобное отступление законодателя от общепринятого правила описания квалифицирующих составов в статьях УК может быть примечательным в связи со следующим.

В УК имеются примеры, когда которых в различных частях одной и той же статьи описываются несколько различных составов преступлений, которые не соотносятся между собой как общий и квалифицированный (ст. 159 и т.д.). В этой связи при отступлении законодателем от единообразного подхода к

описанию квалифицированных составов создается риск определения на практике составов, которые должны соотноситься между собой как общий и квалифицированный, как составов, которые не соотносятся между собой в качестве таковых и помещены законодателем в различные части одной и той же статьи (как в ситуации со ст. 159 УК). С учетом исключения из УК ст. 71 такое ошибочное толкование создает риски необоснованного ухудшения положения лица, совершившего преступление, при назначении наказания.

Так, например, если правоприменитель оценит ч. 4 ст. 317 УК как самостоятельный состав преступления и квалифицирует нарушение правил дорожного движения, совершенное в состоянии алкогольного опьянения, повлекшее, одновременно, менее тяжкое телесное повреждение и тяжкое телесное повреждение, как идеальную совокупность преступлений (т.е., в соответствии с ч. 1 и ч. 4 ст. 317 УК), то наказание лицу, совершившее такое деяние, отныне будет назначаться с учетом требований ст. 72 УК. Соответственно, наказание будет назначаться за каждое из преступлений в отдельности, тогда как окончательное наказание может быть определено в пределах санкции ч. 4 ст. 317 УК по усмотрению суда путем: а) поглощения менее строгого наказания более строгим; б) частичного или в) полного сложения наказаний. Если же правоприменитель посчитает, что в ч. 1 и 4 ст. 317 УК определены общий и особо квалифицированные составы преступлений, то наказание будет назначено как при совершении одного преступления с несколькими квалифицирующими признаками в пределах санкции ч. 4 ст. 317 УК. В период же наличия в УК ст. 71 указанная проблема отчасти сглаживалась специальным правилом назначения наказаний при совершении преступлений, предусмотренных различными частями одной и той же статьи.

В связи с указанным предлагается провести ревизию положений Особенной части УК с целью приведения к единообразию подхода к описанию квалифицированных составов преступления.

Дрозд Александра Николаевна
**УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА
ПОВРЕЖДЕНИЯ ВОЛОС ЧЕЛОВЕКА**

Старший преподаватель кафедры уголовного права УО «Академия
Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., drozd-
mvd@tut.by

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы квалификации противоправных деяний в отношении волос человека. Приводятся различные точки зрения ученых, современная правоприменительная практика,

рассматриваются спорные подходы уголовно-правовой оценки посягательств на волосы человека. Разработаны критерии классификации указанных видов посягательств.

Ключевые слова: волосы, квалификация преступлений, предмет преступления, уголовная ответственность.

Правоприменительная практика иногда поднимает проблемы, имеющие многочисленные варианты правовой оценки, а также вызывающие научную полемику. Одной из таких ситуаций является причинение ущерба волосам человека.

Волосы, как известно, представляют собой нитеобразные придатки кожи, состоящие из ороговевающих по мере удаления от точки роста в волосяных фолликулах эпителиальных клеток. Природа волос неоднородна: живая часть волоса находится под эпидермисом, а выросший из-под него волос состоит из мертвой ткани. Эти и иные признаки, зависящие от конкретных обстоятельств дела, определяют широту вариантов квалификации посягательств на волосы человека.

Во-первых, волосы могут пострадать при их вырывании. В такой ситуации, как правило, деяние квалифицируется как посягательство на здоровье человека в зависимости от степени тяжести причиненного вреда (ст. 153, 149 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) либо по ч.1 ст. 10.1 Кодекса об административных правонарушениях Республики Беларусь (далее – КоАП). В то же время, если действия по вырыванию волос осуществлялись с целью причинения потерпевшему продолжительной боли или мучений, физических или психических страданий (например, дерганье за волосы, вырывание по одному и т.п.), то с учетом обстоятельств дела, такие действия подлежат квалификации по ст. 154 УК или по ч. 2 ст. 10.1 КоАП.

Так, в г. Самара Российской Федерации (далее – РФ) действия молодого человека, который из ревности вырвал клочок волос у своей знакомой, были квалифицированы по ч. 1 ст. 115 УК РФ «Умышленное причинение легкого вреда здоровью» [1].

Следует обратить внимание на то, что вырывание волос может также образовывать квалифицирующий признак иных преступлений, дополнительным объектом которых является здоровье человека, по признаку применения насилия (например, ст. 364 УК «Насилие либо угроза применения насилия в отношении сотрудника органов внутренних дел»).

Так, в 2018 году в РФ было возбуждено уголовное дело по ст. 318 УК РФ за насилие в отношении инспектора по делам несовершеннолетних, которая прибыла для проверки поступившего сообщения о правонарушении в семью,

находящуюся на профилактическом учете. В ходе разбирательства хозяйка квартиры, находящаяся в состоянии алкогольного опьянения, схватила сотрудника полиции за волосы и вырвала у нее клочок волос [2].

Во-вторых, в правоприменительной практике возможны ситуации, при которых волосы потерпевшего могут быть обрезаны против или помимо его воли. Квалификация указанных деяний зависит от мотива совершения правонарушения.

Первый вариант противоправного обрезания волос имеет место при наличии хулиганских побуждений. Полагаем, что в данной ситуации следует вести речь об уголовно-наказуемом хулиганстве, поскольку в действиях лица содержатся признаки умышленных действий, грубо нарушающих общественный порядок и выражающих явное неуважение к обществу, сопровождающихся применением насилия, а в некоторых случаях и отличающихся по своему содержанию исключительным цинизмом (к примеру, обривание головы женщины наголо). Правоприменительная практика иллюстрирует, что, если в процессе обрезания волос используются нож или ножницы, такие действия квалифицируются по ч. 3 ст. 339 УК по признаку совершения хулиганства с применением предметов, используемых в качестве оружия для причинения телесных повреждений.

Так, в 2015 г. в Гомеле двое молодых людей, находясь в нетрезвом виде из хулиганских побуждений с помощью ножа отрезали прохожему волосы, собранные в хвост, после чего ударили его в лицо. Судом обвиняемые были признаны виновными в совершении особо злостного хулиганства и приговорены к наказанию в виде лишения свободы сроком на три года [3]. Аналогичная уголовно-правовая оценка была дана и в РФ, когда 7 января 2017 г. подростки встретили на улице знакомого, которому наряду с причинением телесных повреждений срезали ножом с головы часть волос, после чего разместили видеозапись нападения в сети Интернет [4].

Как представляется, в данном случае может возникнуть вопрос: следует ли относить срезание волос к насилию, поскольку, как нами было отмечено ранее, волосы за пределами кожи являются мертвой тканью. Однако в соответствии со ст. 1 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении» от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ здоровье представляет собой состояние полного физического, духовного и социального благополучия человека, а не только отсутствие заболеваний. Кроме того, под преступлениями против здоровья человека, как правило, понимается противоправное умышленное или неосторожное нарушение анатомической целостности или функционирования органов и тканей другого человека [5, с. 80]. На наш взгляд, при обрезании волос против или помимо воли потерпевшего, имеет место нарушение целостности организма. Для подтверждения озвученного мнения может быть

приведена ситуация с выбиванием, например, части коронки «мертвого зуба» или импланта изо рта потерпевшего, что очевидно не вызывает сомнений в оценке как причинения вреда здоровью.

Второй вариант квалификации связан с мотивами мести или личной неприязни. Изучение данных правоприменительной практики, опубликованных в сети Интернет, позволяет сделать вывод о том, что примеры насильственного обрезания волос обманутыми супругами своим соперницам или неверным сожительницам неединичны [6]. Как представляется, при таких обстоятельствах имеет место административное правонарушение, выраженное в умышленном причинении телесного повреждения, не повлекшего кратковременного расстройства здоровья или незначительной стойкой утраты трудоспособности (ст. 10.1 КоАП), а в некоторых случаях – также состоящее в умышленном унижении чести и достоинства личности, выраженном в неприличной форме (ст. 10.2 КоАП).

И, наконец, третий вариант квалификации противоправного посягательства на волосы другого человека имеет место при наличии корыстных побуждений. В практике правоохранительных органов уже регистрировались факты насильственного изъятия волос из естественного состояния в целях извлечь выгоду имущественного характера [7]. Квалификация подобных действий является дискуссионным вопросом. По данному поводу отдельными учеными указывается, что подобные ситуации не могут квалифицироваться как хищения в связи с отсутствием предмета преступления. Н. А. Лопашенко и В. В. Хилюта указывают, что волосы в естественном состоянии не являются имуществом, не имеют никакого отношения к товарообороту и, соответственно, не могут быть предметом хищения [8, с. 511]. В юридической литературе даже высказывались мнения о необходимости отдельной криминализации умышленного хищения волос как экономического преступления [9, с. 184]. Однако, отметим, что в момент отделения от тела человека волосы становятся вещью материального мира, обладающей потенциальной ценностью имущества и способностью быть товаром, отвечают всем признакам имущества как предмета хищения, как физическому и социальному, так и экономическому и правовому. Данное положение позволяет нам сделать вывод о том, что при наличии корыстного мотива имеют место признаки хищения. При этом в зависимости от способа совершения преступления может иметь место как кража (ст. 205 УК) в совокупности с причинением вреда здоровью (ст. 10.1 КоАП), так и грабеж, соединенный с насилием, не опасным для жизни или здоровья потерпевшего (ст. 206 УК), разбой (ст. 207 УК) и т.д.

Таким образом, рассмотрев вопросы квалификации преступлений, связанных с повреждением волос, мы пришли к выводу, что их правовая

оценка зависит главным образом от способа и мотива совершаемых действий. Отрезание волос, в отличие от их вырывания, само по себе не образует уголовно наказуемого посягательства на здоровье человека, в то же время оно должно рассматриваться в качестве насилия в случаях, когда здоровье является дополнительным объектом преступления.

Библиографические ссылки

1. О прекращении производства по уголовному делу от 12 мая 2015 года [Электронный ресурс] : постановление Мирового судьи судебного участка № 20 Красноглинского судебного района г. Самара // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2022.

2. Вырвала волосы, схватила за шею: жительница ЕАО набросилась на сотрудницу полиции [Электронный ресурс] // Время Биробиджана. – Режим доступа: <https://vremya-bir.ru/2018/12/14/vyrvala-volosy-shvatila-za-sheyu-zhitelnitsa-eao-nabrosilas-na-sotrudnitsu-politsii/>. – Дата доступа: 10.08.2022.

3. В Гомеле хулиганам за отрезанные волосы дали по 3 года колонии усиленного режима [Электронный ресурс] // Беларусь Сегодня 1998–2021. – Режим доступа: <https://www.sb.by/articles/o-vkusakh-tak-ne-sporyat.html>. – Дата доступа: 10.08.2022.

4. СК возбудил дело по факту хулиганского нападения с отрезанием волос [Электронный ресурс] // РАПСИ. – Режим доступа: https://rapsinews.ru/incident_news/20170112/277554019.html. – Дата доступа: 10.08.2022.

5. Андрушко, П. П. Преступления против личности в уголовном праве Беларуси, России и Украины / П. П. Андрушко и др. – М. : Проспект, 2014. – 680 с.

6. Какое наказание может быть если отрезал волосы девушке, бывшей жене? [Электронный ресурс] // Юридическая социальная сеть 9111.ru. – Режим доступа: <https://www.9111.ru/questions/18850093/>. – Дата доступа: 10.08.2022.

7. В Тюмени неизвестный напал на 11-летнюю девочку и отрезал волосы [Электронный ресурс] // Ura.ru. – Режим доступа: <https://ura.news/news/1052577855>. – Дата доступа: 10.08.2022.

8. Хилюта, В. В. Экономический признак предмета хищения / В. В. Хилюта // Форум права. – 2008. – № 3. – С. 506–514.

9. Каплина, С.Е. Хищение волос / С. Е. Каплина, В. К. Кулев // Труды Международного симпозиума «Надежность и качество». – 2011. – Т 1. – С. 183–184.

Духовник Юрий Евгеньевич

НОВЕЛЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ

ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, СБОРОВ: РЕШЕНИЕ ПРЕЖНИХ И НОВЫХ ПРОБЛЕМ

Доцент кафедры уголовного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, ydukhovnik@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу новелл уголовного законодательства в сфере противодействия уклонению от уплаты налогов, сборов. Обращено внимание на проблемы законодательной техники норм об ответственности за данный вид преступлений, исследованы спорные правоприменительные подходы уголовно-правовой оценки указанных деяний. Предпринята авторская попытка решения выявленных проблем.

Ключевые слова: налоговое мошенничество; способ совершения преступления; уголовное законодательство; уклонение от уплаты налогов, сборов; размер ущерба.

В настоящее время в Республике Беларусь систему уголовно-правовых средств, направленных на противодействие уклонению от уплаты налогов, сборов, составляют ст. 243 «Уклонение от уплаты налогов, сборов», ст. 243-1 «Уклонение от исполнения обязанностей налогового агента по перечислению налогов, сборов» и ст. 243-2 «Налоговое мошенничество» Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК).

Указанная система уголовно-правовых норм, охраняющих установленный порядок налогообложения, сформировалась в результате внесенных Законом Республики Беларусь от 25 мая 2021 г. № 112-3 «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» изменений и дополнений в УК. Законодатель дифференцировал ответственность за уклонение от уплаты налогов, сборов, в зависимости от субъекта и способа совершения преступления путем помещения в УК двух новых статей – ст. 243-1 и 243-2 УК.

Одна из новелл в исследуемой нами сфере, выразившаяся в дополнении УК ст. 243-2 «Налоговое мошенничество», явилась следствием наличия в правоприменительной практике и уголовно-правовой доктрине затруднений при квалификации деяний, связанных с незаконным возвратом из бюджета сумм налога на добавленную стоимость (далее – НДС), в ситуациях, когда НДС уплачивается лицом в надлежащем объеме, после чего в налоговые органы им представляется требование о возмещении налоговых вычетов по НДС, на которое оно в действительности не имело право.

Ранее уголовно-правовая оценка подобного рода деяний требовала разрешения конкуренции норм о мошенничестве (ст. 209 УК) и уклонении от уплаты сумм налогов, сборов (ст. 243 УК). В настоящее время данная

конкуренция устранена в пользу применения специальных норм, предусмотренных в ст. 243-2 УК. Однако, как представляется, указанная статья внесла правовую неопределенность, что не отвечает принципу системности уголовного закона, поскольку ее название указывает на то, что она является формой хищения – специальным видом мошенничества. Анализ ч. 1. ст. 243-2 УК свидетельствует, что данная статья не является специальным видом мошенничества как формы хищения, а одним из способов уклонения от уплаты налогов, сборов в виде представления заведомо ложных сведений в целях необоснованного их возврата. Этот способ отражает своеобразие уклонения от уплаты для отдельных налогов, сборов, например, налога на добавленную стоимость. Поэтому представляется необходимым и отвечающим смыслу уголовного закона указанием на данный способ уклонения от уплаты в диспозиции ч. 1 ст. 243 УК, и одновременное исключение ст. 243-2 УК. Предложенный нами законодательный подход позволит понимать уклонение от уплаты налогов, сборов более широко, а именно не только саму их неуплату, как не поступление в бюджет соответствующих денежных средств, но и создание лицом препятствий для осуществления налогового контроля, а также устранит ситуации правовой неопределенности и разрешит проблемные вопросы квалификации, в том числе незаконного возврата НДС [1, с. 155]. Такое понимание уклонения от уплаты налогов, сборов будет способствовать уголовно-правовой оценке деяний, описанных в ст. 243-2 УК, исключительно по ст. 243 УК.

В этой связи диспозиция ч. 1 ст. 243 УК могла бы быть изложена в следующей редакции: «1. Деяние, сопряженное с сокрытием, умышленным занижением налоговой базы, уклонением от представления налоговой декларации (расчета) или внесением в нее заведомо ложных сведений, а также с умышленным предоставлением иных неверных или неполных данных, являющихся существенными для целей налогообложения, повлекшее причинение ущерба в значительном размере (уклонение от уплаты налогов, сборов)».

Еще одним проблемным аспектом, обращающим на себя внимание, является вопрос определения размера причиненного ущерба от совершения преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 243 УК. Так, в настоящее время размер причиненного ущерба в ст. 243 УК определяется на основании примечания к этой статье. Крупным размером признается размер ущерба на сумму, в три тысячи пятьсот и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, особо крупным размером – в тридцать тысяч и более раз превышающую такой размер базовой величины. В то же время к ст. 243-1 УК и ст. 243-2 УК, которые охраняют одну и ту же сферу общественных отношений подобного

примечания не сформулировано, тем самым применительно к указанным видам преступлений размер причиненного ущерба определяется на основании ч. 1 примечания к Гл. 25 «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» УК. Такой неоднозначный законодательный подход создает дисбаланс в пороге исчисления ущерба применительно к преступлениям в сфере уклонения от уплаты налогов, сборов, что нарушает принципы справедливости уголовного закона и уголовной ответственности, экономии уголовно-правовой репрессии. С целью устранения отмеченного дисбаланса в рамках существующей системы уголовно-правовых средств, направленных на противодействие уклонению от уплаты налогов, сборов системы, следует распространить действие примечания к ст. 243 УК на иные отмеченные нами статьи в указанной сфере.

Библиографические ссылки

1. Духовник, Ю.Е. Незаконный возврат сумм налога на добавленную стоимость: вопросы квалификации и совершенствования уголовного законодательства / Ю.Е. Духовник // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов: тез. докл. Междунар. науч.–практ. конф., (Минск, 26 февраля 2021 г.) / учреждение образования «Акад. М–ва внутр. дел Респ. Беларусь» ; редкол. П.В. Гридюшко (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Академия МВД, 2021. – С. 154–155.

Жук Александр Анатольевич

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ОСТАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ ИЛИ ТЮРЬМЕ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ

Преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»,
alex.zhuk82@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются основные уголовно-правовые критерии оставления осужденных в следственном изоляторе или тюрьме, специфика данной категории осужденных, отражены проблемные аспекты и предложены варианты их урегулирования.

Ключевые слова: следственный изолятор; тюрьма; хозяйственное обслуживание, лишение свободы, уголовно-правовая характеристика.

Осужденные к лишению свободы, в отношении которых приговор вступил в законную силу, по общему правилу отбывают наказание в исправительных колониях (далее – ИК) в условиях режима, установленного судом. Однако закон (ст. 67 Уголовно-исполнительного кодекса Республики

Беларусь (далее – УИК)) предусматривает возможность оставления осужденного в следственном изоляторе (далее – СИЗО) или тюрьме несмотря на то, что приговором суда ему назначено отбывание наказания в ИК. В этом случае осужденные отбывают наказание в отрядах по хозяйственному обслуживанию СИЗО и тюрем и выполняют комплекс работ, связанных с хозяйственно-бытовым обслуживанием учреждений.

Изучаемая категория осужденных фактически содержится в учреждении закрытого типа, в связи с чем возникает ряд вопросов и особенностей организационно-правового характера, связанных, в том числе, с целенаправленным подбором осужденных и порядком их оставления в СИЗО и тюрьмах с соблюдением ряда условий. Основным перечнем этих условий (критериев) закреплён в диспозиции ст. 67 УИК. На основе их анализа можно сделать вывод: фактически в СИЗО или тюрьме могут быть оставлены лица, ранее осужденные к различным видам наказания, в том числе с применением ст. 77 и ст. 78 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК). Главное, чтобы лицо ранее фактически не отбывало наказание в виде лишения свободы и отбывание наказания ему было назначено в условиях общего или усиленного режимов.

Важную роль в оставлении и дальнейшем отбывании наказания осужденными играет уголовно-правовая характеристика, поскольку именно она позволяет получить информацию о тех характерных чертах, наличие которых привело его к совершению преступления. Знание этих особенностей позволяет выделить именно те стороны личности осужденного, которые нуждаются в коррекции.

Уголовно-правовая составляющая характеристики личности осужденного отражает его криминальную направленность, включающую квалификацию совершенного преступления, характер и степень общественной опасности совершенного деяния, срок наказания, наличие рецидива, степень вины, раскаяние в содеянном и т.д. Анализ компонентов уголовно-правовой характеристики позволяет установить: за совершение каких преступлений осужденные наиболее часто отбывают наказание в виде лишения свободы в отрядах хозяйственного обслуживания СИЗО и тюрем, каковы сроки наказания, назначаемые судами, исходя из характера и степени общественной опасности деяния и личности виновного, какова доля осужденных, освобождающихся от наказания условно-досрочно и др.

Наиболее важным показателем уголовно-правовой характеристики является квалификация преступления, то есть процесс выявления соотношения между признаками, совершенного лицом общественно опасного деяния и признаками конкретного состава преступления, за совершение которых осужденные отбывают наказание. Осужденные к лишению свободы,

привлекаемые к работе в отрядах по хозяйственному обслуживанию СИЗО и тюрем, обычно характеризуются отсутствием ярко выраженной антиобщественной установки и значительно меньшей по сравнению с другими категориями осужденных к лишению свободы подверженностью различного рода криминогенным факторам, воспроизводящим преступное поведение.

На сегодняшний день доминирующими являются три группы осужденных: осужденные, совершившие преступления против правосудия (39%), осужденные за преступления против собственности и порядка осуществления экономической деятельности (28%), осужденные за преступления против интересов службы (26%). Как показывает правоприменительная практика, в последние годы увеличилось количество осужденных в составе отрядов по хозяйственному обслуживанию, привлеченных к ответственности за коррупционные преступления. Связано это с «ростом числа коррупционных преступлений, обусловленным не только активностью правоохранительных органов, но и наличием многоэпизодных уголовных дел.

Администрация СИЗО и тюрем практически не зачисляет в отряды хозяйственного обслуживания осужденных за преступления против жизни и здоровья. Очевидно, что убийство, причинение тяжкого телесного повреждения и др. – совершают люди с повышенной агрессивностью. Присутствие в отряде таких лиц резко контрастирует на фоне основных категорий осужденных, из которых состоит отряд; постоянно сохраняется опасность проявления с их стороны агрессии и иных негативных поведенческих реакций. Причем это может отразиться как на осужденных отряда хозяйственного обслуживания, так и на лицах, содержащихся под стражей. Однако каждый кандидат на оставление в СИЗО или тюрьме для хозяйственного обслуживания изучается в индивидуальном порядке компетентными сотрудниками отделов и служб учреждения. Помимо обязательных формальных критериев учитывается ряд иных обстоятельств, которые могут положительным образом повлиять на решение об оставлении осужденного в отряде хозяйственного обслуживания для дальнейшего отбывания наказания.

Лиц, осужденных за преступления против половой неприкосновенности или половой свободы, в составе отрядов хозяйственного обслуживания можно наблюдать в качестве исключения (1%). Результаты изучения индивидуально-психологических характеристик данной категории осужденных указывают на неоднозначность и значительный разброс положений (статусов), которые они занимали до направления в ИУ – от лиц, ведущих законопослушный образ жизни до людей, имеющих проблемы с правоохранительными органами, а

также страдающими различными психическими расстройствами. Большая часть этих лиц, по сравнению с другими категориями преступников, имеет низкую идентификацию с традиционно понимаемыми в обществе ролями мужчины и женщины. Это имеет прямое отношение к их жизненному опыту, культурным интересам, социальному и профессиональному статусу. Представляется целесообразным на законодательном уровне исключить данную категорию из числа возможных кандидатов в отряды хозяйственного обслуживания, тем самым нормативно закрепив сложившуюся практику.

До 2015 года в отрядах хозяйственного обслуживания наряду с иными категориями спецконтингента отбывали наказание осужденные за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов. Однако ужесточение антинаркотического законодательства внесло свои коррективы в практику оставления данной категории лиц в СИЗО и тюрьмах. Изменения в законодательстве породили острую нехватку спецконтингента, выполняющего работы по хозяйственному обслуживанию. Однако после определенных тенденций в уголовной политике государства, осужденные по ст. 328 УК снова могут быть оставлены в СИЗО или тюрьме для дальнейшего отбывания наказания, что положительно влияет на комплектование отрядов хозяйственного обслуживания.

В отрядах по хозяйственному обслуживанию СИЗО и тюрем отсутствуют осужденные за преступления экстремистской направленности, бандитизм и организацию преступных сообществ, что, в определенной степени, продиктовано сегодняшними социально-правовыми реалиями. В отряды также не зачисляются лица, зараженные ВИЧ, туберкулезом, а равно осужденные, имеющие выраженные расстройства психики либо невротические отклонения, инвалиды. Ограничения по состоянию здоровья связаны, в первую очередь, с тем, что оставление в отряде хозяйственного обслуживания по умолчанию предполагает полную трудоспособность и вменяемость осужденного, который на протяжении всего срока отбывания наказания должен выполнять определенный объем работ.

Анализ данных, полученных в процессе научного исследования, позволяет сделать вывод о том, что структура совершенных преступлений лицами, отбывающими наказание в СИЗО и тюрьмах, имеет существенные позитивные отличия от структуры преступлений, совершенных лицами, содержащимися в ИК для лиц, ранее отбывавших наказание в виде лишения свободы. Объясняется это тем, что в отряды по хозяйственному обслуживанию СИЗО и тюрем осуществляется подбор осужденных с соблюдением ряда критериев и условий, как установленных законом (ч.1 ст.67 УИК), так и нормативно не регламентированных.

Основной проблемой остается острая нехватка осужденных в отрядах хозяйственного обслуживания, продиктованная завышенными требованиями к кандидатам на оставление в СИЗО или тюрьме для дальнейшего отбывания наказания, а также изменениями в законодательстве. Данный факт порождает дополнительную нагрузку на администрацию учреждений, которая вынуждена находить выход из складывающейся ситуации, подстраиваясь под условия, продиктованные коллизиями в законодательстве. Для разрешения задачи необходим прямой диалог представителей практических подразделений на местах с законодателем, чтобы избежать осложнения обстановки в дальнейшем.

Токубаев Зайрулла Сембаевич

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ДО 2030 ГОДА

Профессор Центрально-Казахстанской Академии, д.ю.н., профессор,
zairulla_@mail.ru

Аннотация. В статье с принятием Концепции правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, предусматривающего «трансформацию» дополнительных видов наказания в меры уголовно-правового воздействия, рассматриваются признаки, характеризующие данные институты уголовного права, раскрывается их отличие и роль в системе наказаний. Показаны положительные и отрицательные стороны применения дополнительных видов наказаний как меры уголовно-правового воздействия в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности или наказания.

Ключевые слова: дополнительные виды наказаний, меры уголовно-правового воздействия, конфискация имущества, штраф, лица, освобожденные от уголовной ответственности или наказания.

Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года (далее - Концепция правовой политики) является основой для развития национального права, правоохранительной и судебной систем [1].

Концепция правовой политики среди направлений развития уголовного и уголовно-исполнительного права особое внимание уделяет вопросам совершенствования института уголовного наказания, что на наш взгляд, является вполне закономерным, учитывая современное состояние преступности. Для осуществления данной политики государства, Концепция правовой политики предусматривает «трансформацию дополнительных видов наказаний в меры уголовно-правового воздействия с установлением

возможности их применения в отношении лиц, освобождаемых от уголовной ответственности или наказания».

Чтобы понять какие требуются законодательные изменения, необходимо определится что же представляет собой дополнительные виды наказания и меры уголовно-правового воздействия.

Дополнительные виды наказания, как и основные, являются для виновного неблагоприятным последствием, которое он обязан претерпевать.

Исходя из положений статьи 40 Уголовного кодекса Республики Казахстан (далее - УК РК) к дополнительным видам наказаний следует отнести конфискацию имущества; лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина, дипломатического ранга, квалификационного класса и государственных наград; лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью; лишение гражданства Республики Казахстан; выдворение за пределы Республики Казахстан иностранца или лица без гражданства [2].

На вопрос о том, могут ли дополнительные наказания выступать в качестве уголовно-правового воздействия, следует ответить категорически отрицательно, так как назначая их, в более полной мере реализуется возможность достичь целей наказания, так как дополнение в наказании затрагивает отдельные права и блага конкретного преступника.

В отечественном уголовном законодательстве отсутствует чёткое определение института «иных мер уголовно-правового воздействия».

В ч. 2 ст. 2 УК РК предусмотрено: что «Для осуществления этих задач настоящий Кодекс устанавливает наказания и иные меры уголовно-правового воздействия за их совершение». Применительно к данному законодательному изложению можно понять, что иными они называются потому, что основной мерой уголовно-правового воздействия является наказание.

Кроме того, если исходить из структуры УК РК, то раздел 7 наряду с мерами медицинского характера раскрывается иные меры уголовно-правового воздействия. Но им посвящены только две статьи, предусматривающие порядок назначения принудительного платежа (ст.ст. 98-1 и 98-2 УК РК). Более того, в названии раздела 7 УК РК иные меры уголовно-правового воздействия упомянуты во множественном числе, что предполагает о наличии группы таких мер уголовно-правового воздействия.

Следует отметить, что отечественный законодатель предусматривает применение конфискации имущества до вынесения приговора как меры уголовно-правового воздействия (ч. 4 ст. 48 УК РК).

Ряд признаков наказания присуще и иным мерам уголовно-правового воздействия. Любая иная мера уголовно-правового воздействия являются мерами государственного принуждения, то есть они устанавливаются

государством и применяются им в лице суда, в нашем случае это принудительный платеж в Фонд компенсации потерпевших. Наиболее важным отличием иных мер уголовно-правового воздействия выступает то, что они не включены в законодательный перечень видов наказаний, не указаны при определении понятия самого наказания (ст. 39 УК) и не предусмотрены в санкциях статей Особенной части УК.

Таким образом, меры уголовно-правового воздействия находятся вне пределов института наказания.

Концепцией правовой политики предусматривается назначение дополнительных видов наказания как меры уголовно-правового воздействия в отношении лиц, освобождаемых от уголовной ответственности или наказания.

Согласно анализу действующего уголовного законодательства при освобождении лица, совершившего уголовное правонарушение от уголовной ответственности прекращаются в отношении него все правовые последствия.

Основанием освобождения виновного лица от уголовной ответственности является утрата или существенное снижение общественной опасности деяния и самого лица, его совершившего, восстановление нарушенных им прав.

В ряде случаев нормы об освобождении от уголовной ответственности выступают как обязательные. К примеру, лица, впервые совершившие уголовные правонарушения, не представляющие большой общественной опасности (уголовные проступки, преступления небольшой и средней тяжести, не связанные с причинением смерти), при примирении сторон освобождаются от уголовной ответственности.

По своей юридической природе освобождение от отбытия наказания связывается с обязательным признанием вины лиц, совершившего преступление и его осуждением.

УК РК предусматривает следующие виды освобождения от уголовного наказания: с установлением поручительства, условно-досрочное освобождение, в связи с болезнью, в связи с изменением обстановки, в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда, а также освобождение от наказания при замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания, а также при отсрочке связанного с беременностью и вследствие стечения тяжелых обстоятельств.

Таким образом, общим основанием освобождения от наказания является нецелесообразность его реального исполнения в силу утраты лицом степени общественной опасности либо ввиду изменения состояния его здоровья. Исключение составляют случаи освобождения лица от наказания вследствие действия обратной силы закона, устраняющего или смягчающего наказания, что не связано с личностью виновного. При этом освобождение от наказания

применяется, как правило, судом и может предоставляться как на стадии назначения наказания, так и в процессе его исполнения.

Подводя итог всему вышесказанному, хочется отметить, что иные меры уголовно-правового воздействия — это меры некарательного характера, назначаемые по обвинительному приговору суда и дополняющие наказания.

И его назначение в отношении лиц, освобожденных от уголовной ответственности или наказания не допустимо.

Следует отметить, что любое внесение изменений уголовное законодательство, в том числе и систему уголовных наказаний, должно носить осмысленный характер с учетом комплексного исследования вопроса. Поэтому законодателю не следует торопиться с решением данного вопроса, а тщательно его изучить.

Библиографические ссылки

1. Концепция правовой политики Республики Казахстан до 2030 года, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 15 октября 2021 года № 674 // Режим доступа: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2100000674>

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014 года // Режим доступа: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>.

Казак Светлана Валерьевна

НОВАЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ

Доцент кафедры уголовного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, kazak.s@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются новации в правовом регулировании наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Рассматриваются особенности применения данного наказания в качестве дополнительного, для расширения сферы его применения предлагается внести изменения в УК. Анализируются вопросы, связанные с заменой исследуемого наказания более строгим.

Ключевые слова: наказание; лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью; злостное уклонение от отбывания наказания.

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство нашей республики достаточно динамично развивается, за последние несколько лет были внесены существенные изменения и дополнения, которые коснулись системы наказаний и, в том числе, наказания в виде лишения права занимать

определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Думается, что новации требуют научного осмысления, а отдельные положения – совершенствования.

Регламентируется данное наказание ст. 51 УК Республики Беларусь (далее – УК), согласно которой оно может быть назначено судом в зависимости от характера и тяжести совершенного преступления на срок от 1 года до 5 лет. Законодатель дополнил данную норму, предусмотрев возможность назначения исследуемого наказания на срок от 1 года до 8 лет при совершении преступлений, предусмотренных ч.ч. 4 и 5 ст. 317 УК «Нарушение правил дорожного движения или эксплуатации транспортных средств» и ст. 317.1 УК «Управление транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, передача управления транспортным средством такому лицу либо отказ от прохождения проверки (освидетельствования)», усилив тем самым уголовную ответственность за совершение вышеуказанных деяний в состоянии алкогольного опьянения или в состоянии, вызванном потреблением наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов, токсических или других одурманивающих веществ [1, с. 79].

Применяться рассматриваемое наказание может как в качестве основного, так и в качестве дополнительного наказания, данное положение закреплено в ч. 3 ст. 48 УК, ряд санкций Особенной части УК содержат указание на возможность его применения. Вместе с тем, согласно ч. 2 ст. 51 УК лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью в качестве дополнительного наказания может назначаться судом и в тех случаях, когда оно не предусмотрено в статье Особенной части УК, при условии, что суд признает невозможным сохранение за лицом права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью исходя из характера совершенного им преступления, которое должно быть связано с занимаемой должностью или с занятием определенной деятельностью. Думается, что данное положение ограничивает возможность применения рассматриваемого наказания и не позволяет применять его во всех случаях, когда того требуют обстоятельства дела. Так, например, к учителю, осуждаемому по ст. 169 УК за развратные действия, может быть применено данное наказание только в том случае, если такие действия были совершены в отношении своего ученика, если же подобные действия имели место в отношении лица, не являвшегося учеником осуждаемого, суд не может его применить, поскольку совершенное преступление не было непосредственно связано с профессиональной деятельностью. Хотя, на наш взгляд, и в этом случае применение данного наказания было бы целесообразным. Представляется, что в ч. 2 ст. 51 УК

слова «связанного с занимаемой должностью или с занятием определенной деятельностью» следует исключить.

Ст. 51 УК дополнена ч. 5, согласно которой неисполнение осужденным установленного приговором суда запрета занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, назначенного в качестве дополнительного наказания к исправительным работам и ограничению свободы, является нарушением порядка и условий отбывания данных наказаний. При этом замена наказаний в виде исправительных работ и ограничения свободы более строгим наказанием в случае злостного уклонения от их отбывания, не освобождает лицо от дальнейшего отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью.

В ч. 6 ст. 51 УК закреплено, что в случае злостного уклонения осужденного от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью суд по представлению органа, на который возложено исполнение приговора, может заменить данное наказание ограничением свободы из расчета один день ограничения свободы за один день лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, но на срок не свыше пяти лет. При этом время уклонения от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не засчитывается в срок отбытого наказания. Вместе с тем, ни в УК, ни в УИК законодатель не устанавливает, что следует считать уклонением и злостным уклонением от отбывания рассматриваемого наказания, думается, что в целях единообразного их применения на практике, данные положения требуют законодательного закрепления.

Далее в ч. 6 ст. 51 УК отмечается, что вопрос о замене исследуемого наказания, назначенного в качестве дополнительного, ограничением свободы должен рассматриваться судом после отбытия осужденным основного наказания. Данное положение также вызывает ряд вопросов, так, например, невыполнение осужденным запрета на управление транспортным средством фиксируется, как правило, в протоколах о привлечении осужденного к административной ответственности за соответствующие правонарушения, в таком случае к моменту отбытия осужденным основного наказания срок действия административных взысканий может истечь, и оснований для замены лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью более строгим наказанием уже не будет.

В ч. 3 ст. 36 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Беларусь (далее – УИК) закреплено положение, согласно которому в случае злостного уклонения осужденного от отбывания исследуемого наказания после

вынесения официального предупреждения уголовно-исполнительная инспекция должна направить в суд представление для решения вопроса о замене лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью более строгим наказанием в соответствии со ст. 51 УК. Представляется, что данное положение несколько противоречит ч. 6 ст. 51 УК, либо оно относится к тем случаям, когда рассматриваемое наказание применяется в качестве основного, что требует соответствующего уточнения. Не ясно также, когда и как должен решаться вопрос о замене рассматриваемого наказания более строгим в случае, если оно применено при отсрочке исполнения наказания и условном неприменении наказания, так как злостное уклонение от отбывания наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью не является основанием для отмены указанных мер уголовной ответственности.

Таким образом, необходимо отметить, что новации в правовом регулировании наказания в виде лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью породили ряд проблем, для решения которых требуется внесение соответствующих корректировок в действующее уголовное и уголовно-исполнительное законодательство нашей республики.

Библиографические ссылки

1. Казак, С. В. Уголовный кодекс Республики Беларусь в свете последних изменений и дополнений / С. В. Казак, Н. И. Козелецкая // Вестник Гродн. гос. ун-та им. Янки Купалы. Серия 4. Правоведение. – 2021. – № 3. – С. 78-85.

Караваева Виктория Анатольевна

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ

Старший преподаватель-методист отдела контроля качества образовательного процесса учебно-методического управления УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., 2006_victory@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы нормотворческой техники преступлений против порядка осуществления экономической деятельности. Отмечается, что отсутствие единообразного подхода к квалификации указанных противоправных деяний и наличие ошибок в правоприменительной деятельности обусловлено рядом факторов, касающихся, в том числе, формы и содержания уголовно-правовых норм.

Ключевые слова: нормотворческая техника, экономическая деятельность, уголовная ответственность, уголовный закон, диспозиция, санкция, примечание.

Исследование проблем противодействия преступлениям против порядка осуществления экономической деятельности является на сегодняшний день актуальным направлением научного поиска. Глава 25 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) «Преступления против порядка осуществления экономической деятельности» является одной из самых динамически изменяющихся глав Особенной части УК. В то же время квалификации размещенных в ней противоправных деяний представляет особую сложность ввиду высокой степени бланкетности уголовно-правовых норм.

В последние годы в юридической литературе активно ведутся дискуссии среди ученых о необходимости совершенствования уголовно-правового регулирования в сфере экономической деятельности (Н.А. Бабий, И.О. Грунтов, А.В. Конюк, А.И. Лукашов, А.Л. Савенок, В.В. Хилюта, В.М. Хомич и др.). Высказывались различные мнения о необходимости изменения подхода к построению Главы 25 УК, детализации отдельных диспозиций уголовно-правовых норм, совершенствования санкций за нарушение указанных деяний, декриминализации ряда составов преступлений, смягчения уголовной репрессии в отношении отдельных преступлений и т.д.

В целом анализ следственной и судебной практики свидетельствует о наличии проблем, связанных с юридической оценкой преступлений, расположенных в Главе 25 УК. Отсутствие единообразного подхода к квалификации указанных деяний и наличие ошибок в правоприменительной деятельности обусловлено рядом факторов, касающихся формы и содержания рассматриваемых уголовно-правовых норм.

В основу конструирования Главы 25 УК положен видовой объект преступного посягательства – порядок осуществления экономической деятельности. Такой широкий круг охраняемых уголовным законом общественных отношений predetermined большое количество статей в Главе 25 УК. Порядок расположения статей в не позволил выявить критерий, которым руководствовался законодатель при осуществлении ее структуризации. На наш взгляд, проблема расположения большого количества статей в главе уголовного закона может быть решена путем подразделения больших по объему глав на более мелкие структурные элементы (например, параграфы). Использование подобных элементов позволит выбрать определенный критерий построения главы (по степени общественной

опасности, по непосредственному объекту преступного посягательства и т.д.) и расположить статьи в логической последовательности.

Установление признаков объективной стороны преступлений против порядка осуществления экономической деятельности затруднено высоким уровнем бланкетности уголовно-правовых норм. Несмотря на то, что признаки указанных составов преступления фактически определены в диспозиции, большинство из них конкретизируется в иных актах законодательства.

Так, в отдельных статьях Главы 25 УК закреплены термины, представляющие сложность для уяснения («авалирование», «индоссамент», «авал», «акцепт», «аллонж» (ст. 2262 УК), «объем торгов» (ст. 2263 УК), «проспект эмиссии ценных бумаг» (ст. 227 УК) и др.). Подобные термины заимствованы из гражданского, финансового, налогового, таможенного и иного законодательства, поэтому должны использоваться правоприменителем в том значении, которое указано в соответствующем нормативном правовом акте.

Сложность уяснения признаков объективной стороны преступлений против порядка осуществления экономической деятельности подтверждается также необходимостью размещения примечаний к отдельным статьям (ст. 228, 233, 235 УК и др.). Примечания, размещенные в рассматриваемой главе, являются сложными по структуре, состоят из нескольких частей. В рамках одной части примечания может располагаться несколько понятий (например, ч. 1 и ч. 2 примечания к ст. 233 УК), что свидетельствует об отсутствии единого подхода к конструированию примечаний в уголовном законе в целом.

Характерной особенностью формулирования признаков объективной стороны ряда рассматриваемых преступлений является совершение общественно опасного деяния путем нарушения правил, требований, предписаний, установленных не в статье Особенной части, а в ином нормативном правовом акте. При этом при конструировании некоторых статей законодатель использует формулировку «незаконный оборот» (ст. 222 УК), «незаконный выпуск» (ст. 226 УК), «незаконные действия» (ст. 2262 УК), «незаконное перемещение» (ст. 2281 УК) и т.д. Подобный подход использовался законодателем при конструировании статей Особенной части УК БССР 1960 г.

Как правило, законодатель использует прилагательное «незаконный» в том случае, когда наряду с «незаконным» его проявлением, запрещенным УК, подразумевается возможность его совершения в установленном законом порядке. В то же время все общественно опасные деяния, расположенные в Особенной части УК, запрещены уголовным законом, поэтому повторное указание на «незаконность» отдельных деяний представляется

нецелесообразным. Наиболее удачный подход с точки зрения нормотворческой техники использован при формулировании названия ст. 223 УК «Нарушение правил о сделках с драгоценными металлами и (или) драгоценными камнями».

В юридической литературе отмечается, что все преступления против порядка осуществления экономической деятельности относятся к категории умышленных [1, с. 479]. Однако анализ рассматриваемой главы позволяет сделать вывод, что законодатель не всегда последовательно подходит к отражению в названии статьи признаков субъективной стороны преступления. Только в четырех диспозициях имеется прямое указание на умышленную форму вины (ст. 230, 240, 2433 и 255 УК), в иных статьях такое указание отсутствует. Наличие в числе субъективных признаков составов преступлений цели или мотива, которые указаны непосредственно в диспозиции статьи, также может являться показателем принадлежности преступлений к умышленным. В то же время в соответствии с принципом личной виновной ответственности в уголовном законе в умышленных посягательствах объективные признаки преступления должны описываться в диспозиции нормы таким образом, чтобы лицо психически относилось к содеянному, как это предусмотрено законодательной моделью умысла

[2, с. 4]. На наш взгляд, необходимо согласиться с мнением А.Л. Савенка, который указывает на необходимость определения формы вины непосредственно в диспозиции уголовно-правовой нормы [3, с. 167].

Безусловно, рассмотренные проблемы нормотворческой техники преступлений против порядка осуществления экономической деятельности не являются исчерпывающимися. Актуальной является необходимость дальнейшего теоретического анализа признаков рассматриваемой группы преступлений, а также разработка научно обоснованных подходов к их конструированию.

Библиографические ссылки

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 997 с.
2. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. – Минск : Тесей, 2012. – 365 с.
3. Савенок, А. Л. Теория эффективности уголовного закона / А. Л. Савенок. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2017. – 258 с.

Ковальчук Алексей Васильевич

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК МАРКЕР ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ

ОБУСЛОВЛЕННОСТИ, ИЗМЕНЕНИЯ ИЛИ ОТМЕНЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА

Заместитель начальника кафедры уголовного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент,
kovalchusha@mail.ru

Аннотация. Одним из важнейших инструментов идентификации общественной опасности деяния, а также социальной обусловленности, изменения или отмены уголовно-правового запрета выступает общественное мнение. Оно является маркером, оказывающим влияние на принятие законодательных и правоприменительных решений. Совпадая с мнением законодателя и правоприменителя, оно способствует реализации экономии уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших противоправные деяния.

Ключевые слова: Общественное мнение; общественная опасность; социальная обусловленность; уголовно-правовой запрет; экономия уголовно-правового воздействия.

Модернизация общественных отношений в условиях глобальной цифровизации и информатизации инициировала необходимость пересмотра подходов к критериям идентификации общественной опасности деяния, а также социальной обусловленности, изменения или отмены уголовно-правового запрета. Глобальная сеть Интернет, иные информационные сети и их органическая связь со всеми сферами жизнедеятельности человека повлияли на развитие общественного правосознания. Возможность удаленного общения неопределенного круга лиц, обмена мнениями, осуществления поиска, хранения и мгновенного распространения правовой информации, а также информации о фактах противоправных посягательств поспособствовали формированию такого атрибута определения общественной опасности деяния, социальной обусловленности, изменения или отмены уголовно-правового запрета, как общественное мнение.

Общественное мнение как форма массового сознания людей не является новым для доктрины уголовного права. Ученые и ранее уделяли внимание рассматриваемому феномену, однако научный анализ, в большинстве своем, проводился в советский период времени и сводился к криминологическому исследованию роли общественного мнения и его влиянию на реализацию уголовного наказания, применение иных принудительных мер в отношении лиц, совершивших общественно опасные деяния, а также предупреждение преступлений, исправление и перевоспитание виновных, правовую пропаганду и правовое обучение [1, 2].

Благодаря глобальной сети Интернет общественное мнение стало панорамным и более массовым, прозрачным и интенсивным, быстрым и во многом оказывающим существенное влияние на происходящие социальные процессы. Наиболее востребованными уголовно-правовыми сферами проявления общественного мнения, вызывающими общественный интерес, явились процессы правотворчества и правоприменения. Анализ современного уголовного законодательства и практики его применения иллюстрирует, что отношение различных групп людей к введению новых уголовно-правовых норм изменению или отмене действующих и уголовно-правовой оценке совершенных общественно опасных деяний, существенным образом влияет на законодательные новеллы и принятие решений правоприменителем.

В подтверждение сказанного следует привести вызвавшие широкий общественный резонанс неоднократные факты издевательств над животными, имевшие место с 2013 по 2014 годы на территории Брестской и Витебской областей нашей Республики, появление с 2017 года и функционирование в социальных сетях так называемых «групп смерти», направленных на побуждение детей к суицидальному поведению, которые способствовали введению в Уголовный кодекс Республики Беларусь соответствующих статей об уголовной ответственности за жестокое обращение с животными (ст. 3391 УК) и пропаганду самоубийства (ст. 3421 УК).

Общественное мнение может выступать своеобразным маркером, «подталкивающим» правоприменителя к выводу о наличии либо отсутствии общественной опасности деяния, а также признаков конкретного состава преступления. К примеру, в ноябре 2016 года в сети Интернет было размещено фото девушки в нижнем белье, стоящей перед обелиском Победы в г. Минске. Пост собрал свыше двухсот пятидесяти комментариев. По мнению большинства комментаторов, поступок девушки явился не самым разумным, поскольку нарушил устои общественной нравственности, однако он не лежит в уголовно-правовой плоскости. По результатам проведения проверки по данному факту правоприменитель не усмотрел признаков исключительного цинизма, характерного преступному хулиганству. Можно привести ряд иных противоположных примеров совершения преступлений, вызвавших широкий общественный резонанс, и находившихся на контроле у главы государства, по результатам расследования которых виновные понесли заслуженные наказания.

Нельзя сказать, что общественное мнение в приведенных нами ситуациях явилось ключевым для принятия законодательных новелл или правоприменительных решений, однако не учитывать данный факт было бы ошибочным. Заметим и то, что общественное мнение способствует

реализации неотвратимости ответственности и восстановлению социальной справедливости. Совпадая с мнением законодателя и правоприменителя, оно влияет на экономию уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших противоправные деяния.

Вместе с тем общественное мнение не всегда может отражать правильную оценку объективной реальности, и поэтому его следует рассматривать в трех аспектах – положительном (позитивном), отрицательном (негативном) и нейтральном. Позитивным представляется общественное мнение, которое является выражением общественных и государственных интересов, соответствует духу закона и социальной справедливости. Негативное общественное мнение безнравственно одобряет противоправные поступки, воздействует на законное принятие государственных решений, воспрепятствует реализации нормальной деятельности личности, общества и государства, а в отдельных ситуациях может образовывать состав самостоятельного преступления. Проведенный нами анализ практики применения норм об уголовной ответственности за отдельные виды преступлений выявил тенденцию признания правоприменителем преступными деяний, которые не только вызвали широкий общественный резонанс, но и спровоцировали посредством негативного общественного мнения последующее противоправное поведение других лиц. Поэтому своевременное выявление негативного общественного мнения и его локализация должны стать эффективным направлением профилактики преступлений. Нейтральное общественное мнение, в отличие от положительного или отрицательного, не оказывает какого-либо влияния на социальные процессы и является безразличным для их уголовно правовой оценки.

Сказанное позволяет сформулировать следующие выводы.

1. В современных реалиях одним из важнейших инструментов идентификации общественной опасности деяния, а также социальной обусловленности, изменения или отмены уголовно-правового запрета выступает общественное мнение. Оно является своеобразным маркером, оказывающим влияние на принятие законодательных и правоприменительных решений.

2. Позитивное общественное мнение способствует неотвратимости ответственности и восстановлению социальной справедливости. Совпадая с мнением законодателя и правоприменителя, оно влияет на экономию уголовно-правового воздействия в отношении лиц, совершивших противоправные деяния. Негативное общественное мнение провоцирует последующее противоправное поведение других лиц, поэтому его выявление

и локализация является эффективным направлением профилактики преступлений.

Библиографические ссылки

1. Саркисова, Э.А. Общественное мнение в борьбе с преступностью / Э.А. Саркисова. – Минск: Беларусь, 1975. – 80 с.

2. Общественное мнение о преступности и мерах борьбы с ней. Сб. науч. трудов / Н.Л. Гранат [и др.] – М.: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения пр-ти, 1977. – 84 с.

Козелецкая Наталья Ивановна

ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Доцент кафедры уголовного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, retneva76@mail.ru

Аннотация. Используя сравнительно-правовой метод, автор проанализировал с точки зрения оптимальной охраны половой неприкосновенности несовершеннолетних подход законодателей к формулированию диспозиций и санкций статей, предусматривающих ответственность за развратные действия, Уголовным кодексом Российской Федерации и Уголовным кодексом Республики Беларусь.

Ключевые слова: беспомощное состояние, малолетний, преступления против половой неприкосновенности, развратные действия, уголовный закон.

Одной из серьезных угроз для любого государства, отражающих в последнее десятилетие наиболее неблагоприятную динамику, стала педофилия. Изменения и дополнения содержания статей о преступлениях против половой неприкосновенности несовершеннолетних демонстрируют стремление международного сообщества усилить уголовную ответственность для лиц, совершающих преступные действия сексуального характера и обеспечить возможность противодействия любому сексуальному насилию в отношении ребенка. В этой части научный интерес представляет изучение подходов законодателя к формулированию уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за развратные действия, в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) и в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь).

Федеральными законами от 27 июля 2009 г. № 215-ФЗ, от 29 февраля 2012 г. № 14-ФЗ и от 28 декабря 2013 г. № 380-ФЗ редакция 135 УК РФ была существенно переработана, в частности, это выразилось в изменении

признаков объективной стороны, в появлении новых квалифицирующих признаков и в ужесточении санкций.

Внесенные в норму коррективы позволили закрепить четкую возрастную классификацию потерпевших от развратных действий : лица, достигшие 12-летнего, но не достигшие 14-летнего возраста (ч.2 ст.135 УК); лица, достигшие 14-летнего возраста, но не достигшие 16-летнего возраста (ч.1 ст.135 УК). Возрастная группа потерпевших до 12 лет из статьи была исключена. Эту категорию несовершеннолетних российский законодатель признал потерпевшими от преступлений, предусмотренных ст. 131 УК (изнасилование) или 132 УК (насильственные действия сексуального характера).

Решение об отнесении развратных действий к иным действиям сексуального характера с использованием беспомощного состояния потерпевшего (п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ) вызвало в научных кругах немало вопросов. При этом одними авторами она была поддержана в связи с повышенной общественной опасности преступных посягательств в отношении малолетних [1, с. 21], другие же признали такую инициативу законодателя нарушением принципа запрета на применение аналогии в уголовном законе, ввиду того, что развратные действия не образуют объективную сторону иных действий сексуального характера [2].

Действительно, такая новация законодателя не может не вызывать возражение, учитывая множество вариантов проявления развратных действий и отсутствие единообразного их толкования правоприменителем.

Получается, например, что демонстрация половых органов малолетнему лицу либо совершение иных действий развратного характера без применения насилия в отношении лица, не достигшего двенадцатилетнего возраста, по действующему российскому законодательству влечет уголовную ответственность за особо тяжкое преступление, с наказанием в виде лишения свободы от двенадцати до двадцати лет.

Стоит заметить, что с недавнего времени в Республике Беларусь также применяется единый возрастной критерий для определения беспомощности. Законом Республики Беларусь от 6 января 2021 г. № 85-З ст. 166 УК (изнасилование) была дополнена примечанием, в соответствии с положениями которого для целей применения настоящей статьи и ст.167 УК (насильственные действия сексуального характера) малолетний, не достигший двенадцатилетнего возраста на момент совершения в отношении него преступления, признается находящимся в беспомощном состоянии, поскольку в силу возраста не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий. Однако это нововведение не распространяется на иные половые преступления. Развратные действия, совершенные в отношении лиц, не

достигших 14-летнего возраста, являются квалифицирующим признаком состав преступления, предусмотренного ст.169 УК Республики Беларусь, независимо от того, понимали ли такие лица истинное значение совершаемых сексуальных действий.

Конструкция российской нормы о развратных действиях не допускает насильственного воздействия на несовершеннолетнего в процессе совершения преступления. Применение к потерпевшему лицу любого вида насилия или его угрозы влечет для виновного ответственность по более тяжелой статье о половых преступлениях.

Напротив, отечественный законодатель в этом вопросе пошел по иному пути, признав насилие или угрозу его применения в качестве признака, повышающего существенным образом степень опасности развратных действий. Обосновывая такое решение, авторы научно-практического комментария к УК Республики Беларусь считают, что насилие, угроза применения насилия в ч.2 ст.169 УК используются обвиняемым как «средство понуждения потерпевшего к восприятию соответствующей информации развращающего характера» [3, с. 359]. Вместе с тем, учитывая судебное толкование понятия развратных действия, сделанное Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь в п. 17 постановления от 27 сентября 2012 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности или половой свободы (ст.ст. 166–170 УК, такая позиция авторов небесспорна.

Необходимо положительно оценить существующий в отечественном законодательстве механизм уголовно-правовой защиты несовершеннолетних от посягательств со стороны лиц, обладающих признаками специального субъекта. Так, в числе квалифицирующих признаков в составе развратных действий закреплено совершение деяния родителями, педагогическими работниками или иными лицами, на которых возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего. Указанный аспект в настоящее время является особо актуальным в связи с ростом количества таких преступлений, в том числе и в Республике Беларусь, а также необходимостью противодействия социальной проблеме – добровольному инцесту. Российский уголовный закон в этой части более либерален и не предусматривает усиления ответственности для такой категории субъектов преступления.

В тоже время УК РФ, в отличие от УК Республики Беларусь, содержит указание на совершение развратных действий группой лиц по предварительному сговору или организованной группой. Вполне очевидно, что острие уголовной политики в области противодействия посягательствам на половую неприкосновенность детей направлено, в том числе, и против ее организованных форм. Однако, на наш взгляд, российский законодатель

необоснованно объединил два квалифицирующих признака, различных по характеру и степени общественной опасности в одной части статьи. Совершенно очевидно, что степень общественной опасности преступления, совершенного организованной группой, значительно выше степени общественной опасности того же преступления, но совершенного группой лиц по предварительному сговору.

Обращает на себя внимание существенная разница в наказуемости развратных действий совершенных в отношении лица, достигшего 14-летнего, но не достигшего 16-летнего возраста и лица, достигшего 12-летнего возраста, но не достигшего 14-летнего возраста: если первое деяние согласно УК РФ считается менее тяжким преступлением с наказанием в виде лишения свободы до трех лет, то второе — уже тяжким преступлением, где верхний предел наказания достигает восьми лет лишения свободы. При этом для лица, совершившего развратные действия, будучи судимым за ранее совершенное преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетнего, срок наказания составляет от 10 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до 20 лет.

К сожалению, в УК Республики Беларусь развратные действия являются менее опасным преступлением по сравнению с оценкой, полученной УК РФ. Максимальный срок лишения свободы составляет шесть лет. В этой ситуации, полагаем, российский законодатель подошел более взвешенно к оценке степени опасности посягательств на половую неприкосновенность ребенка, усилив тем самым общепреventивную роль уголовного закона.

Библиографические ссылки

1. Изотова, М. Проблемы применения законодательства об ответственности за ненасильственные сексуальные посягательства / М. Изотова, Ю. Островецкая // Уголовное право. – 2013. – № 4. – С. 15–21.

2. Сембаева, А. А. Проблемы квалификации ненасильственных половых преступлений [Электронный ресурс] / А. А. Сембаева А. В. Шеслер // Проблемы науки. – 2020. – №10. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-kvalifikatsii-nenasilstvennyh-polovyh-prestupleniy>. – Дата доступа: 05.01.2022.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. : / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

Колесень Николай Георгиевич

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА

ИНФОРМАЦИЮ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ БИМЕДИЦИНСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Младший научный сотрудник Центра государственного строительства и права
ГНУ «Институт экономики НАН Беларуси», kolezen_nick@rambler.ru

Аннотация. В статье рассматривается вопрос уголовно-правовой охраны права человека на информацию при осуществлении отдельных биомедицинских исследований, исследуется добровольное информированное согласие как центральный элемент реализации данного права, и, соответственно, потенциальный объект уголовно-правовой охраны. Делается вывод о необходимости дальнейшего совершенствования уголовного законодательства.

Ключевые слова: право на информацию; биомедицинское исследование; добровольное информированное согласие; уголовно-правовая охрана, уголовный кодекс.

Уголовно-правовая охрана человека при осуществлении биомедицинского исследования предполагает охрану различных его прав, например, права на жизнь, на здоровье, на информацию. В рамках обозначенного вопроса особый интерес представляет охрана права человека на информацию при осуществлении биомедицинского исследования. Подобный интерес обуславливается содержательным наполнением указанного права человека: лицо, владеющее полной информацией о проводимом в отношении него исследовании, принимает окончательное решение о целесообразности участия в подобном мероприятии. Неполная или неточная информация, представленная лицу, в отношении которого планируется осуществление подобного исследования, может быть основой для принятия данным лицом решения о проведении исследования, фактически угрожающего его жизни и здоровью, что, как следствие, является объективной угрозой для реализации иных прав – права на жизнь и права на здоровье. Указанные обстоятельства и определяют необходимость более детального рассмотрения обозначенного вопроса.

Основным элементом обеспечения права человека на информацию при осуществлении биомедицинского исследования является информированное согласие (или добровольное информированное согласие) на его проведение. В общем виде информированное согласие является документом, в котором лицо (пациент) или его законный представитель подтверждает свое согласие на осуществление конкретного биомедицинского исследования на основании представленной в документе содержательной информации о данном мероприятии. Помимо прочего, в рассматриваемом документе должна

указываться предельно подробная информация об исследовании, включая сведения о применяемых методах, указание всех рисков, с которыми связано его осуществление. В большинстве тематических трудов информированное согласие называется центральным элементом права человека на информацию при проведении медицинских исследований [1, с. 42; 2, с. 41].

В законодательстве Республики Беларусь используется термин «добровольное согласие». Несмотря на отсутствие нормативной дефиниции данного термина в отечественном законодательстве, в ст. 44 Закона Республики Беларусь от 18 июня 1993 г. № 2435-ХІІ «О здравоохранении» (далее – Закон о здравоохранении) указывается, что необходимым условием оказания медицинской помощи пациенту является наличие предварительного согласия совершеннолетнего пациента. При этом рассматриваемый нормативный правовой акт закрепляет право пациента на получение в доступной форме информации о состоянии собственного здоровья, применяемых методах оказания медицинской помощи, а также о квалификации лечащего врача, других медицинских работников, непосредственно участвующих в оказании ему медицинской помощи; участие в выборе методов оказания медицинской помощи; отказ от оказания медицинской помощи, в том числе медицинского вмешательства, за исключением случаев, предусмотренных данным Законом [3].

Отметим, что в настоящее время в Республике Беларусь отсутствует единый стандарт информирования пациента и единый механизм регулирования вопросов, связанных с его получением и оформлением, что, в свою очередь, препятствует как полноценной реализации соответствующего права гражданина, предусмотренного статьями 44–45 Закона о здравоохранении, так и защите медицинских работников в случае возникновения конфликтных ситуаций [4]. Решение обозначенной проблемы видится в разработке определенных стандартов информирования лиц относительно каждого вида биомедицинского исследования или медицинского вмешательства (групп биомедицинских исследований или вмешательств) с учетом существующих медицинских стандартов на оказание различных видов медицинских услуг или помощи.

Отсутствие единого юридического подхода к вопросу добровольного информированного согласия в значительной степени оказывает влияние на охранительные правоотношения. В частности, в белорусском уголовном законодательстве отсутствуют специфические составы преступлений, связанные с осуществлением биомедицинского исследования или медицинского вмешательства без предварительного получения добровольного информированного согласия от лица, в отношении которого осуществляются указанные мероприятия (его законного представителя), и в следствии которых

указанное лицо понесло тяжкие последствия или смерть. В отечественной практике совершение подобных деяний квалифицируется как служебная халатность (часть вторая ст. 428 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК)) [5]. Однако указанный состав не в полной мере представляет возможность объективной оценки действий, осуществляемых врачом или иным медицинским работником, в контексте рассматриваемой ситуации. Также в данном случае не учитывается отношение пациента к информации о проводимом в отношении него биомедицинском исследовании или вмешательстве.

Полагаем, что для Республики Беларусь вопрос криминализации деяний, связанных с осуществлением биомедицинского исследования или медицинского вмешательства без предварительного получения добровольного информированного согласия пациента, является также актуальным. Вместе с тем, отдельное внимание следует уделить определению перечня конкретных деяний, подлежащих криминализации, содержательному наполнению объективной стороны предлагаемых составов преступлений, а также проработке вопроса назначаемых видов наказаний. При этом полагаем, что указанному процессу должно предшествовать выработка единых требований к оформлению и содержательному наполнению добровольного информированного согласия в привязке к конкретному виду (группе) биомедицинских исследований или вмешательств.

Таким образом, создание эффективного механизма уголовно-правовой охраны права человека на информацию при осуществлении биомедицинского исследования, предполагает необходимость дальнейшего совершенствования уголовного законодательства. Вместе с тем полагаем, что подобное совершенствование целесообразно осуществлять с учетом успешного зарубежного опыта решения обозначенного вопроса, механизмы которого реализованы в уголовном законодательстве иных государств.

Библиографические ссылки

1. Ерофеев, С. В. Принцип информированного согласия пациента: обзор зарубежной медицинской и юридической практики / С. В. Ерофеев, И. С. Ерофеева // Медицинское право. – 2016. – № 3. – С. 42–48.

2. Кралько, А. А. Медико-правовые аспекты получения информированного согласия на медицинское вмешательство / А. А. Кралько // Медицинские новости. – 2009. – № 12. – С. 41–45.

3. О здравоохранении [Электронный ресурс] : Закон Республики Беларусь, 18 июня 1993 г., № 2435-ХІІ : в ред. Закона Респ. Беларусь от 11 декабря 2020 г. // Консультант Плюс / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

4. Дегтярев Ю. Г. Информированное согласие на медицинское вмешательство: история вопроса и перспективы [Электронный ресурс]. –

Режим

доступа:

<http://rep.bsmu.by/bitstream/handle/BSMU.Image.Marked.pdf?sequence=1&isAllo wed=y>. – Дата доступа: 09.09.2022.

5. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13 мая 2022 г. // Консультант Плюс / ООО «ЮрСпектр». – Минск, 2022.

Корнеев Сергей Владимирович

ДЕЙСТВИЯ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИЕ РАБОТУ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (СТ. 74-1 УК БССР 1960 Г.): ЭВОЛЮЦИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Старший преподаватель кафедры уголовно-правовых дисциплин УО Федерации профсоюзов Беларуси «Международный университет «МИТСО»,
Korneev_sv@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы истории развития признаков состава действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений (ст. 74-1 Уголовного кодекса БССР 1960 г.), с момента появления данного вида преступления в отечественном законодательстве и до наших дней. Уделяется внимание изменению объема общественных отношений, поставленных под уголовно-правовую охрану, уголовным законодательством Республики Беларусь.

Ключевые слова: дезорганизация, осужденные, исправительные учреждения, нападение на представителя администрации, терроризирование осужденные, организованная группа, лишение свободы, арест.

Общеизвестно, что одним из методов исследования уголовного права является метод историзма. Изучение истории развития уголовного законодательства позволяет глубже понять предмет исследования, выявить закономерности его развития и выработать рекомендации по его совершенствованию.

5 мая 1961 г. был принят Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями». В ст. 3 этого Указа было установлено, что «особо опасные рецидивисты, а также лица, осужденные за тяжкие преступления, терроризирующие в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в этих целях преступные группировки, или активно участвующие в таких группировках, -

наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет или смертной казнью» [1].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1961 г. Закон «Об уголовной ответственности за государственные преступления» был дополнен статьей 14-1 под названием «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений» [2]. Законом «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР», принятым 25 июля 1962 г. Верховным Советом РСФСР, ст. 14-1 включена в УК РСФСР 1960 г. в качестве ст. 77-1 [3].

Аналогичная статья под номером 74-1 введена в УК БССР 1960 г. Указом Президиума Верховного Совета БССР от 9 августа 1961 г. [4].

Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 6 апреля 1963 г. № 1208-VI «О применении ст. 14-1 Закона СССР об уголовной ответственности за государственные преступления» к признакам данного состава преступления надлежало относить нанесение татуировок антисоветского содержания особо опасными рецидивистами [5, с. 13].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1984 г. № 10641-X «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР об уголовной ответственности и уголовном судопроизводстве» ст. 14-1 УК РСФСР была дополнена новой частью следующего содержания:

«Лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы, терроризирующие в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, или совершающие нападения на администрацию, а также организующие в таких целях преступные группировки или активно участвующие в таких группировках, - наказываются лишением свободы на срок от трех до восьми лет» [6].

Аналогичное дополнение было внесено и в УК БССР Указом Президиума Верховного Совета БССР от 19 января 1984 г. № 3433-X «О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Белорусской ССР» [7].

В 1999 г. был принят новый Уголовный кодекс Республики Беларусь (далее - УК), который в ст. 410 содержал следующее определение анализируемого нами преступления:

«Статья 410. Действия, дезорганизующие работу мест лишения свободы

1. Действия, выразившиеся в терроризировании осужденного с целью воспрепятствования его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, либо в нападении на представителя администрации следственного изолятора или иного места лишения свободы, либо в организации преступной группировки, либо в активном участии в

деятельности такой группировки, совершенные лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы, - наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

2. Те же действия, совершенные лицом, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление либо допустившим особо опасный рецидив, - наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.» [8].

В соответствии с Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» [9] ст. 410 в УК приобрела следующее содержание:

«Статья 410. Действия, дезорганизующие работу исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома

1. Действия, выразившиеся в терроризировании осужденного с целью воспрепятствования его исправлению или из мести за исполнение им общественной обязанности, либо в нападении на представителя администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, либо в создании организованной преступной группы с целью терроризирования осужденных или нападения на представителей администрации исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, или арестного дома, совершенные лицом, отбывающим наказание в виде лишения свободы или ареста, - наказываются лишением свободы на срок от двух до семи лет.

2. Те же действия, совершенные лицом, осужденным за тяжкое или особо тяжкое преступление либо допустившим особо опасный рецидив, - наказываются лишением свободы на срок от трех до десяти лет.» [10].

Подытоживая сказанное, приходим к следующим выводам:

1. Впервые анализируемый состав преступления появился в советский период развития отечественного уголовного законодательства в Указе Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями» от 5 мая 1961 г. При этом данный состав преступления лишь содержал перечень видов преступлений, за совершение которых следует строгое наказание. Впоследствии эти виды преступлений (терроризирование в местах лишения свободы заключенных, вставших на путь исправления; совершение нападений на администрацию; организация в этих целях преступных группировок; активное участие в таких группировках) обрели общее название «Действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений». При этом перечень действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, остался открытым. Об этом свидетельствует принятое Постановление Президиума Верховного Совета

СССР от 6 апреля 1963 г. № 1208-VI «О применении ст. 14-1 Закона СССР об уголовной ответственности за государственные преступления», дополняющее действия, дезорганизующие работу исправительно-трудовых учреждений, новым специальным признаком - нанесение татуировок антисоветского содержания. Тем не менее, этот специальный признак не был включен ни в Закон СССР «Об уголовной ответственности за государственные преступления», ни в Уголовные кодексы РСФСР и БССР.

2. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 11 января 1984 г. № 10641-X «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР об уголовной ответственности и уголовном судопроизводстве» был расширен круг лиц, несущих уголовную ответственность за данное преступление. Субъектом действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений, вместо особо опасных рецидивистов и лиц, осужденных за тяжкие преступления, стали лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы. Первые стали нести повышенную уголовную ответственность и составили квалифицирующие признаки данного преступления.

3. Первоначальная редакция ныне действующего Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 г. расширила круг тех мест, работу которых дезорганизуют лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы: вместо исправительно-трудовых учреждений такими стали следственный изолятор и иные места лишения свободы. Соответственно, и увеличился круг потерпевших лиц от данного преступления. Организация преступной группировки, либо активное участие в деятельности такой группировки перестали иметь специальную цель - терроризирование в местах лишения свободы осужденных, вставших на путь исправления, или совершение нападений на администрацию.

4. Законом Республики Беларусь от 4 января 2003 г. № 173-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь» был ограничен круг преступных деяний, путем исключения из них такого как «активное участие в деятельности такой преступной группировки». Был сужен круг мест, работу которых дезорганизуют лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы: вместо следственного изолятора и иных мест лишения свободы или стали исправительное учреждение, исполняющее наказание в виде лишения свободы, и арестный дом. Соответственно, был сужен и круг потерпевших от данного преступления лиц. В то же время был расширен круг субъектов данного преступления: вместо лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, ими стали лица, отбывающие наказание в виде лишения свободы или ареста.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем считать статью 410 УК в нынешней ее редакции не отвечающей современным требованиям и принципам построения уголовного закона, как в части содержащей различные самостоятельные виды преступлений под одним собирательным и обобщающим названием, так и в части как круга потерпевших лиц, подлежащих уголовно-правовой охране, а также перечня субъектов этих преступлений. Считаем необходимым установить уголовную ответственность за данные виды преступных посягательств в различных статья Уголовного кодекса Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Об усилении борьбы с особо опасными преступлениями : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 5 мая 1961 г. // Вед. Верховного Совета СССР. -1961. - № 19. - Ст. 207.

2. О внесении изменений и дополнений в Закон Об уголовной ответственности за государственные преступления : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 18 мая 1961 г. // Вед. Верховного Совета СССР. - 1961. - № 21. - Ст. 222.

3. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР : Закон РСФСР, 25 июля 1962 г. // Вед. Верховного Совета РСФСР. - 1962. - № 29. - Ст. 449.

4. О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс БССР : Указ Президиума Верховного Совета БССР, 9 августа 1961 г. // СЗ БССР. - 1961. - № 25. - Ст. 248.

5. Джужа, А.Н. Предупреждение действий, дезорганизующих работу исправительно-трудовых учреждений: (по материалам УССР): автореф. ... дис. канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Н. Джужа; Высш. школа МВД СССР им. Ф.Э. Дзержинского. – Киев, 1984. – 23 с.

6. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты СССР об уголовной ответственности и уголовном судопроизводстве : Указ Президиума Верховного Совета СССР, 11 янв. 1984 г., № 3 // Вед. Верховного Совета СССР. - № 3. – ст. 58.

7. О внесении изменений и дополнений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Белорусской ССР : Указ Президиума Верховного Совета БССР, 19 янв. 1984 г., № 3334-Х // СЗ БССР. - 1984. - № 3. – ст. 48.

8. Уголовный кодекс Республики Беларусь. – Минск, Нац. центр правовой информации Респ. – 214 с.

9. О внесении изменений и дополнений в некоторые законодательные акты Республики Беларусь : Закон Респ. Беларусь [Электронный ресурс] : 4 янв. 2003 г., № 173-З // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

10. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г.: одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : с изм. и доп. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Кукиштель Виктория Александровна
**КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ
СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ
КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ**

Старший преподаватель кафедры уголовного права и криминалистики УО
«Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
магистр юридических наук, v.kukshtel@psu.by

Аннотация. Настоящая статья посвящена исследованию социально-демографических и культурно-образовательных признаков личности субъекта преступления, ответственность за которое предусмотрена ст. 242 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК Республики Беларусь) «Уклонение от погашения кредиторской задолженности». Составлен криминологический портрет лица, совершающего преступление уклонение от погашения кредиторской задолженности. В основу анализа взята правоприменительная практика по уклонению от погашения кредиторской задолженности за временной период с 2010 по 2021 гг. по Республики Беларусь.

Ключевые слова: личность преступника; криминологическая характеристика; кредиторская задолженность; уклонение.

Субъект преступления ст. 242 УК Республики Беларусь «Уклонение от погашения кредиторской задолженности» индивидуальный предприниматель или должностное лицо юридического лица, в соответствии, с чем личность исследуемого общественно опасного деяния обладает определенными особенностями: внешняя добропорядочность и респектабельность, которая создает впечатление законопослушного гражданина.

Анализ социально-демографических признаков принято начинать с гендерной характеристики личности: лица, осужденные за уклонение от погашения кредиторской задолженности преимущественно лица мужского пола (73 %). Исследования показывают, что в Республике Беларусь при занятии руководящих должностей нет гендерного равенства. Несмотря на то, что трудятся среди «белых воротничков» в большей степени женщины, руководящие должности занимают мужчины (41%), в свою очередь женщины-

руководители (17%). В бизнесе женщины также реже регистрируют и руководят субъектами хозяйствования (23%), чем мужчины.

Традиционно в криминологии отсутствие гендерного равенства объясняется различием социальных ролей мужчин и женщин, а также социальными факторами, определяющими преступное поведение женщин, кроме того, определяющее влияние оказывают отличительные психологические черты, связанные с биологическими особенностями женщин [1]. Безусловно, сфера хозяйственной деятельности в Республике Беларусь в равной степени доступна как для лиц мужского, так и женского пола, государство гарантирует всем равную свободу предпринимательской деятельности.

Около 79% лиц, совершающих уклонение от погашения кредиторской задолженности, относятся к возрастной группе от 35 до 49 лет. Полагаем определенное влияние оказывает время, необходимое потратить на образование, а также для создания субъекта хозяйствования. Как правило, в начале индивидуальные предприниматели или должностные лица юридических лиц стараются выполнять свою работу согласно закону, а в последствии, сталкиваясь с определенными трудностями, разобравшись в тонкостях ведения бизнеса, преследуя цель, получение выгоды, начинают обходить закон.

Род занятий лиц, совершающих уклонение от погашения кредиторской задолженности, хозяйственная деятельность юридического лица или индивидуального предпринимателя, направленная на систематическое извлечение прибыли. Место работы руководящие должности юридического лица или индивидуальное предпринимательство. Характер работы – осуществление производства, реализация или приобретение товаров, оказание услуг, выполнение работ государственными и частными предприятиями, а также предпринимательская деятельность физических лиц в качестве индивидуальных предпринимателей. Занимаемые должности организационно-распорядительные или административно-хозяйственные юридических лиц или индивидуальные предприниматели.

Как правило, уровень материального обеспечения у субъектов данного вида преступности выше среднего. Однако им присущи гипертрофированные корыстные побуждения. Личность, исследуемого вида преступности, характеризуется высокой склонностью к гедонизму – аксиологическое учение, провозглашающее удовольствие высшим благом и смыслом жизни, единственной терминальной ценностью (ценность сама по себе). У данных лиц завышенные жизненные стандарты, они готовы идти на риск в рамках использования законных экономических институтов в преступных целях, а именно нарушения очередности расчетов между субъектами хозяйствования.

Таким, образом, для лиц, осужденных за уклонение от погашения кредиторской задолженности, характерна гипертрофированная жизненная целевая установка, используя ненасильственные способы, они стремятся к обогащению и обладанию власти.

Большая часть, лиц, совершающих уклонение от погашения кредиторской задолженности, находятся в зарегистрированном браке. В общественном сознании существует мнение, что преступления чаще совершают лица не имеющие семьи, не находящиеся под ее положительным влиянием, не думающих о негативных последствиях совершаемого ими преступного деяния для их близких. Полагаем, что данное наблюдение в большей степени характерно для лиц, совершающих насильственные преступления. И.Г. Корзун отмечает, что 80% лиц, совершающих насильственные преступления, не связанные с посягательством на жизнь и здоровье, не состоят в браке [2]. Наличие зарегистрированного брака у субъектов исследуемого экономического преступления объясняется достижением зрелого возраста, а именно к 35 – 49 годам лица, как правило, состоят в брачно-семейных отношениях.

Исследуя культурно-образовательные признаки, отметим, что для исследуемой группы субъектов характерно: высшее образование (не редко два и более); развитый интеллект; хорошее знание действующего законодательства, регулирующего экономические отношения; высокий уровень профессиональной подготовки, выражающейся в способности сочетать законные и противоправные методы ведения хозяйственной деятельности.

Нравственные взгляды субъектов уклонения от погашения кредиторской задолженности характеризуются высокой самоуверенностью, энергичностью, значительным самомнением, твердым стремлением к повышению своего материального благосостояния, склонностью к блефу. Для данной группы характерен низкий уровень правовой культуры, деградация системы общественных ценностей, цинизм в отношении деловых партнеров, клиентов. Рассматриваемой личности присущи наличие внешних признаков добропорядочности, законопослушности и респектабельности, отсутствие явно выраженных черт отличающих лиц, совершающих преступления, ответственность за которые предусмотрена ст. 242 УК Республики Беларусь от субъектов хозяйствования, действующих в соответствии с законом.

Основной мотивацией субъекта уклонения от погашения кредиторской задолженности, как и общеуголовного типа корыстного преступника, является получение материальной выгоды. Однако отличительная особенность корыстной мотивации экономического преступника как достижение высокого материального положения, так и высокого статуса в обществе для данной

личности важна общественная оценка его поведения в соответствии с чем преступное поведение маскируется под легальную экономическую деятельность.

Для личности субъекта уклонения от погашения кредиторской задолженности характерно отрицательное отношение к алкоголю и наркотикам, как правило, данные лица не имеют устойчивой связи с преступным миром и как следствие у них отсутствуют судимости и опыт в совершении и сокрытии общеуголовных корыстных преступлений.

Библиографические ссылки

1. Архипова, М.В. Криминологическая характеристика личности преступника, совершившего незаконный оборот драгоценных металлов и камней [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/41343-kriminologicheskaya-kharakteristika-lichnosti-prestupnika-sovershivshego-nezakonnyj-oborot>. – Дата доступа: 15.06.2022.

2. Корзун, И.Г. Криминологическая характеристика личности насильственного преступника / И.Г. Корзун // Государственная служба и кадры. – 2021. – № 3. – С. 93 – 95.

Леонович Ася Рисиковна

ПРИНЦИП ДОБРОЙ СОВЕСТИ (BONA FIDES) В УГОЛОВНОМ И СЛУЖЕБНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ И УКРАИНЫ

Старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета
БГУ, asiabusia@mail.ru

Аннотация. На основе сравнительно-правовой и иной научной методологии впервые в отечественной науке уголовного права автором предпринята попытка осмысления отражения принципа доброй совести в служебном и уголовном законодательстве стран-участниц СНГ и Украины для совершенствования уголовного закона.

Ключевые слова: добросовестность, стандарт поведения, служба, обязанность, небрежность, халатность

Принцип (от лат. principium – начало, основа) - «основное положение в политике, науке; руководящее правило деятельности; основное правило поведения» [1, с.450]. В философии «принцип» по И. Канту сродни «категорическому императиву», правилу «чистого разума» – 1) не требующий доказательств (то же, что аксиома или постулат); 2) внутреннее убеждение, правило поведения (то же, что максима или заповедь). Совесть – «особого

рода внимательность» [2, с.292]. *Bona fides* — лат. юридический термин - «честные средства», «добрые услуги», «добросовестность», который выражает моральную честность. Согласно юридическому словарю Блэка «добросовестность» есть состояние ума, состоящее в честности в убеждениях или целях, верности своему долгу или обязательству, в отсутствии намерения обманывать или искать недобросовестную выгоду. [3, с. 307] Добросовестность – общеправовой принцип. [4]

В служебном законодательстве «добросовестность» закреплена как:

1) принцип поведения государственных служащих, принцип служебной этики, правило служебного поведения (См.: п.2 Указа Президента Российской Федерации (далее – РФ) от 12.08.2002 г. № 885 в ред. Указа Президента РФ от 25.08.2021 г. № 493 «Общие принципы служебного поведения государственных служащих»; п.2 ч.3 ст.5 Закона (далее – З) Туркменистана (далее – Т) от 26.03.2016 г. №364-V в ред. ЗТ от 05.10.2019 г. №181-VI «Об этике и служебном поведении государственного служащего»; Правила этического поведения государственных служащих, утв. Постановление Кабинета Министров Украины (далее - У) от 11.02.2016 г. № 65; пп.4.1, 4.2 ст. 4 З Азербайджанской Республики (далее - АР) от 31.05.2007 г. №352-III в ред. ЗАР от 31.05.2017 г. №686-VQD «О правилах этичного поведения государственных служащих»; п.7 ч.3 ст.32 З Кыргызской Республики (далее - КР) от 27.10.2021 г. №125 в ред. З КР от 06.06.2022 г. №41 «О государственной гражданской и муниципальной службе»; Кодекс этики государственных и муниципальных служащих КР утв. постановлением Совета по государственной гражданской службе и муниципальной службе от 19.08.2016 г. № 43; п.5 Этического кодекса государственных служащих Республики Казахстан (далее - РК) утв. Указом Президента РК от 29.12.2015 г. № 153 в ред. Указа Президента РК от 22.02.2022 № 814);

2) обязанность служащего – добросовестно выполнять служебные обязанности (См.: ст. 12 З Республики Узбекистан (далее - РУ) от 08.08.2022 г. №ЗРУ-788 «О государственной гражданской службе»; ст.18 Федерального З РФ от 27.07.2004 г. №79-ФЗ в ред. ФЗ РФ 30.12.2021 г. №437-ФЗ «О государственной гражданской службе РФ»; п.11 Типового кодекса этики и служебного поведения государственных служащих РФ и муниципальных служащих" (одоб. реш. президиума Совета при Президенте РФ по противодействию коррупции от 23.12.2010 г. (протокол N 21); п.13 ч.1 ст.14 ЗТ от 26.03.2016 г. №363-V в ред. ЗТ от 05.06.2021 г. «О государственной службе»; п.7 ч.1 ст.8 ЗУ от 10.12.2015 г. №889-VIII в ред. ЗУ от 23.09.2021 г. №1780-IX «О государственной службе».

В служебном законодательстве нет критериев оценки добросовестности. Нарушение должностным лицом принципа добросовестности –

недобросовестность – в уголовном законодательстве понятийно не определяется, однако фиксируется в материальном составе неосторожного преступления служебной халатности. Преступное деяние при служебной халатности - неисполнение либо ненадлежащее исполнение своих служебных обязанностей – обусловлено:

1) недобросовестным отношением к службе (См.: ч.1.ст.428 Уголовного Кодекса (далее - УК) Республики Беларусь (далее - РБ) от 09.07.1999 г. №275-З в ред. ЗРБ от 13.05.2022 г. №165-3; ч.1 ст.371 УК РК от 03.07.2014 г. №226-V ЗРК в ред. ЗРК от 27.06.2022 г. №129-VII ЗРК; ч.1 ст.322 УК Республики Таджикистан (далее - РТ) от 21.05.1998 г. в ред. ЗРТ от 19.07.2022 г. №1896; ч.1 ст. 188 УК Т от 12.06.1997 г. №222-1 в ред. ЗТ от 13.11.2021 г.; ч.1 ст.314 УК АР от 30.12.1999 г. в ред. ЗАР от 26.04.2022 г. №516-VIQD; ч.1 ст.315 УК Республики Армения (далее – РА) от 29.04.2003 г. №ЗР-528 в ред. ЗРА от 24.12.2021 г. №ЗР-402;

2) недобросовестным отношением к служебным обязанностям (См.: ч.1 ст.329 УК Республики Молдова (далее - РМ) от 18.04.2002 г. №985-XV в ред. ЗРМ от 21.07.2022 г. №190; ч.1.ст.207 УК РУ от 22.09.1994 г. №2012-XII в ред. ЗРУ от 23.06.2022 г. №ЗРУ-780; ч.1 ст. 367 УК Уот 05.04.2001 г. №2341-III в ред. ЗУ от 28.07.2022 г. №2472-IX;

3) недобросовестным отношением к службе либо обязанностям по должности (См.: ч.1. ст.293 УК РФ от 13.06.1996 г. №63-ФЗ в ред. ЗРФ от 14.07.2022 г. №345-ФЗ).

Лишь по УК КР от 28.10.2021 г. № 127 (с изм. и доп. по сост. на 09.08.2022 г.) «недобросовестность» не упоминается.

Такая позиция законодателя импонирует автору применительно к служебной халатности по УК РБ, т.к. 1) использование оценочных понятий при конструировании уголовно-правовых норм потребует обращения к личностным ценностным установкам правоприменителя, что чревато его усмотрением и произволом; 2) без упоминания «недобросовестности» в конструкции материального состава ч.1 ст.428 УК РБ не нарушается принцип личной виновной ответственности, поскольку вина определяется к последствиям с учетом законодательной модели неосторожности [5, с. 356], устанавливаются признаки легкомысленного и небрежного (без надлежащей внимательности) отношения должностного лица к общественно-опасным последствиям своей служебной деятельности; 3) поскольку приоритетным принципом анализируемого служебного законодательства является - приоритет прав, свобод и законных интересов граждан перед интересами государства, а также в уголовном законодательстве человек - в приоритете перед интересами службы, постольку, было бы несправедливо не привлекать к уголовной ответственности должностное лицо, добросовестно относящееся

службе, не исполнившего или ненадлежаще исполнившего свою служебную обязанность, что повлекло по неосторожности смерть человека или гибель людей; 4) видится несправедливой обусловленность недобросовестным отношением к службе при неисполнении или недобросовестном исполнении служебных обязанностей, когда при так называемой «врачебной халатности» в тексте ст.162 УК РБ отсутствует обусловленность недобросовестным отношением к обязанностям при ненадлежащем исполнении профессиональных обязанностей медицинским работником, повлекшим по неосторожности вред здоровью или смерть пациента; 5) допускаю, что без упоминания недобросовестности в конструкции служебной халатности добросовестное отношение должностного лица к службе, своим служебным обязанностям суд может признать смягчающим обстоятельством с учетом «принципа индивидуализации наказания».

Полагаю, что излишне закрепление «недобросовестности» как нарушения нравственно-правового принципа доброй совести в конструкции служебной халатности по УК РБ.

Библиографические ссылки

1. Политический словарь / под ред. Б. Н. Пономарева - М. : Гос. изд-во полит. лит., 1958. - 702 с.

2. Золотухина-Аболина, Е. В. Этика : учебное пособие / Е. В. Золотухина-Аболина. - Ростов н/Д : Феникс, 2013. – 524 с.

3. Black's Law Dictionary: 2d pocket ed. - St, Paul, Minn : 2001. – 796 p.

4. Поляков, М. А. Общеправовой принцип добросовестности в современном российском праве [Электронный ресурс] - Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/obshepravovoy-printsip-dobrosovestnosti-v-sovremennom-rossiyskom-prave/viewer> . - Дата доступа: 10.09.2022.

5. Грунтов, И. О. Принцип личной виновной ответственности в уголовном законодательстве / И. О. Грунтов. - Минск : Тесей, 2012. – 366 с.

Локтевич Ольга Игоревна

К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ ПУТЕМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Старший преподаватель кафедры организации предварительного расследования УО «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», oll.k@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются правовые основы примирения с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения как основания для освобождения лица от уголовной ответственности. Отмечается проблема

отсутствия правоприменительной практики примирения потерпевшего и обвиняемого посредством медиации. Аргументируется целесообразность расширения практики примирения посредством медиации как средства по разрешению уголовно-правовых конфликтов.

Ключевые слова: медиативное соглашение; медиация; освобождение от уголовной ответственности; правовые основы; примирение.

Одним из оснований для освобождения лица от уголовной ответственности является примирение с потерпевшим. В соответствии со ст. 89 УК лицо, совершившее преступление, не представляющее большой общественной опасности, или впервые совершившее менее тяжкое преступление, может быть освобождено от уголовной ответственности, если оно примирилось с потерпевшим и загладило причиненный преступлением вред. В свою очередь, в соответствии с п. 4 ч. 1 ст. 30 и ст. 301 УПК, суд, прокурор или следователь с согласия прокурора вправе прекратить производство по уголовному делу и освободить лицо от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим, которое осуществляется на основе добровольного волеизъявления по урегулированию конфликта между ними, в том числе путем заключения медиативного соглашения.

В настоящее время медиация как средство урегулирования уголовно-правового конфликта не пользуется популярностью. Указанное связано в первую очередь с несовершенством действующего законодательства, которое, фактически, только констатирует возможность примирения посредством медиации, не раскрывая процедуру реализации указанной возможности. Единая следственная и судебная практика, определяющая порядок привлечения медиатора к урегулированию уголовно-правового конфликта, отсутствует, как отсутствует и практика принятия решений об освобождении лиц от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения.

В этой связи представляется целесообразным акцентировать внимание на вопросах правового регулирования освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения, знание которых позволит органу, ведущему уголовный процесс, расширить практику принятия таких решений.

Правовые основы освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения закреплены в УК и УПК, отдельные из них детализированы в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2012 г. № 1 «О

практике применения судами статей 86, 88, 89 Уголовного кодекса Республики Беларусь, предусматривающих возможность освобождения лица от уголовной ответственности» (в ред. Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 30 июня 2022 г. № 4 – далее Пленум). К ним относятся:

1. Примирение путем заключения медиативного соглашения не единственный вариант примирения, а лишь альтернативный способ, не имеющий никакого преимущества перед иными способами примирения

(ч. 1 ст. 301 УПК);

2. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон посредством медиации есть право, но не обязанность органа, ведущего уголовный процесс (ч. 1 ст. 30 УПК);

3. Прекращение производства по делу в случае достижения примирения между обвиняемым и потерпевшим, в том числе путем заключения медиативного соглашения, возможно по делам о преступлениях, не представляющих большой общественной опасности, или менее тяжких преступлениях при условии, что такое преступление совершено впервые (ст. 89 УК). Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон посредством медиации лица, совершившего преступление, не представляющее большой общественной опасности, не исключается и в тех случаях, когда данное лицо ранее совершало преступления. По таким делам необходимо учитывать причины, повлекшие совершение нового преступления, форму вины и иные обстоятельства, имеющие значение для решения вопроса о возможности освобождения от уголовной ответственности (п. 7 Пленума);

4. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением сторон посредством медиации лица, совершившего преступление, посягающее сразу на несколько объектов уголовно-правовой охраны, не исключается. По таким делам необходимо учитывать общественную опасность последствий, наступивших для каждого объекта преступного посягательства (п. 8 Пленума);

5. Примирение возможно между обвиняемым и потерпевшим (ч. 1 ст. 301 УПК). В случае, если потерпевшими от преступления признаны несколько лиц, решение вопроса об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности возможно при условии, что примирение достигнуто с каждым из потерпевших (п. 6 Пленума);

6. Освобождение от уголовной ответственности возможно лишь в случае, если лицо, совершившее преступление, примирилось с потерпевшим (ст. 89 УК). О достигнутом примирении свидетельствует обращение сторон в орган, ведущий уголовный процесс, с заявлением о примирении и просьбой

освободить обвиняемого от уголовной ответственности. Если примирение достигнуто в процессе медиации, то о нем свидетельствует представление сторонами медиативного соглашения, которое приобщается к уголовному делу (ч. 4 ст. 301 УПК);

7. Освобождение от уголовной ответственности возможно при условии, что лицо, совершившее преступление, загладило причиненный преступлением вред (ст. 89 УК). В случае примирения посредством заключения медиативного соглашения сведения о возмещении вреда должны быть отражены в данном документе;

8. Примирение осуществляется на добровольной основе, то есть никто не вправе понуждать какими бы то ни было способами одно лицо примириться с другим (ч. 1 ст. 301 УПК). В этой связи на орган, ведущий уголовный процесс, фактически возлагается обязанность удостовериться в добровольности достигнутого между сторонами примирения. Стоит учитывать, что не только потерпевший, но и обвиняемый должен подтвердить свое согласие на примирение и прекращение уголовного дела по указанному основанию. Данное требование содержится в ч. 4 ст. 30 УПК;

9. Примирение осуществляется добровольно и лично. Примирение с несовершеннолетним обвиняемым либо потерпевшим осуществляется с участием законных представителей (ч. 2 ст. 301 УПК). При отсутствии согласия законных представителей несовершеннолетнего или недееспособного потерпевшего решение об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности на основании ст. 89 УК не может быть принято;

10. Решение об освобождении обвиняемого от уголовной ответственности на основании ст. 89 УК не может быть принято в случаях, когда заявление о примирении исходит от лица, осуществляющего в уголовном процессе права потерпевшего по делу о преступлении, последствием которого явилась смерть потерпевшего (п. 6 Пленума);

11. Прекращение производства по делу в случае достижения примирения между обвиняемым и потерпевшим невозможно по уголовным делам частного-публичного обвинения, возбужденным прокурором в соответствии с ч. 5 ст. 26 УПК (ч. 5 ст. 301 УПК).

Таким образом нами рассмотрены правовые основы примирения с потерпевшим путем заключения медиативного соглашения как основания для освобождения лица от уголовной ответственности. Полагаем, что расширение практики применения медиации по разрешению уголовно-правовых конфликтов будет способствовать гуманизации законодательства, реализации прав граждан, сокращению сроков расследования, экономии бюджетных средств.

Новиков Егор Евгеньевич

О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАТНОЙ ЗАМЕНЫ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ НА ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ

Доцент Университета ФСИН России, к.ю.н., доцент, mavr-85@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности правового регулирования обратной замены уголовных наказаний в виде обязательных работ, исправительных работ и ограничения свободы на лишение свободы. Речь идет о том, когда лишение свободы заменяется на более мягкое наказание, а далее, назначенное более мягкое наказание, обратно заменятся на лишение свободы, в связи с признанием осужденного злостно уклоняющимся. Предлагаются пути решения выявленных проблем.

Ключевые слова: замена уголовных наказаний; лишение свободы; наказания, обязательные работы; исправительные работы; ограничение свободы.

Уголовное и уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации имеет достаточное количество спорных вопросов, связанных с заменой более мягкого наказания на лишение свободы, которые на протяжении большого периода времени на законодательном уровне остаются неотвеченными. Одной из подобных проблем является особенность правового регулирования обратной замены более мягкого наказания (в частности, обязательных работ, исправительных работ или ограничения свободы) на лишение свободы в связи с признанием осужденного злостно уклоняющимся.

Так, исходя из анализа уголовно-правовых предписаний, следует сделать вывод, что в большинстве возможных случаев обратная замена наказания, не связанного с изоляцией осужденного от общества, на лишение свободы может повлечь за собой назначение лишения свободы на неоправданно небольшой срок по сравнению со сроком первоначально назначенного наказания, который был заменен на более мягкое наказание.

Дело в том, что отмеченный вид замены наказаний на лишение свободы осуществляется на общих основаниях в соответствии с требованиями, определенными в ч. 1 ст. 71 и ч. 2 ст. 72 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), а также п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21.04.2009 № 8 «О судебной практике условно-досрочного освобождения от отбывания наказания, замены неотбытой части наказания более мягким видом наказания».

Так, согласно указанным выше уголовно-правовым нормам, максимальный срок более мягких наказаний равен 480 часам обязательных

работ, 2 годам исправительных работ, 4 годам ограничения свободы. В случае, если суд примет решение восстановить первоначальные уголовно-исполнительные правоотношения и заменить (вновь) наказание, не связанное с изоляцией от общества, на лишение свободы, максимальный срок более строгого наказания будет равен 2 месяцам (при замене обязательных работ на лишение свободы), 8 месяцам (при замене исправительных работ на лишение свободы) или 2 годам (при замене ограничения свободы на лишение свободы) соответственно, вне зависимости от оставшегося срока лишения свободы, замененного (впервые) судом на более мягкое наказание, которое осужденный впоследствии отбывать не стал.

Например, осужденному за совершение особо тяжкого преступления суд назначил 15 лет лишения свободы. В соответствии с ч. 2 ст. 80 УК РФ по отбытии не менее 2/3 срока (10 лет) наказания лицо может ходатайствовать о замене лишения свободы на более мягкое наказание. Таким образом, оставшийся срок лишения свободы (5 лет) суд может заменить максимальным сроком любого более мягкого наказания. В дальнейшем, если осужденный сразу отказался отбывать наказание и был признан злостно уклоняющимся, суд может повторно заменить наказание, не связанное с изоляцией от общества, на максимальный срок лишения свободы, равный 2 месяцам, в случае замены обязательных работ, 8 месяцам в случае замены исправительных работ и 2 годам в случае замены ограничения свободы.

Можно сделать вывод, что 5-летний срок лишения свободы сокращается настолько, что современную систему повторной замены наказания, не связанного с изоляцией от общества, на лишение свободы осужденные могут воспринимать как индульгенцию от первоначально назначенного наказания.

В данном контексте показательно следующее постановление суда Солнечногорского городского суда Московской области [1], в соответствии с которым осужденному П. было назначено наказание в виде 2 лет лишения свободы с испытательным сроком 3 года. Далее условное осуждение было отменено и применено исполнение лишения свободы на 2 года с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Впоследствии неотбытая часть лишения свободы сроком 9 месяцев заменена на исправительные работы сроком 1 год 1 месяц 3 дня с удержанием 15 % заработной платы в доход государства. Практически сразу осужденный П. стал нарушать условия отбывания наказания в виде исправительных работ.

В дальнейшем суд сделал вывод, что осужденный отбыл наказание в виде исправительных работ в течение 16 дней, и неотбытый срок наказания (1 год 17 дней) заменил на 4 месяца 5 дней лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии строгого режима.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что неотбытый осужденным П. срок лишения свободы (9 месяцев) сократился более чем в два раза (4 месяца 5 дней). И это при том, что анализируемое лицо характеризовало себя не с лучшей стороны, о чем свидетельствует первоначальный факт отмены условного осуждения и направления осужденного П. в исправительную колонию строго режима.

Другой пример.

12.03.2019 осужденный З. был приговорен к лишению свободы сроком на 3 года 6 месяцев с отбыванием наказания в ИК общего режима. 04.03.2021 неотбытая часть лишения свободы (1 год 6 месяцев 8 дней) была заменена на исправительные работы на срок 1 год 4 месяца 25 дней с удержанием 15 % заработной платы в доход государства.

В дальнейшем, после фактического отбытия осужденным З. 3 месяцев 4 дней исправительных работ, суд, руководствуясь нормами уголовного (ч. 4 ст. 50, ст. 58 УК РФ) и уголовно-процессуального законодательства (ст. 399 УПК РФ), заменил 1 год 1 месяц 21 день оставшегося более мягкого наказания на 4 месяца 17 дней лишения свободы с отбыванием наказания в исправительной колонии общего режима [2].

Причем интересно, что чем больше срок первоначально назначенного лишения свободы, тем привилегированней положение осуждённого, совершившего более тяжкое преступление. Так, если лицо приговорено к 12 годам лишения свободы, то более мягкое наказание может быть предоставлено по отбытии не менее 8 лет лишения свободы, т.е. оставшийся срок наказания, равный 4 годам, может быть заменён на максимальный срок, например, исправительных работ (2 года). В случае повторной замены максимальный срок исправительных работ (2 года) может быть заменён на лишение свободы сроком не более 8 месяцев, а не на 4 годам. В то же время если осужденный к 24 годам лишения свободы отбыл 16 лет, то 8 лет оставшегося наказания, заменённого на исправительные работы, повторно могут быть заменены на 8 месяцев лишения свободы. По сути, оба осужденных, наказание которых повторно заменено на лишение свободы, имеют равные условия, вне зависимости от первоначально определенного срока наказания.

Решение выявленной проблемы уголовно-правового регулирования замены более мягкого наказания на лишения свободы мы видим через применение следующего правила:

«Если осужденный признан злостно уклоняющимся от отбывания более мягкого наказания, тогда суд по представлению уголовно-исполнительной инспекции может постановить об отмене более мягкого наказания и исполнении оставшейся неотбытой части лишения свободы с направлением в

исправительное учреждение того вида, в котором осужденный отбывал лишение свободы на момент вынесения судом решения о соответствующей замене».

Представленное предложение, по аналогии с ч. 7 ст. 79 УК РФ («Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания»), признано обеспечить поступательное развитие уголовно-исполнительных правоотношений. Однако считаем возможным указать в УК РФ на необходимость направления осужденного в тот вид исправительного учреждения, в котором он отбывал наказание на момент вынесения судом решения о соответствующей замене.

Библиографические ссылки

1. Постановление Солнечногорского городского суда Московской области от 27.01.2022 № 4/17-14/22 (документ не был опубликован)

2. Постановление Солнечногорского городского суда Московской области от 27.01.2022 № 4/17-15/22 (документ не был опубликован)

Нуждин Андрей Александрович

ВЫЯВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАК ВИД ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ

Докторант факультета подготовки научно-педагогических кадров
Федерального казенного образовательного учреждения высшего образования
«Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний»,
к.ю.н., доцент, aanuzhdin@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные вопросы организации деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений. На основании анализа действующего уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации сделан вывод о несовершенстве нормативного обеспечения предупредительной деятельности уголовно-процессуальными средствами.

Ключевые слова: предупреждение; преступление; обстоятельства, способствовавшие совершению; выявление; устранение; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Предупреждение преступлений является одной из задач уголовного законодательства Российской Федерации (Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25, ст. 2954). Данная задача может быть решена посредством применения различных видов и форм. Анализ официальной статистической отчетности Министерства

внутренних дел Российской Федерации показывает, что данная деятельность реализуется достаточно успешно – регистрируется снижение числа целого ряда преступлений. Так, 2021 год свидетельствует о снижении числа зарегистрированных преступлений против личности; отмечается уменьшение числа разбоев, грабежей и краж; сократилось число уголовно-наказуемых деяний, совершенных лицами в состоянии алкогольного и наркотического опьянения; снизилась криминальная активность в миграционной сфере; безопаснее стало в общественных местах. Темп роста зарегистрированных преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, замедлился [1].

Указанное выше позволяет сделать вывод, что раскрытие и расследование преступлений не должно быть конечным направлением деятельности органов предварительного расследования. Важно использовать весь потенциал, определяемый уголовно–процессуальным законом. Речь идет о деятельности по выявлению и устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступлений (предупредительная деятельность). К сожалению, здесь мы встречаемся с рядом трудностей, в том числе и нормативного уровня.

В действующем Уголовно–процессуальном кодексе Российской Федерации (Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // СЗ РФ. 24.12.2001. № 52, ст. 4921) отсутствует норма, которая бы определяла задачи уголовного судопроизводства. В свою очередь, в уголовно–процессуальном законе закреплена статья «назначение уголовного судопроизводства» (ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации), которая определяет, что уголовное судопроизводство имеет своим назначением: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Вторая часть рассматриваемой статьи построена в виде некоего тождества, где «уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания» в той же мере отвечает назначению уголовного судопроизводства, что и «отказ от уголовного преследования невиновных, освобождение их от наказания, реабилитация каждого, кто необоснованно подвергся уголовному преследованию».

Можно утверждать, что указанное выше по своей сути не является задачами уголовного судопроизводства, а скорее выступает в качестве функций. По нашему мнению, Уголовно–процессуальный кодекс Российской Федерации в действующей редакции потерял некую конкретность, не имеет своей цели и задач, а деятельность его заключается в постоянной «защите прав и законных интересов ...». Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР

1960 г. (Уголовно–процессуальный кодекс РСФСР от 27.10.1960 (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40, ст. 592) в этом плане был составлен более удачно. Так, в ст. 2 «задачи уголовного судопроизводства» (в первом абзаце) были перечислены вполне конкретные и понятные задачи: быстрое и полное раскрытие преступлений; изобличение виновных; обеспечение правильного применения закона. А во втором абзаце уже были перечислены функции: укрепление социалистической законности; предупреждение и искоренение преступлений; воспитание граждан в духе неуклонного исполнения советских законов и уважения правил социалистического общежития. К сожалению, в процессе принятия нового Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации (2001 г.) данные положительные моменты не были учтены.

Нам импонирует точка зрения Е. Н. Клещиной, которая считает, что «положения указанные в Уголовно–процессуальном кодексе РСФСР 1960 г. должны подчеркивать предупредительную роль уголовно–процессуального закона, ориентировать действия должностных лиц, ведущих производство по уголовному делу не только на раскрытие уже совершенного преступления в максимально короткие сроки со дня совершения преступления и возбуждения уголовного дела, но и на выявление причин и условий совершения конкретного преступления и их устранения» [2, с. 139].

Справедливости ради следует заметить, что предупредительное значение все же прослеживается в Уголовно–процессуальном кодексе Российской Федерации. Данная функция заключена в ч. 2 ст. 73 Уголовно–процессуального кодекса Российской Федерации, где указано, что «подлежат выявлению также обстоятельства, способствовавшие совершению преступлений» и ч. 2 ст. 158 того же кодекса «установив в ходе досудебного производства по уголовному делу обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, дознаватель, руководитель следственного органа, следователь вправе внести в соответствующую организацию или соответствующему должностному лицу представление о принятии мер по устранению указанных обстоятельств или других нарушений закона».

Предупреждение преступлений деятельность больше административная, присуща всем правоохранительным органам (в том числе тем, которые не наделены уголовно–процессуальной компетенцией) [3, с. 18]. Но ведь именно комплекс процессуальных методов и мер позволяет с максимальной эффективностью и в полном объеме выявлять обстоятельства (причины и условия), способствовавшие совершению преступлений.

Библиографические ссылки

1. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь – декабрь 2021 года // МВД России : [сайт]. 18.01.2022. URL: <https://мвд.рф/reports/item/28021552/> (дата обращения: 09.09.2022).

2. Клещина Е. Н. О роли УПК РФ в предупреждении преступлений. Теория и практика общественного развития. 2009. № 1. С. 139–143.

3. Гришин Д. А. Система мер по предупреждению преступлений в исправительных учреждениях // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2020. № 10 (221). С. 16–20.

Павлов Вадим Иванович

ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПУТИ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА НА РУСИ

Докторант УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, vadim_pavlov@tut.by

Аннотация. В статье анализируется процесс формирования отечественного уголовного права древнерусского периода в контексте влияния византийского права. Обосновывается, что влияние осуществлялось содержательно и терминологически. Основным источником влияния являлось не общегражданское, а светско-церковное византийское право, поскольку рецепция на Руси осуществлялась в контексте общекультурного христианского влияния.

Ключевые слова: право, уголовное право, рецепция, Византия, Русь.

Разработка уголовно-правовой политики предполагает знание не только текущего состояния правопорядка, но и исторический путь формирования уголовного закона. Становление правовой системы на белорусских землях в самый ранний период было связано с процессами формирования общего древнерусского права и государственной власти на восточнославянских землях в X–XI вв. Принципиальным моментом начала формирования права как письменно зафиксированной системы норм является христианизация Руси и связанный с ней заимствованный опыт правовой традиции из Византии.

Право Древней Руси, в том числе нормы, действовавшие на современных белорусских землях, представляло собой не юрисдикцию одного кодекса, как это нередко принято считать (например, Русской Правды), а сложносоставное, многослойное образование, в котором мы выделили 6 различных слоев, выступающих источниками права [1, с. 327]. При этом на формирование права как нормативной системы оказывали влияние два основных фактора: а) постепенно расширяющаяся христианизация прежней языческой системы обычного права с момента крещения Руси; б) становящийся христианско-

государственный синтез, выражающийся в тесном переплетении религиозного и условно светского элементов. В самой Византии, или, Восточно-Римской империи, которая на 700 лет раньше прошла путь христианизации, процесс усвоения и адаптации христианского юридического содержания протекал иначе по целому ряду причин. Прежде всего, из-за того, что данная цивилизация имела уже развитое право и государство, письменные источники права, правовую культуру, юридическую доктрину дохристианской эпохи.

Процессы рецепции византийского права на белорусских землях не отличались от общей логики правового заимствования в других частях восточнославянского ареала, Киевской или Древней Руси. Несмотря на периодическое проявление сложностей в отношениях между отдельными княжествами и князьями, право восточных славян представляло собой единую систему регулирования: особенно это касалось рецептированных византийских правовых норм. Расхождения могли быть на уровне норм, сформулированных на основе казуального волеизъявления местного князя или судебных решений местных судов, однако они не носили принципиального характера. Помимо Русской Правды другого источника права в восточнославянских землях, хронологически сопоставимого с этим актом, например, который действовал бы в отдельном крупном княжестве наподобие Новгорода или Полоцка вместо либо наряду с Русской Правдой, науке неизвестно. Вместе с тем, как будет показано далее, Русская Правда не являлась единственным, тем более, строго отделенным от актов церковной юрисдикции, источником права на Руси. В советской историко-правовой науке принципиальное выдвигание на первый план Русской Правды при нивелировании других нормативных правовых актов и юридических компиляций нормативного значения отчасти диктовалось идейно-методологическими позициями.

Русская Правда («Правда Роуська») отражала устную судебную практику языческого древнерусского общества, когда основные архаические юридические формулы заучивались мнемотехническим способом («А будет кто... и тогда...») [2]. Однако было бы неверно утверждать, что этот источник права противопоставлялся рецептированным византийским актам церковной юрисдикции. В числе источников Правды находятся источники права христианской эпохи – Уставы Ярослава Мудрого, его сыновей Изяслава, Святослава и Всеволода, Владимира Мономаха [3, с. 2], т.е. нормы княжеских актов, отражающие уже не языческое, а христианизированное правовое сознание. Отметим, что самая древняя редакция Русской Правды как записи древнерусского правового обычая дошла до нас в составе Новгородской Синодальной Кормчей книги 1282 г., т.е. в составе рецептированного византийского Номоканона конца XIII в. Создание же Древнейшей Правды

специалистами определяется временем правления Ярослава Мудрого, в частности, М.Н. Тихомиров указывает на 1036 год [4, с. 56].

Сама Русская Правда не является нормативным правовым актом в строгом смысле слова. Скорее это юридический сборник, такой же, как и другие юридические сборники и компиляции, действовавшие на Руси, такие как Книги Законные, Мерило Праведное и др. [1, с. 300–316]. Вопреки сложившемуся в советской учебной литературе по истории права мнению о практически доминирующем действии норм Русской Правды на древнерусских землях, следует отметить, что обращение к этому источнику происходило не чаще, чем к источникам рецепированного византийского светско-канонического права. К. В. Вершинин верно отмечает, что «взятая в целом рукописная традиция Русской Правды лишь на первый взгляд свидетельствует о регулярном интересе к этому памятнику древнерусских “юристов”. Подавляющее большинство ее списков дошло до нас в составе Кормчих и Мерила, а значит, у нас нет серьезных оснований считать, что к Русской Правде обращались чаще, чем к другим текстам, входящим в состав этих сборников» [5, с. 110]. Вероятнее всего, Русская Правда действовала в едином нормативном комплексе наряду с рецепированными византийскими светско-каноническими источниками права, равно как и местными юридическими компиляциями.

Какие рецепированные византийские источники права и правовые нормы оказывали влияние на сферу древнейшего отечественного уголовного права? Прежде всего, конечно, Эклога (742 г.), древнерусский перевод которой был сделан еще во время правления Владимира Святославовича в его окружении с новейшей для того времени редакции полного текста византийской Эклоги («*Ecloga private*») [6, с. 113; 7; 8]. Однако на Руси книжниками часто использовался не сам греческий текст Эклоги, а южнославянский источник права «Закон Судный людем» («Судебник царя Константина») [9], выступавший посредником. Последний представлял южнославянскую (болгарскую) компиляцию византийской Эклоги, в основном ее пенального XVII Титула с элементами славянского права [4, с. 59, 154]. Обосновано, что рецепированный XVII Титул Эклоги выступал фактически первым Уголовным кодексом Древней Руси [1, с. 363–380]. Славянский текст Эклоги имел хождение на Руси не в качестве самостоятельного акта, а был включен в Кормчую книгу [10] и в Мерило Праведное [11–12]. Учитывая, что в самой Византии Эклога, в отличие от Номоканона, не являлась актом церковной юрисдикции, ее нормы имеют общегражданское значение, в котором, впрочем, выражен характерный для Византии светско-церковный юридический синтез. На Руси же Эклога, равно как и иные акты, воспринимавшиеся от «Царьграда», рассматривалась сквозь призму

освященного православной верой византийской традиции. Всегда присутствовавший в ней и в византийском юридическом дискурсе сугубо светский элемент древнерусским правовым сознанием не различался. Полное издание славянского текста Эклоги, включая уголовно-правовой Титул XVII с комментариями, осуществил Я. Н. Щапов [13].

Уже в древнейшем списке Краткой Правды имеются следы влияния Эклоги. Так, из Эклоги были рецепированы статьи об ответственности хозяина (господина) за преступления его холопа (ст. 17), а непопулярные на Руси телесные наказания заменялись штрафом в три гривны в пользу князя (ст. 7, 11, 13, 15). Были заимствованы также статьи об обеспечении иска, о поручительстве и о судебных сроках [14, с. 27]. Статьи Закона судного людем в рукописных Кормчих книгах нередко излагаются, чередуясь со статьями Русской Правды, что доказывает не только практическое значение византийских норм, но и восприятие светского и канонического права на Руси в качестве единого правового комплекса. М. Н. Тихомиров установил наличие в Краткой Правде двух статей – 12 («О всядении на чужого коня») и 18 («О порче копья и щита»), дословно рецепированных из Закона Судного людем [4, с. 58]. М. В. Бибиков усматривает влияние на статью 12 Краткой Правды, помимо Эклоги, и статьи 36 византийского Земледельческого закона [15, с. 110–111], также посвященного незаконному использованию чужого скота [16, с. 87].

Следует отметить и терминологическое влияние на отечественное уголовное право византийского законодательства. Такие концептуальные понятия, как «закон», «законоположение» в соответствии с греческими терминами «νόμος», «νομοθεσία» постепенно вошли в юридический язык славян под влиянием византийского права. Термины «законъ», «законоположение» использовались древнерусским книжником в новелле Алексея Комнина о браке в составе Мерила Праведного [17, с. 657; также см.: 18–19]. Эта же тенденция касается и нового термина «преступление», который постепенно вытесняет традиционные древнерусские термины «обида», «лихое дѣло», «дурно», «кривда». Церковно-канонический термин «убийство», «убоиник» происходит от греческого «φονεύς» и вытесняет традиционный русский термин «головщина» [20; 17, с. 656–661]. Под влиянием церковнославянского языка в Русскую Правду проникают также термины «знамение», «разграбление» и др. [см.: 17]. Этого же относится и к термину «свѣдѣтель» – от греческого «μάρτυρος», который приходит на смену древнерусскому «видокъ», «послухъ». Термин «имѣние» заменяет традиционные древнерусские термины «домъ», «животь».

В целом следует констатировать, что соприкосновение древнего отечественного языческого уголовно-правового представления с развитым

византийским правом постепенно привело к эволюции как нормативного содержания, так и терминологии уголовного права Руси домонгольского периода. Влияние византийского права наблюдается в дальнейшем и в праве Великого княжества Литовского, особенно в Статуте 1529 г. [1, с. 429–438], в котором византийские нормы опосредовались общим древнерусским законодательством и местной юридической практикой.

Библиографические ссылки

1. Павлов, В. И. Антропология права в контексте юридической, философской и религиозной традиций: история формирования : монография / В. И. Павлов. – М. : Юрлитинформ, 2021. – 560 с.

2. Иванов, В. В. Древнее славянское право: архаические мифопоэтические основы и источники в свете языка / В. В. Иванов, В. Н. Топоров // Формирование раннефеодальных славянских народностей. М., 1981. – С. 12–15.

3. Максимейко, Н. А. Русская Правда и Литовско-Русское право. Киев : Тип. С. В. Кульженко, 1904. – 14 с.

4. Тихомиров, М. Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов / М. Н. Тихомиров ; Акад. наук СССР. – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1941. – 254 с.

5. Вершинин, К. В. Мерило Праведное и особенности рецепции византийского права на Руси // Исторический вестник. М., 2016. – № 17 (164). – С. 100–135.

6. Милов, Л. В. Византийская Эклога и Пространная Русская Правда (проблемы рецепции) // IVS ANTIQVVM. Древнее право. – №1 (3). – М., 1998. – С. 113–119.

7. Милов, Л. В. О древнерусском переводе византийского кодекса законов VIII в. (Эклоги) // История СССР. – 1976. – № 1. – С. 142–163.

8. Милов, Л. В. О древнейшей истории кормчих книг на Руси // История СССР. – 1980. – №5. – С. 105–123.

9. Закон Судный людем краткой редакции / Под ред. М. Н. Тихомирова. – М.: Академия наук СССР, 1961. – 179 с.

10. Белякова, Е. В. «Латгальские листы» – древнейший список Чудовской редакции Кормчей / Е. В. Белякова, Н. Морозова // Древняя Русь. – 2011. – №3. – С. 17–18.

11. Мерило праведное : По рукописи XIV века / Издано под наблюдением, со вступ. ст. М. Н. Тихомирова. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 698 с.

12. Белякова, Е. В. Издание печатной Кормчей (1653 г.) и «Византизм» в русской государственности / Е. В. Белякова // Вестник Московского университета. Серия 8. История. – 2012. – №5. – С. 34–50.

13. Щапов, Я. Н. Византийская «Эклога законов» в русской письменной традиции / Я. Н. Щапов. – СПб. : Изд-во Олега Абышко, 2011. – 240 с.
14. Чемеринская, В. В. Влияние византийского права на древнерусское и российское законодательство в X–XVII веках (опыт сравнительного анализа) : дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2003. – 186 л.
15. Византийский земельный закон / Текст, исследование, комментарий подг. Е. Э. Липшиц, И. П. Медведев, Е. К. Пиотровская ; под ред. И. П. Медведева. – Ленинград : Наука, 1984. – 280 с.
16. Бибииков, М. В. «Закон судный людем» и византийская Эклога в свете средневековых правовых традиций // Российская история. – 2019. – №4. – С. 82–91.
17. Живов, В. М. История русского права как лингвосемиотическая проблема // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1. Киевская и Московская Русь. / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры. 2002. – С. 652–738.
18. Unbegaun B. Russe et slavon dans la terminologie juridique // Revue des etudes slaves. – 1957. – №34. – P. 129–135;
19. Унбегаун, Б. О. Язык русского права // На темы русские и общие: Сборник статей и материалов в честь проф. Н. С. Тимашева. Нью-Йорк, 1965. – С. 178–184.
20. Unbegaun B. «Le crime» et le «criminal» dans la terminologie juridique russe // Revue des etudes slaves. – 1959. – №36. – P. 47–58.

Петрова Ольга Валентиновна

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ

Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, к.ю.н., доцент, machkova@bsu.by

Аннотация. В статье рассматриваются сущность уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних в контексте уголовной политики. В работе определяется ее содержание и принципы построения. Рассматриваются вопросы взаимодействия уголовно-процессуальной политики с иными элементами уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Ключевые слова: уголовная политика; уголовно-процессуальная политика; ювенальная политика; ювенальная юстиция, защита детей.

В современном обществе защита граждан от преступных посягательств является функцией государства и реализуется через уголовную политику, которая рассматривается в классическом определении Н.И. Загородникова в трех аспектах. Во-первых, как выработанная государством линия борьбы с преступностью. Во-вторых, как конкретная деятельность органов государства, состоящая в проведении в жизнь указанной линии, выражающаяся в издании уголовных и других законов в области борьбы с преступностью, применении этих законов к конкретным социальным конфликтам и разрешении на их основе действующего законодательства. В-третьих, как научное осмысление стратегии борьбы с преступностью и мер по ее реализации, выработке рекомендаций по улучшению деятельности в области борьбы с преступностью [2, с.19].

В юридической литературе признано понимание уголовно-процессуальной политики как компонента уголовной политики государства [1, с.14; 5, с.214] и как части государственной социальной политики [4, с.64]. В рамках указанной системы как самостоятельное направление может быть рассмотрена уголовная политика в отношении несовершеннолетних и ее составляющая – уголовно-процессуальная политика.

Особая уголовная политика в отношении несовершеннолетних начала формироваться в мире с конца XIX века и была направлена на решение проблемы преступности несовершеннолетних. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних привела к формированию обособленной системы ювенальной юстиции.

Постепенно, с развитием процессуальных гарантий и знаний в области психологии стало возможным говорить о расширении содержания такой политики и включении особых принципов работы с несовершеннолетними потерпевшими и свидетелями. Справедливо, что возникает задача не только определить, как противодействовать девиантному поведению подростков, но и каким образом бороться с угрозами самим несовершеннолетним. Это особенно важно ввиду несомненной связи виктимности и преступности несовершеннолетних.

На наш взгляд, отсутствие обособленной системы ювенальной юстиции в Республике Беларусь не исключает существование самостоятельной уголовной политики в отношении несовершеннолетних. Закон рассматривает несовершеннолетнего как особого субъекта правоотношений.

Так, уголовный закон Республики Беларусь содержит раздел V, который определяет особенности уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет, а Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь – самостоятельную главу 45, закрепляющую особенности производства по уголовным делам о преступлениях,

совершенных лицами в возрасте до 18 лет, как и определяет особенности участия несовершеннолетнего потерпевшего и свидетеля. Отдельным законом закреплены принципы профилактики преступности несовершеннолетних.

Следует отметить, что все компоненты уголовной и социальной политики представляют единое целое и должны быть согласованы. Так, подходы к применению заключения под стражу как меры уголовно-процессуального принуждения и к лишению свободы как меры уголовного наказания, как правило, схожи.

Формирование уголовно-процессуальной политики требует определения ее принципов. Представляется, что основные начала уголовно-процессуальной политики в отношении несовершеннолетних, безусловно, должны составлять международные требования, сформированные опытом многих стран. Вместе с тем они не могут являться единственной детерминантой ее содержания. На ее формирование влияет правовая культура и традиции.

Нельзя рассматривать уголовно-процессуальные требования лишь как правила, что ограничивают работу по противодействию преступности. Представляется, можно говорить о самостоятельном характере уголовно-процессуальной политики. Эффективная уголовно-процессуальная политика позволяет воздействовать и на преступность как таковую. Как правильно отмечает А.И. Александров, уголовно-процессуальная политика позволяет определить принципы и методы воздействия на преступность через процедуры производства по материалам и уголовному делу. Меняя уголовно-процессуальные нормы, добиваясь построения более эффективного уголовного процесса, власть тем самым может влиять на показатели раскрываемости преступлений, т.е. на реализацию уголовно-правовых норм [1, с.15].

Для любого несовершеннолетнего, независимо от его процессуального статуса, опыт взаимодействия с системой уголовной юстиции особенно значим ввиду особенностей психологии развития, и влияет в большей или меньшей степени на его последующую социализацию. Именно через уголовно-процессуальные процедуры несовершеннолетний правонарушитель оценивает реакцию общества на совершенное им деяние.

Вместе с тем компоненты уголовной политики могут быть представлены не в равной мере. Например, П.В. Мытник подчеркивает важность того, что государственные средства целесообразнее направлять на нужды профилактики, а не на создание специализированных судов [3, с. 67]. Соглашаясь в принципе на важность превентивных действий, представляется, что для достижения позитивного результата все компоненты уголовной

политики должны быть согласованы, отражать единую цель и выполнять увязанные задачи.

Так, в настоящее время весьма перспективным направлением развития по разрешению уголовных дел несовершеннолетних рассматриваются программы восстановительного правосудия в форме медиации. Представляется, что успех их внедрения зависит не только от формального закрепления процедур и их согласованности с уголовно-процессуальной формой, что является общепризнанным, но и от гармоничного включения их в уголовную политику государства.

Таким образом, можно определить уголовно-процессуальную политику в отношении несовершеннолетних как часть уголовной политики, что затрагивает не только несовершеннолетних, в отношении которых ведется уголовное преследование, но и иных несовершеннолетних участников. Такая политика также непосредственно решает задачи противодействия преступности. Ее основой должны быть международные нормы и принципы. При совершенствовании процедур следует исходить из необходимости согласованности различных направлений противодействия преступности – компонентов уголовной политики в отношении несовершеннолетних.

Библиографические ссылки

1. Александров, А.И. Уголовно-правовая политика и уголовно-процессуальная политика современной России: понятие и актуальные проблемы/ А.И. Александров // Научная школа уголовного процесса и криминалистики Санкт-Петербургского государственного университета и современная юридическая наука: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (Санкт-Петербург, 10–11 июня 2015 г.). – Красноярск, 2016. – С. 12-19.

2. Загородников, Н. И. Советская уголовная политика и деятельность органов внутренних дел/ Н.И. Загородников. – М.: Изд-во МВШМ МВД СССР, 1979. – 100 с.

3. Мытник, П.В. Уголовная политика в отношении несовершеннолетних в республике Беларусь / П.В. Мытник // Пенитенциарная наука. – 2009. – №8. – С.63-69.

4. Смирнова, И.Г. Уголовно-процессуальная политика: некоторые рассуждения о ее сущности, социальной обусловленности и месте в уголовной политике/ И.Г.Смирнова // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. – 2010. – №3. – С.61-67.

5. Шминке, А.Д. Уголовно-процессуальная политика как системное образование / А.Д. Шминке// Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2017. – №5(118). – С.210-216.

Плетенёва Дарья Александровна
**О ПРОБЛЕМЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ
ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ**

Старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета
БГУ, dapleteneva@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы обоснованности дифференциации уголовной ответственности посредством конструирования квалифицирующих признаков преступления в Уголовном кодексе Республики Беларусь.

Ключевые слова: преступление, состав преступления, квалифицированный состав преступления, дифференциация уголовной ответственности, квалифицирующие признаки, особо квалифицирующие признаки.

В действующей на данный момент редакции Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) объективные и субъективные признаки конкретных видов преступлений раскрывает 401 статья Особенной части. В 228 статьях упоминаются квалифицирующие и особо квалифицирующие обстоятельства. Таким образом, в отношении 57% видов преступлений применен такой законодательный прием дифференциации уголовной ответственности как выделение квалифицированных и особо квалифицированных составов преступления.

В научной литературе неоднократно обращалось внимание на избыточность использования квалифицирующих признаков преступления в процессе криминализации или пенализации общественно опасных деяний [1, с. 56–60].

Анализ содержания квалифицирующих признаков позволяет условно выделить две группы этих обстоятельств. Во-первых, группу объективных и субъективных признаков, которые традиционно признаются законодателем достаточными для изменения правовой оценки деяния в сторону усиления уголовной ответственности. Такие признаки можно назвать типичными, их обоснованность в качестве квалифицирующих, как правило, убедительна.

Это, в частности, групповое совершение преступления (123 квалифицированных состава преступления). Совершение преступления «группой без предварительного сговора» упоминается в 29 нормах, «группой лиц по предварительному сговору» в 46 и «организованной группой» в 48 нормах.

Значительную часть типичных квалифицирующих обстоятельств образуют признаки, относящиеся к тяжести общественно опасных последствий. Это, в частности, размер причиненного имущественного вреда:

ущерб «в крупном размере» в 16 нормах, ущерб в «особо крупном размере» в 35 квалифицированных составах. Масштаб физического вреда отражают признаки причинения по неосторожности смерти (63 квалифицированных состава) или тяжкого телесного повреждения (26 норм). Причинение физического вреда двум и более лицам предусмотрено в 30 случаях. Из них в 10 нормах повышенную ответственность влекут деяния, повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц.

С высокой частотой в составах преступлений упоминаются и другие квалифицирующие обстоятельства, в частности, совершение преступления: «с применением насилия» или «соединенное с насилием» (27 норм). Признак «с угрозой применения насилия» (разного характера) упоминается в качестве квалифицирующего обстоятельства в 26 нормах.

К типичным относятся и признаки, характеризующие повышенную опасность личности виновного, выразившуюся в неоднократности совершения преступления. Совершение преступления «повторно» является квалифицирующим обстоятельством в 70 случаях, совершение преступления «лицом, ранее совершившим преступление», предусмотрено в 28 нормах и «ранее судимым» в 15 квалифицированных составах преступления. Представляется целесообразным в качестве квалифицирующего обстоятельства сохранить специальный рецидив, а иные случаи повторности (с учетом законотворческого опыта Российской Федерации), за некоторым исключением, учитывать лишь в качестве отягчающего ответственность обстоятельства [2, с.317].

Особого внимания при оценке обоснованности ужесточения уголовной ответственности требуют признаки второй группы. Это признаки, которые законодатель относит к квалифицирующим обстоятельствам в редких, иногда в единичных случаях. Так 73 обстоятельства, отнесенных к квалифицирующим и особо квалифицирующим, упоминаются в УК по одному разу. Правда, некоторые из них дублируют типичные квалифицирующие признаки, отличаясь лишь терминологически. Так, применение насилия подразумевается при совершении преступления «с применением пытки», использование служебных полномочий имеет место при совершении преступления «лицами, занимающими высшие государственные должности».

В некоторых случаях обнаруживается неоправданное расхождение в терминах. Например, признак «действия, повлекшие гибель людей» (ч. 3 ст. 357, ч. 2 ст. 360 УК), является менее определенным, чем квалифицирующие признаки «деяния сопряженные с убийством» или «деяния повлекшие по неосторожности смерть человека» либо «повлекшие по неосторожности смерть двух или более лиц».

При конструировании квалифицирующих признаков важно избегать риска нарушения принципа уголовной ответственности – *non bis in idem* (никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление). Так, повышенную ответственность влечет совершение преступления «должностным лицом с использованием служебных полномочий» (37 норм). Предупреждая нарушение названного принципа, законодатель в ч. 1 примечаний к главе 35 УК указал: «Правило о совокупности преступлений не применяется, если совершение должностным лицом преступления предусмотрено в качестве признака иного преступления». Однако это удачное частное правило не решает общую проблему.

Так, в УК в качестве квалифицирующего обстоятельства нередко указывается на сопряженность деяния с другими преступлениями. Сравним два варианта трактовки закона. Деяния, «сопряженные с убийством» (ч. 3 ст. 126; ч. 3 ст. 289; ч. 3 ст. 357 УК) в соответствии с доктринальным толкованием не требуют квалификации по совокупности со ст. 139 УК [3, с. 274, 650, 791]. По официальному толкованию Пленума Верховного Суда убийство, «сопряженное с похищением человека либо захватом заложника»; убийство, «сопряженное с изнасилованием или насильственными действиями сексуального характера»; убийство, «сопряженное с разбоем, вымогательством или бандитизмом» (п. 4, 7, 12 ч. 2 ст. 139 УК) должно квалифицироваться по совокупности с соответствующими преступлениями [4, п. 22].

Неопределенность возникает и в случаях, когда в качестве квалифицирующего признака указывается цель совершения другого преступления. Например, хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ «в целях совершения преступлений, предусмотренных статьями 124–127, 131, 287, 289–292, 359 и 360» (ч. 4 ст. 294 УК). Похожую конструкцию имеют ч. 4 ст. 295; ч. 4 ст. 309; ч. 3 ст. 311; ч. 3 ст. 322; ч. 2 ст. 333 УК. Нам подобные квалифицирующие обстоятельства представляются излишними, так как повышенная уголовная ответственность в названных случаях в достаточной мере реализуется через механизм наказания по совокупности преступлений. При этом виновному не будет дважды вменяться факт приготовления к преступлению.

Представляется оптимальным при криминализации впервые какого-либо общественно опасного деяния (при отсутствии опыта правоприменения) избегать включения в норму квалифицирующих признаков. По мере применения закона станет очевидной целесообразность или нецелесообразность дальнейшей дифференциации ответственности

Библиографические ссылки

1. Кругликов, Л. Л. Квалифицирующие признаки как средство дифференциации уголовной ответственности: современное состояние / Л. Л. Кругликов // Вестник Ярославского государственного университета. – 2007. – № 4. – С. 56–60.

2. Плетенёва Д. А. Квалифицирующие признаки преступления, относящиеся к личности виновного, и проблема индивидуализации наказания // Д. А. Плетенёва // Проблемы правоприменительной деятельности в Республике Беларусь : Материалы респ. науч. конф., 28-29 марта 2003г., Гродно. В 2 ч. Ч. 1. / отв. ред. Р. Н. Ключко. – Гродно : ГрГУ, 2003. – С.314-317.

3. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : НЦПИ, 2019 – 1000 с.

4. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 139 Уголовного кодекса Республики Беларусь УК) [Электронный ресурс] : постановление Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь, 17 дек. 2002 г., № 9 : в ред. постановления Пленума Верхов. Суда Респ. Беларусь от 31.03.2022 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

Примкулова Алмагуль Алматовна

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ЗАПРЕТОВ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Докторант Костанайской академии МВД Республики Казахстан им. Шпракбека Кабылбаева (г. Костанай), подполковник полиции, almusha_karenova@mail.ru

Аннотация. В настоящей статье анализируется одна из обязанностей и запретов, устанавливаемая по приговору суда в отношении лица, осужденного к ограничению свободы, выражающаяся в виде запрета покидать постоянное место жительства в свободное от работы или учебы время. Автор указывает на имеющиеся в казахстанской судебной практике обстоятельства, когда данный вид ограничения права свободного передвижения имеет спорную формулировку, которая вызывает определенные сложности в правоприменительной деятельности. Исходя из этого, предлагается собственное видение решения данного проблемного аспекта.

Ключевые слова: ограничение свободы; служба probation; приговор суда; запрет покидать постоянное место жительства; судебная практика; свобода передвижения.

Анализируя, современное состояние судебной практики по применению наказаний без изоляции от общества следует отметить, что ведущую позицию в системе мер уголовно-правовых институтов занимает ограничение свободы, которое назначается в качестве основного вида наказания в отношении виновных лиц, совершивших преступление. За период с 2015 по 2020 годы количество судебных приговоров первой инстанции, по которым был назначен институт ограничения свободы в Казахстане, показывает стабильную динамику роста: в 2015 году – 8307, в 2016 году – 9070, в 2017 году – 9433, в 2018 году – 10023, в 2019 году – 12358, в 2020 году – 14147 осужденных лиц [1].

Правовое значение данного вида наказания не связано с лишением свободы осужденного, однако конституционное право человека, выражающееся в свободном передвижении по территории государства, а также свободном выезде за пределы установленных границ, ограничиваются.

В соответствии со ст. 44 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года № 226-V ЗРК при назначении ограничения свободы в отношении подсудимого по решению суда устанавливается пробационный контроль, который заключается в возложении на него следующих обязанностей: «не менять постоянного места жительства, работы, учебы без уведомления уполномоченного государственного органа, осуществляющего контроль за поведением осужденного; не посещать определенные места; пройти курс лечения от психических, поведенческих расстройств (заболеваний), связанных с употреблением психоактивных веществ, заболеваний, передающихся половым путем; осуществлять материальную поддержку семьи; другие обязанности, которые способствуют исправлению осужденного и предупреждению совершения им новых уголовных правонарушений».

Кроме того, согласно ст. 66 Уголовно-исполнительного кодекса Республики Казахстан от 5 июля 2014 года № 234-V ЗРК в процессе отбывания ограничения свободы осужденный обязан: «исполнять возложенные судом обязанности; выполнять требования службы пробации; не посещать места, определенные судом по представлению службы пробации; не менять без уведомления службы пробации места жительства, работы, учебы; не выезжать за пределы административно-территориальной единицы без уведомления службы пробации; являться в службу пробации в установленные дни для регистрации и проведения с ним воспитательной работы. Уважительные случаи неявки указаны в ч. 2 ст. 53 УИК РК; иметь при себе документ, удостоверяющий личность».

Несмотря на то, что законодатель прямо не установил запрет на покидание постоянного места жительства в свободное от учебы или работы

время, необходимо отметить, что суды в своих решениях закрепляют указанное ограничение в отношении субъекта преступления. Именно эта мера вызывает определенные сложности в рамках исполнения рассматриваемого наказания.

Вышеуказанный проблемный аспект заключается в установлении судами конкретного времени в период, которого осужденный должен находиться по месту проживания, так, например, некоторые приговоры суда содержат следующую формулировку одной из обязанностей в виде «не покидать постоянное место жительства в период с 22.00 часов до 06.00 часов». Указанное время может варьироваться с 23.00 часов до 07.00 часов. Таким образом, исходя из этого, следует, что осужденный к ограничению свободы имеет право находиться вне дома в определенное решением суда время, что на наш взгляд, противоречит сущности наказания в виде ограничения свободы.

В соответствии с Приказом Министра внутренних дел Республики Казахстан от 15 августа 2014 года № 511 «Об утверждении Правил организации деятельности службы пробации» для контроля по выполнению осужденным возложенных судом требований в свободное от учебы и работы время не покидать место жительства, служба пробации совместно с осужденным составляет график пребывания его по месту жительства. Следовательно, при постановке на учет лица, осужденного к ограничению свободы, сотрудник, контролирующий его дальнейшее поведение, определяет его социальное положение, в том числе распорядок дня осужденного (включая время нахождения на работе или учебе с учетом затрачиваемого времени на дорогу). При этом, необходимо отметить, что в ходе проведения ознакомительной беседы, сотрудник службы пробации разъясняет осужденному его права и обязанности, о чем отбирается соответствующая подписка.

В случае, когда суды официально устанавливают время пребывания осужденного по месту жительства, служба пробации как орган, исполняющий наказание, сдерживается в реализации своих полномочий. Указанное объясняется тем, что сотрудник обязан проверять по месту жительства осужденного после того времени, что указано в приговоре суда для установления степени его соблюдения возложенных на него обязанностей. Таким образом, осуществляемая проверка реализовывается поздно вечером, в зависимости от утвержденного судом времени. Однако, существует распространенная практика, когда подучетное лицо не открывает дверь сотруднику службы пробации или вызывает возмущение и недовольство как со стороны осужденного, так и его семьи, что может вызвать конфликтную

ситуацию. Безусловно, такое положение дел усложняет выполнение контрольных мер правоприменительных органов.

Необходимо понять, что целью сотрудника службы пробации является не уличение в совершение нарушения или привлечение осужденного к дисциплинарной ответственности, а должное исполнение наказания в виде ограничения свободы.

На основании вышеизложенного, на наш взгляд, целесообразно отказаться от имеющейся в судебной практике формулировки обязанности, которая предусматривала бы конкретное время пребывания осужденного к ограничению свободы по месту жительства. В свою очередь, рациональным видится изложение указанного запрета в виде «не покидать постоянное место жительства в свободное от учебы или работы время».

Библиографические ссылки

1. Официальный сайт Верховного суда Республики Казахстан // <https://sud.gov.kz/rus> (дата обращения: 29.08.2022).

Пухов Артем Александрович

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ (СТ. 281 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, к.ю.н.,
доцент, puchov@bsu.by

Аннотация. В статье проведен уголовно-правовой анализ нормы, устанавливающей ответственность за незаконную добычу рыбы или других водных животных (ст. 281 Уголовного кодекса Республики Беларусь) в свете принятия Закона Республики Беларусь от 26 мая 2021 № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» и Указа Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 № 284 «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве».

Ключевые слова: уголовный кодекс; преступления против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования; браконьерство; рыба; другие водные животные.

В ст. 55 Конституции Республики Беларусь закреплено, что охрана природной среды и бережное отношение к природным ресурсам – долг каждого. Забота о природе – это требование, обращенное ко всем без исключения субъектам: физическим и юридическим лицам. Все они при осуществлении какой-либо экологически-значимой деятельности, должны учитывать положения данной статьи Конституции. Нарушение этой

обязанности может повлечь наступление мер не только эколого-правовой, но и уголовной ответственности.

Оптимальная регламентация уголовной ответственности за совершение преступлений против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования (экологические преступления) – это не только дань времени, но и один из факторов обеспечения национальной безопасности. Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко абсолютно справедливо отметил, что «мир сошел с ума и варварски эксплуатирует природу, уничтожая природу, это факт. Для меня природа – это абсолютный приоритет. Есть природа – есть жизнь, нет природы – нет жизни. Чем грубее мы относимся, по-хамски, к природе, тем хуже живем – прямая зависимость»[1].

26 мая 2021 года был принят Закон Республики Беларусь № 112-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности», которым существенным коррективом подверглась глава 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), в которой сконцентрированы нормы, направленные на охрану экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования.

Констатируя в целом противоречивый характер данных изменений и дополнений (отказ от административной преюдиции, создание материально-формальных составов преступлений, сохранение двух форм вины в рамках одного состава преступления и др.) нельзя не отметить тенденцию к смягчению ответственности за совершение экологических преступлений. Вместе с тем, подходы, примененные законодателем при конструировании уголовно-правовых норм, а также обновление отраслевого законодательства, повлекли определенные трудности при правоприменении и не разрешили застарелые проблемы УК. Наиболее ярко это проявилось на примере нормы об ответственности за незаконную добычу рыбы или других водных животных (ст. 281 УК).

Объектом рассматриваемого состава преступления выступают общественные отношения в сфере охраны и рационального использования рыбы и других водных животных. Предмет преступления – рыба или другие водные животные, находящиеся в состоянии естественной свободы. Рыба – это живущее в воде и дышащее жабрами позвоночное животное с конечностями в виде плавников, с холодной кровью и с кожей, как правило, покрытой чешуёй. Другие водные животные – это водные беспозвоночные: раки, креветки, миноги и т.п.

Норма ст. 281 УК имеет бланкетную диспозицию. До 2022 года основным актом в рассматриваемой сфере был Указ Президента Республики Беларусь от 8 декабря 2005 г. № 580 «О некоторых мерах по повышению эффективности

рыбохозяйственной деятельности, совершенствованию государственного управления ею». 21 июля 2021 года был подписан Указ Президента Республики Беларусь № 284 «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве», который вступил в силу с 29 июля 2022 года.

Объективная сторона состава преступления, ответственность за совершение которого предусмотрена ч. 2 ст. 281 УК, во-первых, выражается в деянии – незаконной добыче рыбы или других водных животных. До 2018 года термин «незаконная добыча рыбы или других водных животных» был разъяснен в п. 10 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды». В настоящее время для толкования данного термина необходимо ориентироваться на положения ч. 2 ст. 281 УК.

Согласно данной норме, незаконная добыча рыбы или других водных животных может выражаться в следующих альтернативных формах:

1) добыча рыбы или других водных животных без надлежащего разрешения – изъятие (вылов) рыбы или другого водного животного из среды его обитания без наличия разрешения, если оно требуется.

2) добыча рыбы или других водных животных в запретные время или сроки – изъятие (вылов) рыбы или другого водного животного из среды его обитания в период, когда это вообще запрещено или существует запрет в отношении добычи определенных видов рыбы или других водных животных.

3) добыча рыбы или других водных животных в запрещенных местах – изъятия (вылова) рыбы или другого водного животного из среды его обитания в пределах территории, в отношении которой установлен постоянный или временный запрет для добычи рыбы или другого водного животного.

4) добыча рыбы или других водных животных запрещенными орудиями – изъятие (вылов) рыбы или другого водного животного из среды его обитания с использованием недозволенных действующим законодательством приспособлений и средств.

5) добыча рыбы или других водных животных запрещенными способами – изъятие (вылов) рыбы или другого водного животного из среды его обитания приемами и действиями, которые могут привести к их массовой гибели, вылову или уничтожению, другому существенному ущербу и т.п.

Во-вторых, для констатации в действиях лица состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 281 УК, необходимо наличие следующих альтернативных признаков, т.е. состав преступления в равной мере будет иметь место в случае наличия одного или нескольких признаков одновременно:

а) общественно опасного последствия в виде причинение ущерба в крупном размере;

Определения размера ущерба осуществляется на основе такс возмещения вреда, причиненного окружающей среде. До 2022 года порядок исчисления таких такс был установлен Указом Президента Республики Беларусь от 24 июня 2008 г. № 348 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде». В порядке перераспределения властных полномочий от Главы государства в пользу других государственных органов такой порядок урегулирован постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11 апреля 2022 г. № 219 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления», которое вступило в силу – 12 апреля 2022 года. Ущербом в крупном размере признается причинение ущерба на сумму в 100 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления. Если причинен ущерб в особо крупном размере, т.е. на сумму в 250 и более раз превышающую размер базовой величины, установленный на день совершения преступления, то ответственность наступает по ч. 4 ст. 281 УК.

б) способа совершения преступления: использование орудий лова, принципы работы которых основаны на использовании электромагнитного поля, ультразвука или путем взрыва);

Незаконная добыча рыбы или других водных животных, с использованием орудий лова, принципы работы которых основаны на использовании электромагнитного поля, ультразвука, – изъятие (вылов) рыбы или другого водного животного из среды его обитания путем применения приборов или устройств, генерирующих электрический заряд или звуковые колебания высокой частоты.

Незаконная добыча рыбы или других водных животных путем взрыва – изъятие (вылов) рыбы или другого водного животного из среды его обитания путем применения взрывчатых веществ, способных к быстрому самораспространяющемуся превращению с образованием газов, имеющих высокую температуру и давление.

в) особого предмета преступления: в отношении видов рыб и других водных животных заведомо для виновного, включенных в Красную книгу Республики Беларусь.

Незаконная добыча рыбы или других водных животных, виды которых заведомо для виновного включены в Красную книгу Республики Беларусь будет иметь место лишь в том случае, когда виновный, завладевая ими, осознает, что эта рыба или другие водные животные находятся под особой охраной. Красная книга Республики Беларусь – список редких и находящихся

под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов, в том числе подвидов, разновидностей диких животных и дикорастущих растений. Эти списки установлены постановлением Министерства природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь от 9 июня 2014 г. № 26 «Об установлении списков редких и находящихся под угрозой исчезновения на территории Республики Беларусь видов диких животных и дикорастущих растений, включаемых в Красную книгу Республики Беларусь».

Рассматриваемый состав преступления в соответствии с последними изменениями по конструкции объективной стороны является материально-формальным. Так, незаконная добыча рыбы или других водных животных, повлекшая причинение ущерба в крупном размере, это преступление с материальным составом, в остальной части состав формальный. Момент юридического окончания – совершение действий, направленных на непосредственное завладение рыбой или другими водными животными, независимо от того, были ли фактически добыты рыба или другие водные животные. Это может выражаться в установке сетей, приспособлении иных средств и орудий незаконной добычи рыбы или других водных животных (п. 13 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности и природной среды»).

Вместе с тем, в Правилах любительского рыболовства, утв. Указом Президента Республики Беларусь от 21 июля 2021 г. № 284 «О рыболовстве и рыболовном хозяйстве», рыболовство понимается как поиск, преследование, попытка добычи (вылова) и (или) добыча (вылов) рыбы, обитающей в условиях естественной свободы (лов рыбы). К поиску рыбы относятся действия, направленные на обнаружение рыбы, в том числе нахождение рыболова в рыболовных угодьях или на их берегу с орудиями рыболовства, а к добыче (вылову) – изъятие рыбы из среды ее обитания. Анализ указанных терминов позволяет сделать вывод, что юридически окончанным данный состав должен признаваться при фактическом завладении рыбой или водными животными либо же с момента причинения ущерба в соответствующем размере, в иных случаях – покушение на преступление.

Субъект – вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. В ч. 3 ст. 281 УК субъект преступления специальный: должностное лицо или лицо, ранее судимое за незаконную добычу рыбы или других водных животных. Незаконная добыча рыбы или других водных животных, совершенная лицом, ранее судимым за преступление, предусмотренное ст. 281 УК, – изъятие (вылов) рыбы или другого водного животного из среды его

обитания лицом, имеющим судимость, которая не была погашена или снята в установленном порядке.

Незаконная добыча рыбы или других водных животных, совершенная должностным лицом – использование вопреки интересам службы предоставленных служебных полномочий для изъятия (вылова) рыбы или другого водного животного из среды его обитания.

Субъективная сторона характеризуется умышленной виной.

Таким образом, несмотря на проведенную ревизию положений данного уголовно-правового запрета, решение законодателя об отказе от конструкции состава преступления с административной преюдицией и ее замена на материально-формальный не поспособствовало разрешению части существовавших и ранее проблем, связанных с определением момента юридического окончания данного преступления.

Библиографические ссылки

1. А.Г. Лукашенко: охране окружающей среды в Беларуси будет уделяться серьезнейшее внимание // Министерство природных ресурсов и охраны окружающей среды Республики Беларусь: офиц. сайт [Электронный ресурс]. – 2021. – Режим доступа: <https://minpriroda.gov.by/ru/news-ru/view/lukashenko-oxrane-okruzhajuschej-sredy-v-belarusi-budet-udeljatsja-serjeznejsee-vnimanie-3566/>. – Дата доступа: 01.09.2022.

Савенок Анатолий Леонидович

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Заведующий кафедрой уголовного права юридического факультета БГУ,
д.ю.н., профессор, Заслуженный работник образования Республики Беларусь,
a.savenok@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются социальные и правовые проблемы применения современных технологий. Отдельное внимание уделяется применению технологий искусственного интеллекта. Отмечается необходимость проведения комплексных межотраслевых исследований по вопросам применения современных технологий.

Ключевые слова: современные технологии; искусственный интеллект; цифровизация; ответственность за вред.

Развитие современных технологий открывает новые возможности для человечества. С помощью различных технологий и технических устройств люди изучают свое прошлое и заглядывают в будущее. Сегодня трудно представить жизнь современного общества без автоматизации производства,

применения новых конструкционных материалов, использования ракетно-космической техники, широкого применения компьютерной техники и информационных технологий. Невероятные возможности открывают также технологии искусственного интеллекта. Медицина, образование, транспорт, логистика, банковская и многие другие сферы человеческой деятельности немислимы без их использования. По своим возможностям технологии искусственного интеллекта способны сравниться с человеком и заменить его на самых сложных и опасных участках работы. Решение экономических, социальных, политических, межчеловеческих проблем, связанный с этим процесс глобальной цифровизации создают совершенно необычную среду человеческой жизнедеятельности и порождают необходимость нового понимания человека, его возможностей и его будущего. По своим масштабам, как верно отмечается в научной литературе, это можно считать настоящей антропологической революцией [1, с.11]

Однако, как показывает опыт, происходящие преобразования связаны не только с новыми возможностями, но и новыми угрозами. Ведь по целому ряду показателей искусственный интеллект превосходит возможности человека. Наглядно это хорошо видно на примере функционирования программ, разработанным для игры в шахматы или Го. Не мало проблем таит в себе постоянно расширяющаяся цифровизация многих сфер человеческой деятельности. Так, например, использование технологий искусственного интеллекта в процессе сбора и обработки персональных данных разрушает границу между личным и публичным пространством, позволяет с помощью «умных» программ прогнозировать поведение людей и управлять ими. Такое положение дел закономерно вызывает беспокойство у определенной части общества за свою безопасность.

Осуществляя применение современных технологий, человечество, к сожалению, не видит в полной мере той опасности, которую они в себе несут. Воздействие «умной» техники на человека возникает гораздо раньше, чем он начинает познавать это воздействие. Эти опасения усиливаются распространяющейся информацией о возможности превращения искусственного интеллекта из объекта в субъект, появлении нового субъекта права и необходимости определения его правового статуса. Также очевидно, что массовое использование компьютеров и различных мобильных устройств разрушает привычную среду человека, заменяя реальное общение людей виртуальным, занимая все более значимое место в их жизни, чем сами люди. Человек, становясь все более «техническим», теряет веками формировавшиеся свойства и вопреки своему желанию сближается с искусственным интеллектом. Однако такое сближение не всегда способствует развитию человека, поскольку техника лишена нравственности. Поэтому, отчетливо

наблюдая быстрое развитие современных технологий, мы, тем не менее, не видим стремительного развития лучших качеств человека. Отсюда очевидно, что применение самых передовых технологий не влечет за собой развитие нравственности и как следствие, нравственно человек все больше и больше отстает от себя технического. В связи с этим возникает целый ряд задач, от решения которых зависит благополучие людей и даже их самосохранение. Именно поэтому на ведущие позиции выходит необходимость осознания философских проблем развития техники [2] и четкого правового регулирования применения современных технологий на основе устоявшихся моральных норм.

В тоже время следует отметить, что во многих странах проблемы использования технологий искусственного интеллекта уже активно обсуждаются не только среди ученых, но и на уровне представителей законодательной и исполнительной властей, что находит свое отражение в принятии различного рода документов. Однако принимаемые документы, как правило, носят общий характер и чаще всего направлены на регулирование правоотношений в отдельных сферах деятельности. Так, активно идут исследования в области правового регулирования использования различного беспилотного транспорта. Сегодня это одно из самых перспективных и динамично развивающихся направлений, отставание во внедрении которого грозит серьёзными экономическими издержками. Это особенно очевидно, когда речь идет об автомобильном транспорте, возможности использования которого сулят огромные экономические дивиденды.

Вместе с тем отметим, что, несмотря на явные экономические выгоды, спешка с внедрением технологий искусственного интеллекта в отдельные сферы жизнедеятельности человека недопустима. Поскольку нет ясности в вопросе контроля и предсказуемости функционирования тех устройств, на которые он устанавливается, это может повлечь негативные последствия в вопросах ответственности за причиненный вред. В юридической литературе уже отмечены попытки переложить ответственность за причиненный вред на искусственный интеллект. Однако, как представляется, это не приведет к позитивным результатам. Очевидно, что новая социальная реальность требует по-иному посмотреть на правовое регулирование современной человеческой деятельности. Особенно, когда речь идет о долгосрочной перспективе. Стимулируя и развивая современные технологии, необходимо попытаться решить проблему правового регулирования в этой сфере комплексно, путем разработки единых правил, способных стать теоретической основой для дальнейшего совершенствования всех отраслей права, в том числе и международного. При этом важно изначально определить, какие функции

(полномочия) должны оставаться за человеком и не должны передаваться искусственному интеллекту.

Библиографические ссылки

1. Человек и системы искусственного интеллекта / Под ред. акад. РАН В.А. Лекторского. – СПб.: Юридический центр, 2022. – 328 с.

2. Хайдеггер, М. Время и бытие: Статьи и выступления: Пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 477 с.

Самарин Вадим Игоревич

О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ ТЕРМИНОЛОГИИ СТ. 7 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

Доцент кафедры уголовного процесса и прокурорского надзора юридического факультета БГУ, к.ю.н., доцент, samarynv@bsu.by

Аннотация. В докладе соотносится норма о выдаче лица иностранному государству, закрепленная в ст. 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь, с представлениями теории уголовного процесса и нормами уголовно-процессуального закона о презумпции невиновности, а также об основаниях такой выдачи. Установлено неполное соответствие термина «выдача лица, совершившего преступление» конституционной норме о презумпции невиновности. Предложено заменить применяемый термин «выдача для привлечения к уголовной ответственности» на «выдача для осуществления уголовного преследования».

Ключевые слова: международно-правовая парадигма; международная правовая помощь по уголовным делам; выдача лица; экстрадиция; презумпция невиновности; уголовный процесс.

Из-за необходимости возвращения в свою территориальную юрисдикцию скрывшихся обвиняемых и осужденных возник такой вид международной правовой помощи по уголовным делам, как выдача обвиняемых и осужденных. Исходя из многогранности возникающих при осуществлении выдачи общественных отношений, правовое регулирование данного инструмента носит комплексный характер (международное публичное, конституционное, уголовно-процессуальное и уголовное право). Исследователи зачастую не обращаются к работам, выработанным представителями школ других отраслей права. В то же время известно, что уголовно-процессуальное право неразрывно связано с уголовным правом. Уголовный процесс представляет собой систему правовых средств, обеспечивающих применение норм уголовного права. Для взаимосвязи

уголовного и уголовно-процессуального права важно, чтобы эти обе отрасли права строились на демократических принципах. Анализ ст. 7 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) показывает, что ее составители не учли все аспекты проявления принципа презумпции невиновности.

Нельзя сказать, что рассматриваемая норма УК не адаптировалась под новации Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), не учла появление в национальном уголовно-процессуальном законодательстве в 2008 г. нового института – международной правовой помощи по уголовным делам. Нет, формулировка изначально не была соотнесена с основополагающим принципом современного уголовного процесса – презумпцией невиновности.

Использование термина «выдача лица, совершившего преступление» является, скорее всего, наследием законодательства и теории времен Российской империи и Советского союза, в которых также можно было найти термин «выдача преступников» [1, с. 36], ошибочно используемый и современными теоретиками уголовного права [2, с. 18]. В советский период высказывалась позиция, что выдача лица иностранному государству в целом не относится к области уголовного права [1, с. 37], соответствующие вопросы не регулировались в основах уголовного законодательства Союза ССР и республик. В ст. 16 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1924 г. использовалась удачная формулировка «выдача лиц, привлеченных к следствию или суду, а также осужденных судебными учреждениями, по требованию правительств иностранных государств», но никак не «лиц, совершивших преступление». Такое положение можно связать с тем, что отечественные авторы, анализируя нормы о выдаче в уголовном праве, в целом не обращаются не только к теории уголовного процесса, но и к уголовно-процессуальному закону [2, с. 18–20; 3, с. 288–290].

Исходя из субъекта выдачи, можно выделить две ее разновидности: выдача для целей осуществления уголовного преследования и выдача для целей исполнения приговора (отбывания наказания). Согласно ст. 26 Конституции Республики Беларусь «никто не может быть признан виновным в преступлении, если его вина не будет в предусмотренном законом порядке доказана и установлена вступившим в законную силу приговором суда». Соответственно ни одно лицо не может считаться совершившим преступление до вступления в законную силу приговора суда. Подход законодателя, примененный в ст. 7 УК, позволял бы выдавать только лиц, в отношении которых в иностранном государстве постановлен приговор, который вступил в законную силу, т.е. осужденных.

Можно попытаться подойти к реализации анализируемой нормы и по-другому. При формальном подходе норма ст. 7 УК требует, чтобы

правоприменительный орган, отвечающий за разрешение вопроса о выдаче лица иностранному государству, устанавливал, что лицо совершило преступление, иными словами, вторгался в разрешение дела по существу. Однако такое положение дел не свойственно установившейся в Республике Беларусь процедуре решения вопроса о выдаче лица иностранному государству, так как решение о выдаче лица принимается не судебной властью, а Генеральным прокурором Республики Беларусь или его заместителем. Доказательства совершения преступления запрошенным для выдачи лицом требуют, как правило, суды государств англо-саксонской системы права.

Не вполне корректно и использование в ч. 2 ст. 7 УК в качестве цели выдачи «привлечения к уголовной ответственности». Данный термин не определен ни в УК, ни в УПК. Анализируя отдельные нормы УПК (например, ч. 4 ст. 257), можно предположить, что привлечение к уголовной ответственности тождественно привлечению в качестве обвиняемого по уголовному делу. Но в таком случае ч. 2 ст. 7 УК предполагает выдачу лица, который еще не наделен статусом обвиняемого, что недопустимо большинством международных договоров. Если же «привлечение к уголовной ответственности» подразумевает постановление в отношении лица обвинительного приговора (исходя из определения уголовной ответственности в ч. 1 ст. 44 УК либо по аналогии с использованием термина «привлечение к административной ответственности» в ч. 4 ст. 80 УК), то тогда такая формулировка предопределяет характер и результат уголовно-процессуальной деятельности в иностранном государстве, превосходя юрисдикцию Республики Беларусь. Как можно заметить выше, советский законодатель избегал такой ошибки еще в 1924 г., указывая о «выдаче лиц, привлеченных к следствию или суду». Учитывая разграничение уголовно-процессуальных функций, лицо выдается для уголовного преследования в рамках ведущегося производства по уголовному делу. Результатом такого производства не обязательно должно стать постановление обвинительного приговора, так как иностранный уголовный процесс изобилует альтернативными способами разрешения уголовно-правовых конфликтов, нередко основанных на принципе целесообразности.

Таким образом, как видится наименование и ч. 2 ст. 7 УК должны быть соотнесены с современными представлениями о выдаче лиц иностранному государству и нормами уголовно-процессуального закона. Основанием выдачи должно стать не необходимость привлечения к уголовной ответственности, но осуществление уголовного преследования в отношении лица.

Библиографические ссылки

1. Дурманов, Н.Д. Советский уголовный закон / Н.Д. Дурманов. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 320 с.
2. Уголовный кодекс Республики Беларусь: науч.-практ. коммент. / Т.П. Афонченко [и др.]; под ред. В.М. Хомича, А.В. Баркова, В.В. Марчука. – Минск: Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.
3. Курс уголовного права: в 5 т. Общая часть. Т. 1 : Учение о преступлении / С.В. Ананич [и др.] ; под ред. И.О. Грунтова, А.В. Шидловского. – 2-е изд., доп. и испр. – Минск: Изд. центр БГУ, 2019. – 860 с.

Свило Светлана Михайловна

К ВОПРОСУ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПОДДЕЛКОЙ И (ИЛИ) ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ

Доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, к.ю.н.,
доцент, s.svilo@mail.ru

Аннотация. В публикации на основе сравнительно-правового аспекта, различных точек зрения российских и отечественных ученых, положений нормативных правовых актов рассматриваются актуальные проблемы квалификации хищений, сопряженных с подделкой документов и (или) использованием поддельных документов. Обосновывается целесообразность изменения существующей правоприменительной практики относительно квалификации таких преступлений.

Ключевые слова: документ; использование; квалификация; подделка; хищение.

Теоретические споры относительно того, каким образом необходимо квалифицировать совершение преступлений, сопряженных с подделкой (подлогом) документов, велись еще в советский период развития уголовно-правовой доктрины. Большинство авторов указывало на необходимость квалификации по совокупности преступлений, и лишь отдельные ученые придерживались противоположной позиции. Так, согласно точке зрения

Т.Л. Сергеевой, в связи с тем, что в большинстве случаев подделка документов сопутствует более тяжким, чем сам подлог документов, преступлениям, решающую роль при квалификации должен играть тот объект уголовно-правовой охраны, посягательство на который является более общественно опасным, и, соответственно, квалификация по совокупности преступлений не может иметь место [1, с. 123]. Однако данные выводы сложно признать убедительными, что подтверждается их критикой во многих

уголовно-правовых работах, посвященных подлогу документов и его соотношению с совершением других преступлений [2, с. 162–164; 3, с. 273].

С принятием Уголовного кодекса (далее – УК) Республики Беларусь 1999 г. определенную позицию по данному вопросу занял Пленум Верховного Суда Республики Беларусь, что нашло отражение в соответствующем постановлении от 21 декабря 2001 г. № 15 «О применении судами уголовного законодательства по делам о хищениях имущества». Так, в ч. 1 п. 34 постановления Пленум отметил, что «В случае использования лицом изготовленных им фиктивных документов при совершении хищения дополнительной квалификации его действий по ст.ст. 380 и 427 УК не требуется». Как отмечают исследователи, в таком случае подлог документов является одним из способов совершения хищения и должен поглощаться нормами, предусмотренными ст. 209-211 УК Республики Беларусь [4, с. 453–454].

Вместе с тем отметим, что согласно ст. 380 УК Республики Беларусь подделка документов и использование заведомо подложного документа являются самостоятельными уголовно-наказуемыми деяниями. Кроме этого, действия, образующие подделку документов, направлены не на собственность, а на совершенно иной видовой объект, к тому же они не являются конструктивным признаком объективной стороной ни одной из форм хищения. В силу вышесказанного полагаем дискуссионным положение об отсутствии совокупности преступлений в действиях виновного в случае, если он завладевает имуществом при помощи документа, подделанного им самим, поскольку лишь использование подложного документа при совершении хищения (мошенничества, присвоения, растраты, хищения путем злоупотребления служебными полномочиями) выступает формой обмана, а не его подделка.

Отечественными авторами приводятся и другие аргументы целесообразности изменения существующих правил квалификации хищений, сопряженных с подделкой документов и (или) использованием поддельных документов. Например, В. Хилюта и Н. Сергейко, полагают, что «существующая практика квалификации хищения и подлога уравнивает подделку документа с его использованием, хотя общественная опасность таких действий вовсе не одинакова» [5, с. 31]. Авторы также моделируют ситуацию с подделкой документа для совершения мошенничества и последующим добровольным отказом виновного от совершения хищения. Соответственно, в действиях субъекта присутствуют признаки иного преступления (ст. 380 УК Республики Беларусь), и в силу ч. 2 ст. 15 УК Республики Беларусь он должен привлекаться к уголовной ответственности,

что противоречит вышеуказанным предписаниям Пленума Верховного Суда Республики Беларусь. В свою очередь

Н.А. Бабий справедливо считает, что «если в отечественной судебной практике применяется принцип поглощения мошенничеством самостоятельных преступлений (подделки документов и использования поддельных документов), то, очевидно, подобный же принцип должен применяться и к иным случаям сочетания двух преступлений в одном» [6, с. 29].

Следует отметить, что в правоприменительной практике отдельных государств хищения, сопряженные с подделкой документов и (или) использованием поддельных документов, рассматриваются как совокупность преступлений. Например, в п. 7 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» определено, что «Хищение лицом чужого имущества или приобретение права на него путем обмана или злоупотребления доверием, совершенные с использованием подделанного этим лицом официального документа, предоставляющего права или освобождающего от обязанностей, требует дополнительной квалификации по части 1 статьи 327 УК РФ». То есть в данном случае имеет место реальная совокупность преступлений – подделки документа (ст. 327 УК Российской Федерации) и мошенничества (ст. 159 УК Российской Федерации). Аналогичное правило содержится в п. 5 нормативного постановления Верховного Суда Республики Казахстан от 29 июня 2017 г. № 6, где указано «Если лицо, подделав официальный документ, предоставляющий права или освобождающий от обязанностей, совершило мошенничество, содеянное следует квалифицировать по совокупности уголовных правонарушений, предусмотренных частью первой статьи 385 УК и соответствующей частью статьи 190 УК».

В силу вышесказанного полагаем, что подделка документа и использование поддельного документа – самостоятельные уголовно-наказуемые деяния, и при их сопряженности с совершением других преступлений правила квалификации должны быть различны. Соответственно, совокупность преступлений при совершении хищения отсутствует лишь при использовании поддельного (подложного) документа, а при подделке документа – требуется дополнительная квалификация по ст. 380 УК Республики Беларусь.

Библиографические ссылки

1. Сергеева, Т. Л. Борьба с подлогами документов по советскому уголовному праву / Т. Л. Сергеева. – М., Л. : Изд-во АН СССР, 1949. – 148 с.

2. Борзенков, Г. Н. Ответственность за мошенничество (вопросы квалификации) / Г. Н. Борзенков. – М. : Юрид. лит., 1971. – 168 с.

3. Лопашенко, Н. А. Преступления против собственности : теоретико-прикладное исследование / Н. А. Лопашенко. – М. : ЛексЭст, 2005. – 408 с.

4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : науч.-практ. коммент. / Т. П. Афонченко [и др.] ; под ред. В. М. Хомича, А. В. Баркова, В. В. Марчука. – Минск : Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2019. – 1000 с.

5. Хилюта, В. Подлог как средство совершения преступления в теории и практике уголовного закона / В. Хилюта, Н. Сергейко // Юстиция Беларуси. – 2008. – № 11. – С. 29–33.

6. Бабий, Н. Преступление как способ совершения иного преступления : проблемы квалификации / Н. Бабий // Юстиция Беларуси. – 2007. – № 4. – С. 26–30.

Сосновский Александр Алексеевич
О ВМЕНЕНИИ ПРИЗНАКА «ИНАЯ ЛИЧНАЯ
ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ

Заместитель начальника УО «Институт повышения квалификации и переподготовки Следственного комитета Республики Беларусь», к.ю.н.,
доцент, sosnovski76@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются проблемные вопросы вменения признака «иная личная заинтересованность» при квалификации должностных преступлений. Обосновывается точка зрения о целесообразности исключения этого мотива из признаков субъективной стороны составов преступлений против интересов службы, что будет способствовать формированию единообразной практики, недопущению расширительного толкования уголовного закона, устранению предпосылок для злоупотреблений при осуществлении уголовного преследования.

Ключевые слова: должностные лица; корыстная заинтересованность; иная личная заинтересованность; преступления против интересов службы; уголовная ответственность.

Анализ практики возбуждения уголовных дел по преступлениям против интересов службы свидетельствует, что нередко поводами для уголовного преследования должностных лиц выступают совершенные ими деяния не из корыстной, а из иной личной заинтересованности.

Термин «иная личная заинтересованность» не раскрывается в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК), что представляется обоснованным из-за невозможности определения его конкретного содержания. Примерные

варианты правовой оценки этого признака выработаны судебной практикой. Так, в соответствии с п. 20 постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 16 декабря 2004 г. № 12 «О судебной практике по делам о преступлениях против интересов службы (ст.ст. 424, 428 УК)», иная личная заинтересованность «может выражаться в стремлении, обусловленном такими побуждениями личного характера, как карьеризм, протекционизм, желание приукрасить действительное положение, получить взаимную услугу, скрыть свою некомпетентность и т. п.». Как видно, список является открытым. Это означает, что следователь, судья в каждой конкретной ситуации по своему внутреннему убеждению определяют наличие или отсутствие этого признака и устанавливают виновность или невиновность фигуранта.

Таким образом, понятие «иная личная заинтересованность» носит оценочный характер и под ним могут пониматься практически любые побуждения личного свойства. Это позволяет правоохранительным органам при отсутствии реального ущерба и корыстной заинтересованности должностного лица по собственному усмотрению квалифицировать допущенные проступки как уголовно наказуемые по этому признаку.

Такое положение дел оказывает негативное влияние на стабильность функционирования, развития предприятий, нивелирует эффективность работы и подавляет инициативу руководителей всех уровней. При этом попытки правоохранительных органов привлечь государственного служащего к уголовной ответственности за любые, даже незначительные, нарушения снижают уровень доверия населения к органам власти.

Судебной практике известны примеры, когда как злоупотребление служебными полномочиями в связи с иной личной заинтересованностью квалифицированы действия должностного лица, выразившиеся в «стремлении зарекомендовать себя грамотным специалистом и успешным руководителем, руководствуясь при этом мотивами карьеризма, в стремлении приукрасить действительное положение дел, скрыть ранее проявленную некомпетентность, избежать ответственности за срыв сроков модернизации...».

Вместе с тем в общественном сознании здоровый карьерный рост уже расценивается как демонстрация способностей человека, деловой хватки и инициативы, естественной мотивации к осуществлению эффективной профессиональной деятельности. Тем не менее, согласно существующей правоприменительной практике, карьеризм рассматривается как асоциальное явление, относящееся к иной личной заинтересованности, при наличии которой служебный проступок квалифицируется как коррупционное преступление.

В другом случае, при осуждении фигуранта за злоупотребление служебными полномочиями, в качестве иной личной заинтересованности инкриминировано наличие дружеских отношений с иными соучастниками дела, бывшими сослуживцами.

Однако, как представляется, иная личная заинтересованность должна характеризоваться асоциальными личными побуждениями виновного, низменными по своей сути и порицаемыми обществом, то есть быть основана на эгоцентрическом паразитировании интересами службы.

Стремления, хотя и личного характера, но обусловленные такими мотивами, как ложно понятые интересы службы, жалость, сострадание, способность воспринимать трудности других людей и оказывать содействие в их решении, желание сохранить доброе отношение людей и т. д., не могут рассматриваться в качестве иной личной заинтересованности, поскольку такого рода личные побуждения не носят низменного характера.

Таким образом, вменение дружеских отношений в качестве субъективного признака состава преступления – иной личной заинтересованности – является необоснованным.

Очевидно, что подобная практика привлечения к уголовной ответственности должностных лиц уже приобрела гипертрофированный характер и не может быть изменена на ведомственном уровне каждым из правоохранительных органов в отдельности.

Представляется, что решение вопроса должно носить концептуальный характер, максимально устраняющее любые предпосылки к сомнительной квалификации деяний должностного лица.

В этой связи полагаем, что назрела необходимость исключения из признаков субъективной стороны составов преступлений против интересов службы мотива «иная личная заинтересованность». Такой подход однозначно будет способствовать формированию единообразной практики, устранил предпосылки к возможным нарушениям законности при расследовании и судебном рассмотрении уголовных дел.

Стальбовский Вадим Викторович

**КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ – НОВЫЙ ПРЕДМЕТ
КРИМИНОЛОГИИ (УГОЛОВНОЙ СОЦИОЛОГИИ)**

Старший преподаватель кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», vudiksvv@gmail.com

Аннотация. Рассматриваются вопросы существования института профайлинга в теоретических и практических плоскостях его применения.

Анализируется возможность использования инструментария профайлинга в предупреждении и профилактики преступности. Раскрываются некоторые особенности криминологических характеристик личности преступника, которые могут быть базисом совершенствования криминологического профайлинга, как совершенно нового вектора развития криминологической теории.

Ключевые слова: криминологический профайлинг, интернет-импакт, предупреждение и профилактика преступлений.

«Стратегия без тактики – это самый медленный путь к победе. Тактика без стратегии – это просто суета перед поражением». Интерпретируя это выражение Сунь-Цзы, заменим слово стратегия на криминологию, а тактику – на профайлинг, и с уверенностью отметим приближенность этой гипотезы к реальности новейшего времени развития человечества. Эффективность предупреждения равна эффективности использования знаний, которые доступны и образуют единство качества криминологического прогнозирования и планирования с наименьшей долей энтропии.

Теория предупреждения довольно гибкая и совершенствующаяся конструкция, структура которой зависит в том числе от эволюции других наук.

Инструменты выявления, предупреждения, раскрытия, профилактики преступности учитывая детерминизм непрерывно совершенствуются. Происходит синтез изобретенных продуктов из одной науки в другую, наук, порой имеющие совершенно разные области познания.

Безусловно, ключевой фигурой в проекции гуманитарных наук, занимающимися направлениями изучения, которые направлены против преступности, является личность (личность преступника). Не исключено, что в связи с этой квинтэссенцией знаний, и предмет, в том числе основной предмет криминологии, может потерпеть изменения. Изменения, которые вызваны реалиями времени.

Все более приближенными к криминологической науке становятся знания психологии, медицины, психиатрии, биомедицины. Не говоря уже о криминалистике, оперативно-розыскной деятельности. Они, справедливо врезаются в плоскость криминологических знаний, создавая некую целостность познания личности преступника и алгоритмов его поведения.

Сегодня, криминология, в совокупности с другими науками, может максимально близко распознать «путь преступного поведения, механизм, ментальную структуру сознательного поведения преступника и жертвы», и поэтому его предупредить и спрофилактировать.

По нашему мнению одним из перспективных направлений которое может быть успешно реализовано в криминологической теории может являться профайлинг (криминологический профайлинг»). До сих пор понятие криминологический профайлинг в отечественной науке не разработано. И это дает право на попытку сделать задел на минимальный вектор в эту сторону познания.

Наиболее частое употребление термина «профайлинг» («англ. profile» – профиль) – это совокупность психологических методов оценки и прогнозирования поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков: характеристик внешности, вербального и невербального поведения, вегетатики. Основу изучения личности в профайлинге составляет оперативная характерология, вторая составляющая заключается в безинструментальном распознавании лжи (верификации информации). На выходе получается профиль личности с возможностью рекомендаций и прогнозирования [1].

Изначально термин «профайлинг» употреблялся в криминалистике (профилирование) в контексте составления поискового психологического портрета (профиля личности) преступника. В настоящее время термин используется шире, наряду с оперативно-розыскной деятельностью, профайлинг применяется при отборе кадров, обеспечения безопасности на транспорте, в психологической практике в случае потребности быстрой (оперативной) диагностики личности. Основой профайлинга является наблюдение и структурированный опрос, при этом порой выявляется именно скрытая психологическая информация о человеке.

Считается, что одна из первых попыток составления психологического портрета принадлежит британскому хирургу Томасу Бонду, которую он предпринял в 1888 году в отношении личности Джека-потрошителя.

Первая попытка связать антисоциальное поведение и биологические особенности личности принадлежит практикующему тюремному доктору Чезаре Ломброзо. Он – основатель «антропологической» теории преступлений. Итальянский медик провел масштабную работу: измерил, зафиксировал и систематизировал антропологические характеристики лиц, отбывающих наказание в тюрьме.

Проанализировав полученные сведения, Ломброзо подразделил всех преступников на 4 типа: врожденных; случайных; правонарушителей по страсти; душевнобольных [2].

Но антропологическая теория, по нашему мнению, несколько сомнительна в чистом виде, нет ни одной антропологической характеристики человека, напрямую влияющей на совершения конкретного преступления. Надо это признать. Тут больше речь идет о некой теории вероятности, но не о

точных научно-аргументированных доводах. Тем не менее эта теория Ломброзо стабилизирует уровень энтропии в изучении преступника, и имеет на право существования в комплексе с социологическими знаниями.

Использование специалистов-профайлеров с целью выявления потенциально опасных пассажиров с точки зрения возможности осуществления противоправных действий, прежде всего террористической направленности, впервые были реализованы в Израиле в конце 70-х гг. XX в. авиакомпанией Эль-Аль.

В настоящее время профайлинг активно используется правоохранительными органами (обеспечение общественного правопорядка, безопасности на транспорте, в местах массового скопления людей, проведения следственно-оперативных мероприятий). Не исключением из этой обоймы важных правоохранительных направлений на наш взгляд является криминология – теоретический фундамент предупреждения преступности.

На основе изложенного, сделаем попытку дать определение термину «криминологический профайлинг» – это совокупность знаний о личности преступника, его социально-демографических, уголовно-правовых, нравственно-психологических, психофизиологических и биологических особенностях, позволяющих составить прогноз индивидуального преступного поведения, сформировать эффективную программу борьбы с преступностью, на основе качественного прогнозирования и планирования, учитывая психологические методы оценки действий и поведения человека на основе анализа наиболее информативных частных признаков.

Стоит отметить, что криминологический профайлинг обязан в ближайшем будущем стать дополнительным предметом криминологии, или же составной частью основного предмета криминологии, изучающего личность преступника.

Багаж социологических знаний, а криминология в прошлом имела название уголовная социология, настолько велик и востребован в систематизации их и реализации в теории предупреждения, что назрела трансформация многих постулатов и консервативных устоев криминологии 20 века, в современную криминологию. А современная она, без профайлинга существовать не может. Все это в купе даст толчок развитию уголовно-правового блока наук, как целостной взаимосвязанной системы знаний.

Библиографические ссылки

1. Профайлинг [Электронный ресурс] : Википедия – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki>– Дата доступа: 09.09.2022.

2. Криминальный профайлинг [Электронный ресурс] : «СерчИнформ» – Режим доступа: <https://searchinform.ru/kontrol-sotrudnikov/profajling/vidy/kriminalnyj-profajling/>– Дата доступа: 09.09.2022.

Степаненко Владимир Иванович

ВОЗРАСТ – КАК УСЛОВИЕ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин УО Федерации профсоюзов
Беларуси «Международный университет «МИТСО», к.ю.н., доцент,
Sving08@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет. Также рассматривается порядок установления возраста несовершеннолетних лиц, вступивших в конфликт с уголовным законом.

Ключевые слова: уголовный закон; несовершеннолетний; преступление; уголовная ответственность; ювенальная юстиция

В Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) выделен самостоятельный раздел, посвященный уголовной ответственности лиц, совершивших преступления в возрасте до восемнадцати лет. В ст. 27 УК указывается возраст, с которого лицо может быть привлечено к уголовной ответственности. Первая часть данной статьи установила, что уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее ко времени совершения преступления шестнадцатилетнего возраста, за исключением случаев, предусмотренных УК. Однако преступления совершаются не только лицами, достигшего указанного возраста.

В этой связи, в части второй закреплено следующее: лица, совершившие запрещенные УК деяния в возрасте от четырнадцати до шестнадцати лет, подлежат уголовной ответственности лишь за: 1) убийство (ст. 139); 2) причинение смерти по неосторожности (ст. 144); 3) умышленное причинение тяжкого телесного повреждения (ст. 147); 4) умышленное причинение менее тяжкого телесного повреждения (ст. 149); 5) изнасилование (ст. 166); 6) насильственные действия сексуального характера (ст. 167); 7) похищение человека (ст. 182); 8) кражу (ст. 205); 9) грабеж (ст. 206); 10) разбой (ст. 207); 11) вымогательство (ст. 208); 11-1) хищение имущества путем модификации компьютерной информации (ст. 212); 12) угон транспортного средства или маломерного судна (ст. 214); 13) умышленное уничтожение либо повреждение чужого имущества (ч. 2 и 3 ст. 218); 14) захват заложника (ст. 291); 15) хищение огнестрельного оружия, боеприпасов или взрывчатых веществ (ст. 294); 16) умышленное приведение в негодность транспортного средства или путей сообщения (ст. 309); 17) хищение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров и аналогов (ст. 327); 17-1) незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров или

аналогов (ч. 2–5 ст. 328); 18) хулиганство (ст. 339); 19) заведомо ложное сообщение об опасности (ст. 340); 20) осквернение сооружений и порчу имущества (ст. 341); 21) побег из исправительного учреждения, исполняющего наказание в виде лишения свободы, арестного дома или из-под стражи (ст. 413) [1].

Обратив внимание на изложенные преступления, следует вывод о том, что в данном перечне содержатся преступления, общественную опасность которых, малолетнее лицо в силу своего развития уже должно осознавать. То есть имеет место определенная презумпция «понимания» запрещенности указанных преступлений.

Правосудие в отношении несовершеннолетних должно являться составной частью процесса национального развития страны в рамках всестороннего обеспечения социальной справедливости для всех несовершеннолетних, одновременно содействуя, таким образом, защите молодежи и поддержанию мирного порядка в обществе. Правосудие в отношении несовершеннолетних должно определяться как составная часть системы обеспечения социальной справедливости для несовершеннолетних и оцениваться необходимостью постоянного совершенствования системы правосудия в отношении несовершеннолетних с одновременным принятием мер для разработки прогрессивной социальной политики в отношении несовершеннолетних в целом и учетом необходимости постоянного улучшения работы персонала этой системы. Цель данных указаний заключается в том, чтобы отразить существующие в государстве условия, от которых могут зависеть формы применения конкретных правил. Эти формы неизбежно должны отличаться от форм, применяемых другими государствами в вопросах обеспечения безопасности несовершеннолетних. [2, с. 52].

Основным критерием установления возрастных признаков субъекта является наличие в этом возрасте способности осознавать фактический характер и социальную значимость своих действий, а также наличие способности руководить своими действиями. Формально установить возраст можно по количеству прожитых лет. Лицо считается достигшим определенного возраста с начала следующих за днем рождения суток. Возраст устанавливается на основании личных документов, а при их отсутствии – на основании заключения судебно-медицинской экспертизы. Если в заключении эксперта указан год рождения, то днем рождения считается последний день этого года. Если указан минимально и максимально возможный возраст, то исходить нужно из минимального указанного возраста [3, с. 81].

По данному вопросу имеются разъяснения, содержащиеся в Постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 28 июня 2002 г. № 3 (далее – Пленум), в котором говорится, что исходя из требований

ст. 158 Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (далее – УПК), лицо следует считать достигшим определенного возраста не в день рождения, а начиная с нуля часов следующих суток. При установлении возраста экспертной комиссией днем рождения обвиняемого необходимо считать последний день того года, который назван экспертами, а при определении минимального и максимального числа лет следует исходить из предполагаемого экспертами минимального возраста такого лица [4].

Однако созревание личности у каждого отдельно взятого человека происходит по-разному. На это влияют конкретные жизненные условия, психологические и физиологические особенности. Лицо не может быть привлечено к уголовной ответственности, если оно способно осознавать свои действия и руководить ими до достижения возраста уголовной ответственности.

Таким образом, рассмотрев возраст как условие наступления уголовной ответственности, следует отметить, что законодатель Республики Беларусь предусмотрел в УК случаи привлечения несовершеннолетних лиц к уголовной ответственности, особенности такой ответственности, а также возможность освобождения от уголовной ответственности.

Законодатель сделал существенный шаг в направлении создания ювенальной юстиции, выделив специальный раздел, посвященный регламентации особенностей уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в возрасте до восемнадцати лет. Заметен более мягкий подход законодателя к наказанию несовершеннолетних и проявлению принципа гуманизма уголовного закона и уголовной ответственности.

Библиографические ссылки

1. Уголовный кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 9 июля 1999 г., № 275-З : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 13.05.2022 г. // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2022.

2. Энциклопедия уголовного права : [в 29 т.] / [В. Б. Малинин (авт. и отв. ред.) и др.]. – СПб. : Изд. проф. Малинина ; СПб ГКА, 2008. – Т. 11 : Уголовная ответственность несовершеннолетних. – 447 с.

3. Бабий, Н. А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н. А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 335 с.

4. Сборник постановлений Пленума Верховного Суда Республики Беларусь / сост. А. М. Паутов ; под общ. ред. В. Л. Калинковича. – Минск : Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь, 2015. – 656 с.

Радевич Анастасия Сергеевна

**ОБЩАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАГРЯЗНЕНИЯ
ЛЕСА, СРЕДЫ ПРОИЗРАСТАНИЯ ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВОЙ
РАСТИТЕЛЬНОСТИ (СТ. 275 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

Аспирант кафедры уголовного права юридического факультета БГУ,
radevich_as@mail.ru

Аннотация. В статье дается общая уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного ст. 275 Уголовного кодекса Республики Беларусь 1999 года, предусматривающего ответственность за загрязнение леса, среды произрастания древесно-кустарниковой растительности. Изменения и дополнения уголовного, экологического и административно-деликтного законодательства, произошедшие в последнее время, оставили возможность для неоднозначной трактовки признаков рассматриваемого состава преступления, что может привести к проблемам в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: уголовный кодекс; экологические преступления; загрязнение леса; загрязнение древесно-кустарниковой растительности; экологическая безопасность; уголовная ответственность; уголовно-правовая характеристика.

В главе 26 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. № 275-З (далее – УК) криминализированы деяния, которые посягают, во-первых, на экологическую безопасность, под которой понимается состояние защищенности окружающей среды, жизни и здоровья граждан от возможного вредного воздействия хозяйственной и иной деятельности, чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера, во-вторых, на окружающую среду, которая определяется как совокупность компонентов природной среды, природных и природно-антропогенных объектов, а также антропогенных объектов, и, в-третьих, на порядок природопользования, то есть на существующий порядок осуществления хозяйственной и иной деятельности, в процессе которой используются природные ресурсы и оказывается воздействие на окружающую среду (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 26 ноября 1992 г. № 1982-ХІІ «Об охране окружающей среды»).

Особенностью упомянутой главы УК является большое количество норм с бланкетными диспозициями. Так, статья 275 УК, предусматривающая ответственность за загрязнение леса, среды произрастания древесно-кустарниковой растительности, содержит бланкетную диспозицию, и для

уяснения ее содержания требуется обращение к нормам экологического законодательства.

В качестве непосредственного объекта данного преступления предлагают рассматривать общественные отношения, обеспечивающие сохранность леса и среды произрастания древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, от различного вида загрязнений.

Согласно действующей редакции УК предметами преступления могут выступать лес и среда произрастания древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда. Отметим, что Законом Республики Беларусь от 17.07.2018 № 131-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь» предмет данного преступления был расширен посредством добавления в него среды произрастания древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда.

При раскрытии содержания указанных понятий необходимо обратиться к Лесному кодексу Республики Беларусь от 24 декабря 2015 г. № 332-З, где в п. 14 ст. 1 указано, что лес – это совокупность древесно-кустарниковой растительности, живого почвенного покрова, диких животных и микроорганизмов, образующая природный комплекс. Среда произрастания объектов растительного мира (в том числе и древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда) – место произрастания объектов растительного мира в совокупности с другими природными факторами, составляющими условия произрастания объектов растительного мира, необходимые для обеспечения их жизнедеятельности (ст. 1 Закона Республики Беларусь от 14 июня 2003 г. № 205-З «О растительном мире»).

Объективная сторона рассматриваемого преступления до 2018 г. была сконструирована с помощью административной преюдиции: «Загрязнение леса отходами или сточными водами либо иным способом (загрязнение леса), совершенное в течение года после наложения административного взыскания за такое же нарушение». Под таким же нарушением подразумевалось совершение лицом административного правонарушения, предусмотренного ст. 15.30 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 21.04.2003 № 194-З (утратил силу с 01.03.2021), предусматривающей ответственность за загрязнение леса и иной древесно-кустарниковой растительности.

В действующей редакции ст. 275 УК внешняя сторона состава преступления образована с помощью таких признаков как деяние, общественно опасное последствие, причинная связь и способ совершения преступления.

Деяние представляет собой загрязнение, под которым в самом общем виде следует понимать поступление, нахождение и (или) возникновение в лесу, среде произрастания древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, различного рода факторов, которые приводят к отрицательным изменениям состояния леса, среды произрастания древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда. При этом криминализованы следующие способы загрязнения:

1) загрязнение отходами. Отходы – это вещества или предметы, образующиеся в процессе осуществления экономической деятельности, жизнедеятельности человека и не имеющие определенного предназначения по месту их образования либо утратившие полностью или частично свои потребительские свойства (п. 19 ст. 1 Закона Республики Беларусь от 20.07.2007 № 271-З «Об обращении с отходами»);

2) загрязнение сточными водами. Сточные воды – это воды, сбрасываемые от жилых, общественных и производственных зданий и сооружений после использования их в хозяйственной и иной деятельности, а также воды, образующиеся при выпадении атмосферных осадков, таянии снега, поливке и мытье дорожных покрытий (поливомоечные работы) на территории населенных пунктов, объектов промышленности, строительных площадок и других объектов и сбрасываемые в окружающую среду, в том числе через систему канализации (п. 39 ст. 1 Водного кодекса Республики Беларусь от 30 апреля 2014 г. № 149-3);

3) загрязнение иным способом. К данному способу загрязнения может быть отнесено загрязнение химическими веществами, радиоактивными веществами, захламление леса и т.п.).

Рассматриваемый состав преступления требует обязательного наличия такого признака, как общественно опасные последствия в виде причинения ущерба в крупном размере, т.е. в размере в 250 и более раз превышающем размер базовой величины, установленной на день совершения преступления. Если же ущерб причинен в размере 500 и более базовых величин, установленных на день совершения преступления, то деяния лица подлежат квалификации по ч. 2 ст. 275 УК (п. 2 прим. к гл. 26 УК, прим. к ст. 275 УК).

Размер ущерба, причиненного лесу, среде произрастания древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда, определяется с помощью специальных такс в порядке, установленном Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 11.04.2022 № 219 «О таксах для определения размера возмещения вреда, причиненного окружающей среде, и порядке его исчисления». Если деяния лица повлекли причинение ущерба в размере меньшем, чем 250 базовых величин, установленных на день совершения преступления, то данное лицо может быть

привлечено к административной ответственности по ст. 16.22 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях от 6 января 2021 г. № 91-3, устанавливающей административную ответственность за загрязнение леса и иной древесно-кустарниковой растительности.

Между деянием и последствием необходимо наличие причинной связи, при этом согласно п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 18 декабря 2003 г. № 13 «О применении судами законодательства об ответственности за правонарушения против экологической безопасности, окружающей среды и порядка природопользования» судам необходимо выяснять, не вызваны ли общественно опасные последствия иными факторами и не наступили ли они вне зависимости от установленного нарушения, а равно и то, не совершены ли действия в состоянии крайней необходимости.

Состав преступления по конструкции объективной стороны является материальным. Преступление следует считать юридически оконченным с момента причинения ущерба в крупном или особо крупном размере.

Субъект преступления общий, то есть вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста. Субъективная сторона выражена виной в форме умысла или неосторожности. Причем законодатель объединил эти две формы вины в рамках одной диспозиции, что затрудняет дифференциацию уголовной ответственности.

Таким образом, следует констатировать необходимость проведения комплексных научных исследований, посвященных изучению как данного состава преступления, так и иных уголовно-правовых норм, направленных на охрану леса и древесно-кустарниковой растительности, не входящей в состав лесного фонда.

Реутская Елена Александровна

ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Доцент кафедры уголовного права УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, ellen-britova@rambler.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы соотношения категорий преступлений, закрепленных в ст. 12 Уголовного кодекса, с общественной опасностью. Отмечается, что законодатель не всегда учитывает реальную ценность объекта уголовно-правовой охраны при формировании санкций Особенной части и, соответственно, при отнесении преступлений к определенной категории. Делается вывод о необходимости разработки научно

обоснованного инструментария измерения общественной опасности преступления.

Ключевые слова: общественная опасность; преступление; категории преступлений; уголовно-правовые санкции; критерии.

Общественная опасность является основополагающим инструментом уголовного права, который позволяет разделить преступления на категории в соответствии со ст. 12 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК), а также определяет меру должного наказания за совершенное преступление, реальную ценность объекта уголовно-правовой охраны и его место в системе социальных ценностей, которые в совокупности составляют основу общества. Более того, преступление определяется как общественно опасное деяние в соответствии со ст. 11 УК. Традиционно для определения общественной опасности того или иного деяния практика обращается к санкции, конструирование которой не всегда учитывает реальную ценность объекта уголовно-правовой охраны, что приводит к дисбалансу системы уголовно-правовых норм. Ведь определить меру должного наказания за совершенное преступление и его категорию без измерения общественной опасности затруднительно. Обозначенная проблема имеет место ввиду того, что в науке уголовного права отсутствует как инструментарий измерения общественной опасности преступления, так и критерии установления иерархии ценностей объектов уголовно-правовой охраны, которые должно защищать от преступных посягательств уголовное законодательство.

Помимо формы вины и размера наказания в виде лишения свободы, которое может быть назначено за совершение преступления, на деление преступлений на категории влияет, в первую очередь, именно общественная опасность. Так, в соответствии со ст. 12 УК все преступления в зависимости от характера и степени общественной опасности разделены на четыре категории: не представляющие большой общественной опасности, менее тяжкие, тяжкие и особо тяжкие. Как видно из содержания статьи, «общественная опасность» используется даже в названии одной из категорий преступлений. Несомненно, категориям преступлений уделяют значительное внимание как в науке уголовного права, так и на практике при назначении наказания при наличии совокупности преступлений в соответствии (ст. 72 УК), при определении соблюдения всех условий применения иных мер уголовной ответственности, а также в других предусмотренных УК случаях.

Характер и степень общественной опасности изначально определяется законодателем при конструировании диспозиции (формулирование признаков преступления и определение места новой статьи в системе норм Особенной

части УК) и санкции (установление вида и размера наказания). В последующем на практике для определения общественной опасности конкретного преступления компетентные государственные органы соотносят содержание санкции статьи Особенной части УК, предусматривающей вид и размер наказания за совершенное преступление, с категориями преступлений, таким образом определяя общественную опасность. Однако размытость границ санкций статей Особенной части и нарушение системности санкций в целом приводит к невозможности точного установления общественной опасности. Так, в случаях, когда предусмотренное санкцией наказание объединяет две и более категории преступлений, общественная опасность размывается (напр., санкция ч. 1 ст. 294 УК предусматривает возможность применения лишения свободы «на срок до семи лет»). В российской литературе была высказана точка зрения о том, что законодатель не может произвольно выделять категории преступлений. Представляется, что если в основу деления преступлений на категории заложена общественная опасность, то «... решение проблемы состоит в том, чтобы найти соответствующий механизм ее измерения, позволяющий фиксировать переход количественных изменений опасности в качественные» [1]. Другим решением возникшей проблемы мог бы стать отказ от термина «общественная опасность» в ч. 1 ст. 12 УК в пользу реально закрепленных критериев – вины, а также размера, предусмотренного санкцией статьи наказания в виде лишения свободы.

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что подходы к выбору критериев деления преступлений на категории необходимо изменить, т.к. отсутствие законодательного определения общественной опасности затрудняет измерение общественной опасности конкретного преступления и отнесение его к одной конкретной категории преступлений ввиду размытости границ наказания в виде лишения свободы в санкциях статей Особенной части УК.

Библиографические ссылки

1. Уголовное право. Общая часть : учебник для вузов [Электронный ресурс] / М. И. Ковалев [и др.] ; отв. ред.: И. Я. Козаченко. – М. : Норма; Инфра-М, 1998. – Режим доступа: <http://lawlibrary.ru/izdanie21461.html>. – Дата доступа: 29.08.2022.

Рустимова Гаухар Рустембековна

**МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О МЕДИЦИНСКИХ УГОЛОВНЫХ
ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ НТР**

Научный сотрудник НИЦ Алматинской академии МВД РК имени
М. Есбулатова, д.ю.н., профессор, g.rustemova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы современного медицинского и уголовного права. Показано влияние цифровизации здравоохранения страны и внедрение искусственного интеллекта (ИИ) на развитие уголовного законодательства. ИИ в будущем будет внедряться не только в здравоохранение, но и другие сферы деятельности человека, полностью или частично заменяя его работу. Модернизация уголовного законодательства необходима и должна опережать, а не быть позади развития НРТ.

Ключевые слова: уголовный кодекс; медицинские преступления; цифровизация; искусственный интеллект; совершенствование законодательства.

УК Республики Беларусь и Российской Федерации обеспечивают охрану прав человека при применении к нему современных медицинских технологий преимущественно в контексте общих норм об ответственности за преступления против жизни и здоровья человека, то уголовные законы Армении, Казахстана и Кыргызстана предусматривают широкий перечень специальных запретов, позволяющих оказать не только охранительное, но и превентивное воздействие, с точки зрения возможного использования современных медицинских технологий. К числу же несвойственных нашему уголовному закону деяний, противоправность которых определяется УК названных государств, относятся следующие: имплантация женщине чужой яйцеклетки; запрещенные действия с эмбрионом; нарушение порядка обращения донорской крови и др., наличие которых отвечает требованиям не только международных документов в данной сфере, но и основаниям криминализации деяний. Это заслуживает внимания законодателя с точки зрения перспективного развития уголовного закона Казахстана.

Между тем, развитию новых технологий и искусственному интеллекту, в частности, и в Казахстане, придают особое внимание. Планируется запуск Национального кластера искусственного интеллекта. За пять лет в это направление планируют привлечь более миллиарда долларов.

Президент Казахстана Касым-Жомарт Токаев отметил: «Мы прекрасно понимаем, что будущее за инновациями и технологиями, конкуренция и динамика в этом направлении очень высокая. По оценкам аналитиков, в 2021 году рынок технических, технологических и программных решений, направленных только на развитие искусственного интеллекта, беспроводных

сетей, контактных вычислительных систем, вырастет на 35% и составит примерно 12 млрд долларов»[1].

Развитие основных направлений цифровой медицины порождает дискуссии по определению места искусственного интеллекта в данном кластере. Чёткое определение структурной ячейки ИИ в цифровой медицине позволит определить перспективу использования указанной системы. Сфера цифрового здравоохранения подразделяется на электронное здравоохранение и математические методы обработки медицинских данных. Электронное здравоохранение, в свою очередь, подразделяется на направления телемедицины и использования электронного документооборота.

К сожалению, уголовное право до сих пор достаточно медленно реагирует на прогресс в науке, в том числе практически не охвачена сфера ИИ и робототехники. В нашем УК не содержится ни одной нормы об ответственности за совершение деяния посредством нейронных сетей или ИИ. При этом, указанные системы функционируют в прямой зависимости от деятельности конкретного физического лица.

Уголовно-правового регулирования настоятельно требуется в ситуациях, когда при создании системы ИИ была допущена ошибка, которая впоследствии привела к совершению уголовного правонарушения; когда в систему был осуществлён неправомерный доступ, изменивший функции ИИ; когда ИИ был создан умышленно для совершения преступления. Не стоит нам забывать и о том, что системы ИИ способны к самообучению. В этом случае система может сама принять решение о совершении действий, впоследствии квалифицирующихся как преступление.

Таким образом, основой определения норм об ответственности за преступление с использованием систем ИИ выступает цель деятельности системы, так как она не может быть связана с причинением вреда. Если же система специально программируется, чтобы причинить ущерб, то нормы должны быть иные. При определении необходимой нормы важны объективные признаки и перечень субъектов преступной деятельности.

Деяние является уголовным правонарушением при наличии причинения или угрозы причинения вреда охраняемым интересам. Если рассматривать использование ИИ в здравоохранении, то не исключено, что цифровые системы могут причинять вред жизни и здоровью человека. Наиболее сложными являются вопросы в отношении субъектов таких деяний. Кто понесёт ответственность в случае причинения вреда ИИ?

Заметим, что в основе существования и функционирования ИИ находится разработчик указанной программы и производитель продукции, наделённый искусственным разумом. В случае причинения вреда правоприменитель может использовать нормы об ответственности за выполнение работ или

оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. Непосредственный пользователь программы также может нести ответственность, но правильно будет учитывать и оценивать автономность системы и необходимость контроля со стороны пользователя. Иные лица, имеющие возможность вмешаться со стороны в деятельность системы, а именно перепрограммирование системы, заражение её вирусом, изменение компьютерного алгоритма, также несут уголовную ответственность. В этом случае будут иметь место совокупность уголовных правонарушений в сфере компьютерной безопасности и медицинских правонарушений [2].

Современное здравоохранение Казахстана стоит на пороге цифровой революции, что, помимо достижения общественно полезной цели, оно создаст угрозу причинения вреда правоохраняемым интересам.

Всё это обусловит необходимость модернизации различных отраслей законодательства, в том числе и уголовного. Существующие нормы уже не могут в полной мере охватить все случаи причинения вреда системами ИИ, а это позволит лицам, использующим информационные системы в здравоохранении для совершения уголовных правонарушений, избежать ответственности.

Библиографические ссылки

1. Искусственный интеллект vs COVID [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.huawei.com/kz/news/kz/2021/news-artificial-intelligence-covid>. – Дата доступа: 09.09.2022.

2. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014г. № 226-V с изменениями и дополнениями по состоянию на 03.09.2022 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252#sub_id=0. – Дата доступа: 09.09.2022.

Терешенко Егор Геннадьевич

КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК

Адъюнкт научно-педагогического факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», teresh1994@mail.ru

Аннотация. Исследованы понятия критериев и показателей эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок, проведена их классификация, вынесены предложения по

измерению эффективности отдельных аспектов исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

Ключевые слова: лишение свободы на определенный срок; эффективность; эффективность исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок; критерии эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок; показатели эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

Модель измерения эффективности предполагает систему объективных критериев, по которым можно провести объективные измерения соответствия фактически достигнутого результата поставленным целям. Определение степени эффективности предполагает сопоставление результатов деятельности с поставленными целями, выраженное через фактические показатели эффективности, по определенному признаку, являющемуся критерием эффективности. Иными словами, критерий эффективности – это признак, по которому можно измерить степень достижения поставленной цели, а фактически достигнутый результат целенаправленного процесса – это показатель эффективности.

Обязательным элементом определения эффективности является цель, ориентируясь на которую осуществляется та или иная деятельность, и с учетом которой представляется возможным определить, насколько эффективно процесс осуществляется. Такая формула является актуальной и для определения эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

А.Э. Жалинский полагает, что реальная оценка цели исправления требует взвешенного подхода и ее нужно оценивать в зависимости от личности преступника, степени его исправимости, профессионализма и условий исполнения наказания, состояния общества [1, с.377]. Мы частично согласны с этой точкой зрения, подчеркивая, что такой критерий цели исправления, как состояние общества, является весьма размытым и выходящим за рамки уголовного и уголовно-исполнительного права, в связи с чем представляется затруднительным определить степень достижения цели исправления в отношении конкретного осужденного.

По мнению В.И. Зубковой, основным недостатком содержания цели исправления как социально желаемого результата является отсутствие хотя бы приблизительного критерия, по которому можно было бы предполагать возможность её достижения [2, с.78]. Условно, в виде критерия достижения данной цели можно использовать уровень рецидива, однако это будет не

вполне объективно, так как нельзя с уверенностью утверждать, что лица, ранее отбывавшие наказание, не совершают новые преступления исходя из сформированной у них готовности вести правопослушный образ жизни, а не исходя из страха. К тому же, лицо может не совершать новых преступлений, однако вести асоциальный образ жизни, что будет свидетельствовать о недостижении цели исправления, даже без совершения лицом нового преступления. Иными словами, не каждый освобожденный, не совершающий преступления вновь, является исправившимся, но каждый исправившийся с большей вероятностью будет вести правопослушный образ жизни.

Следует также понимать разницу между критериями эффективности целевой и обеспечивающей деятельности. Через призму деятельности исправительных учреждений, целевой деятельностью является исправительное воздействие, оказываемое на осужденных, а обеспечивающей – деятельность, направленная на тыловое обеспечение – в рамках обеспечения необходимой материально-технической баз, кадровое обеспечение – в рамках обеспечения квалифицированными специалистами и т.д.

Исходя из данной позиции можно полагать, что критерии эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы взаимосвязаны с критериями исправления осужденных. Однако они не отождествляются. Здесь необходимо сделать уточнение: достижение определенных фактических показателей по критериям исправления зависит от того, насколько эффективно будут применяться к осужденным основные средства исправления. А об эффективности применения основных средств исправления осужденных, в свою очередь, может свидетельствовать система результатов деятельности, осуществляемой в рамках применения определенного средства исправления осужденных.

Основываясь на вышеуказанном, процесс исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок можно представить в виде комплекса микропроцессов, каждый из которых имеет свою цель. От того, насколько успешно будут достигнуты цели, стоящие перед микропроцессами, зависит то, насколько эффективно будет исполнено наказание.

Исходя из этого цели исполнения наказания можно условно разделить на две группы. В первую группу входят цели, закрепленные на нормативно-правовом уровне, в частности – в УИК Республики Беларусь, обозначающие вектор деятельности ИУ в исполнении наказаний – исправление и предупреждение совершения новых преступлений. Ко второй группе целесообразно отнести цели, стоящие перед процессом применения каждого из основных средств исправления осужденных – тактические цели.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Под критерием эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок понимается признак по которому можно определить степень соответствия или превышения фактически достигнутого результата деятельности по исполнению наказания в виде лишения свободы на определенный срок со стороны субъектов исполнения, в качестве которых выступают ИУ, в отношении объекта исполнения, в качестве которого выступают осужденные, отбывающие наказание в виде лишения свободы на определенный срок, закрепленным на нормативно-правовом уровне и тактическим целям исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок.

2. Под показателем эффективности исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок понимается величина, выражающая степень соответствия фактически достигнутого в процессе исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок результата закрепленным на нормативно-правовом уровне и тактическим целям исполнения наказания в виде лишения свободы на определенный срок по определенному критерию.

Библиографические ссылки

1. Игнатов, А.Н. Уголовное право России: учебник для вузов: в 2 т. / Игнатов А.Н., Красилов Ю.А. – Москва : НОРМА, 2000. – Т. 1.: Общая часть – 639 с.

2. Зубкова, В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика / Зубкова В.И. – Москва: Норма, 2002. – 304 с.

Тит Александр Александрович

РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ

Доцент кафедры уголовно-исполнительного права и криминологии уголовно-исполнительного факультета УО «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь», к.ю.н., доцент, Tsit81@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы совершенствования уголовной политики Республики Беларусь с учетом актуальных тенденций развития общественных отношений в сфере реализации уголовно-правовой репрессии. Автором предлагается включить в качестве основного направления реализации уголовной ответственности ресоциализацию осужденных.

Ключевые слова: уголовная ответственность; уголовная политика; наказание; осужденный; ресоциализация осужденных; преступность.

Ресоциализация осужденных является институтом, которому в настоящее время правоприменители и научное сообщество уделяет много внимания. Несмотря на это, не сформирован единый подход в определении указанного уголовно-правового феномена, соответственно не определено его роль и место в направлениях реализации уголовной политики. Вместе с тем, ресоциализация осужденных видится институтом, потенциал которого позволит оказать положительное влияние на уровень как рецидивной преступности, так и на уровень преступности в целом. В своей совокупности, указанные обстоятельства требуют научного осмысления определения места и роли ресоциализации осужденных в реализации уголовной политики Республики Беларусь. Для этих целей, необходимо подвергнуть научному анализу условия в которых формируется уголовная политика государства и найти причины, объясняющие необходимость закрепления в качестве необходимого элемента уголовной политики Республики Беларусь институт ресоциализации осужденных.

Для того, чтобы ответить на вопрос почему тот или иной уголовно-правовой институт находит свое отражение в законодательстве Республики Беларусь необходимо выявить причины, ввиду которых он стал востребован в обществе. Отталкиваясь от сказанного, отметим, что фундаментальной основой существующих в национальном законодательстве уголовно-правовых институтов, устанавливающих основы реализации уголовной ответственности, выступает уголовная политика государства. Ввиду этого, для законодателя, а также для представителей научного сообщества, работающих в сфере реализации уголовной ответственности важным направлением их профессиональной деятельности, является разработка норм, в полной мере раскрывающих потенциал противодействия преступности, заложенный в основах государственной уголовной политики. При этом, очень важно понимать, какие условия жизни общества формируют уголовную политику замыкая, таким образом, круг причин и условий существования правового института в национальном законодательстве.

Уголовная политика, как дефиниция используется в достаточно широких аспектах жизнедеятельности общества: в специализированной юридической литературе, речи, законодательстве, указанное понятие достаточно часто используется в средствах массовой информации. Правильно отмечено Ю.И. Бытко, что несмотря на распространенность указанного термина, последний не нашел раскрытия в национальном законодательстве [1, с. 144]. Отсутствие законодательного закрепления понятия «уголовная политика» компенсируется его научным осмыслением в уголовно-правовой доктрине. По мнению П.Н. Панченко, уголовная политика государства представляет собой сложный комплекс составляющих ее элементов, объединение которых

происходит посредством Уголовного закона. П.Н. Панченко отмечает таким, образом, что принятый Уголовный закон является отражением социального запроса в обществе. В свою очередь, законодатель, при разработке уголовно-правовых норм должен учитывать требования социального запроса. Учет законодателем указанного обстоятельства позволит выстроить сбалансированную и эффективную систему уголовно-правовой охраны общественных отношений [2, 98-99]. По мнению В.Н. Кудрявцева, уголовная политика, как часть юридической политики государства отражается посредством реализации трех направлений: правотворчестве, правоприменительной деятельности и развитии правосознания и правовой культуры общества [3, с. 13-14]. Соответственно, процесс реализации уголовной политики должен носить комплексный характер и указанные три направления ее реализации должны выполняться в одинаковой степени, не допуская перекосов в развитии представленных направлений.

Д.А. Шестаков определяет уголовную политику как генеральную линию, объемлющую стратегию, формирующую таким образом концепцию борьбы с преступностью. По его мнению, направления реализации уголовной политики должны формироваться с учетом того факта, что преступность является социальным явлением и, соответственно, формирование направлений противодействия преступности должно осуществляться с учетом социальных факторов. Без учета указанных факторов, заложенные в основе уголовной политики направления ее реализации не достигнут главной цели – противодействия преступности [4, с. 245].

Уголовная политика большинством исследователей видится как форма отражения существующего социального запроса на способы уголовно-правовой защиты общественных отношений. Другими словами: «Законодатель... не делает законов, он не изобретает их, а только формулирует, он выражает в сознательных положительных законах внутренние законы духовных отношений» [5, с. 162]. Это говорит о том, что по своей сути законодатель должен обнаружить назревшую в обществе необходимость в реформировании либо реорганизации какого-либо института и в случае, если это не угрожает основам национальной безопасности принять соответствующее решение в части разработки норм права.

История показывает, что способы противодействия преступности изменялись в зависимости от уровня развитости общественных отношений отражая таким образом представления общества о социальной справедливости в отношении лиц, преступивших закон.

В Республике Беларусь, о необходимости выработки нового направления уголовной политики в виде ресоциализации осужденных свидетельствуют статистические данные. Например, уровень преступности, который начиная с

2015 года находится практически на одном уровне (95 тыс.) [6], несмотря на предпринимаемые правоохранительными органами меры по снижению указанного негативного социально-правового явления. Сказанное свидетельствует, что необходимы новые и неопробованные ранее направления реализации уголовной ответственности для противодействия преступности.

Таким образом, концептуальные основы уголовной политики формируются исходя из требований социального запроса в части противодействия преступности. В свою очередь, сформированная концепция противодействия преступности находит свое отражение в законодательном закреплении концепции реализации уголовной ответственности.

В рамках профессионального дискурса отметим, что ресоциализация осужденных, как существенный элемент реализации института уголовной ответственности на территории современной Республики Беларусь не является чем-то новым. Данный институт успешно существовал в формате Общества патроната на территории Российской империи, когда территория современной Республики Беларусь входила в ее состав. Это позволяло осуществлять противодействие преступности гуманными, а главное эффективными способами воздействия на правонарушителей посредством участия представителей общества в исправлении осужденных.

В настоящее время, в Республике Беларусь общество и государственные органы, так или иначе вовлеченные в процесс противодействия преступности сходятся в мнении, что существующий уровень преступности возможно снизить. Главенствующая роль в снижении уровня преступности видится не в усилении карательной составляющей уголовно-правовой репрессии, не в изоляции осужденных от общества, а наоборот, в максимальной, в меру возможности вовлеченности осужденного в общественно-полезные социальные связи.

Наиболее оптимальным вариантом развития уголовной политики Республики Беларусь на современном этапе будет формирование системы уголовно-правовой репрессии, содержащей в качестве главного направления ресоциализацию осужденных, которая должна быть направлена на успешную интеграцию осужденных в общество после освобождения от наказания. Одним из перспективных направлений ресоциализации осужденных видится разработка механизма, предоставляющего широкие возможности участия представителей гражданского общества в помощи при исполнении наказаний.

Библиографические ссылки

1. Бытко, Ю.И. Понятие уголовной политики / Ю.И. Бытко // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2015. – № 6. – С. 144—148.

2. Панченко, П.Н. Власть как уголовная политика и уголовная политика как власть / П.Н. Панченко // Аграрное и земельное право. – 2012. – № 2. – С. 93-100.

3. Основания уголовно-правового запрета. Криминализация и декриминализация / Дагель П.С., Злобин Г.А., Келина С.Г., Кригер Г.Л. и др.; отв. ред.: Кудрявцев В.Н., Яковлев А.М.— М.: Наука, 1982. – 303 с.

4. Шестаков, Д.А. Криминология: Новые подходы к преступлению и преступности: Криминогенные законы и криминологическое законодательство. Противодействие преступности в изменяющемся мире: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006. – 561 с.

5. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс – 2 изд. 1 т. М. 1955 – 722 с.

6. Национальный статистический комитет Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/solialnaya-sfera/pravonarusheniya/grafiki_diagrams/uroven-prestupnosti-po-respublike-belarus/. – Дата доступа: 10.09.2022.

Тумелевич Мария Геннадьевна

САНКЦИЯ СТ. 433 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИЗМЕНЕНИЙ ДИСПОЗИЦИИ

Старший преподаватель кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, mtumelevich@bk.ru

Аннотация. В статье рассматривается эволюция санкций четырех редакций ст. 433 Уголовного кодекса Республики Беларусь в свете существенных изменений признаков основного состава преступления.

Ключевые слова: санкция уголовно-правовой нормы; индивидуализация уголовной ответственности; коррупция; принятие незаконного вознаграждения; предоставление незаконного вознаграждения; наказание.

Статья 433 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) («Незаконное вознаграждение») с момента вступления Закона в 2001 г. в силу имела 4 редакции. Существенным изменениям подвергалась ч. 1 ст. 433, т.е. менялись признаки основного состава преступления.

Так, ч. 1 ст. 433 УК в первоначальной редакции УК (1999 г.) представляла собой следующую норму:

«Статья 433. Получение незаконного вознаграждения служащим государственного аппарата

1. Принятие служащим государственного аппарата, не являющимся должностным лицом, материальных ценностей либо приобретение выгод имущественного характера, предоставляемых ему в связи с исполнением служебных обязанностей вопреки интересам службы в пользу дающего вознаграждение,

наказываются лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, или исправительными работами на срок до двух лет, или арестом на срок до трех месяцев, или ограничением свободы на срок до трех лет, или лишением свободы на тот же срок».

Преступление было отнесено законодателем к категории менее тяжких.

Законом Республики Беларусь от 22 июля 2003 № 227-З «О внесении дополнений и изменений в Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Республики Беларусь» дана новая трактовка преступления, радикально изменившая все его объективные и субъективные признаки:

«Статья 433. Получение незаконного вознаграждения работниками государственного органа либо иной государственной организации

1. Принятие работниками государственного органа либо иной государственной организации, не относящимися в соответствии с законодательством к должностным лицам и осуществляющими деятельность, связанную с непосредственным удовлетворением нужд, запросов и потребностей населения, имущества или другой выгоды имущественного характера помимо предусмотренной законодательством Республики Беларусь оплаты труда, за исключением обычных подарков в связи с осуществляемой ими деятельностью».

Санкция ч. 1 ст. 433 УК в новой редакции (2003 г.) не изменилась. При этом есть основания полагать, что степень общественной опасности деяния уменьшилась (иной непосредственный объект посягательства, отсутствие вреда в сфере служебной или трудовой деятельности).

Законами Республики Беларусь от 18.07.2007 № 264-З «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Беларусь по вопросу усиления ответственности за преступления, связанные с коррупцией» и от 18.07.2007 № 266-З «О внесении изменения в Уголовный кодекс Республики Беларусь» сформирована новая редакция анализируемой статьи:

«Статья 433. Принятие незаконного вознаграждения

1. Принятие работником государственного органа либо иной государственной организации, не являющимся должностным лицом, имущества или другой выгоды имущественного характера, предоставляемых ему за совершенное в пределах его служебных полномочий (трудовых обязанностей) действие (бездействие) в пользу лица, предоставляющего такое имущество или другую выгоду имущественного характера, либо за

выполняемую работу, входящую в круг его служебных (трудовых) обязанностей, помимо предусмотренной законодательством Республики Беларусь оплаты труда».

Содержание санкции ч. 1 ст. 433 УК в ред. 2007 г., также изменений не претерпело.

Четвертая редакция ст. 433 УК была введена Законом Республики Беларусь от 9 января 2019 г. №171-З «О внесении изменений и дополнений в некоторые кодексы Республики Беларусь». Сохранив признаки преступления предыдущей редакции, законодатель криминализировал «предоставление такого вознаграждения». Появился новый субъект преступления.

Санкция ч. 1 ст. 433 УК в редакции 2019 г. изменениям по-прежнему не подвергалась, хотя появился новый вид противоправного поведения. Не ставя пока под сомнение наличие оснований для криминализации предоставления вознаграждения, зададимся вопросом: корректна ли санкция с точки зрения дифференциации и индивидуализации ответственности? Сравнения ст. 433 и ст. 431 («Дача взятки») УК видим, что законодатель разделяет получение и дачу взятки на два самостоятельных состава преступления с различными санкциями, указывая на то, что дача взятки несет в себе меньшую общественную опасность, нежели ее получение. В нашем случае, принятие и предоставление незаконного вознаграждения поставлены на одну ступень и не разделены по характеру и степени общественной опасности.

Законом Республики Беларусь от 06.01.2021 № 85-З «Об изменении кодексов по вопросам уголовной ответственности» внесены корректировки в санкцию ч. 1 ст. 433 УК, дополнительно ужесточающие уголовную ответственность. Теперь основное наказание в виде ограничения свободы или лишения свободы может быть назначено со штрафом или без такового. Поскольку преступление, предусмотренное ст. 433 УК, по-прежнему размещается в главе 35 УК «Преступления против интересов службы», размер штрафа устанавливается в пределах от трехсот до пяти тысяч базовых величин.

Итак, на протяжении всего периода действия УК и четырех редакций ч. 1 ст. 433, санкция рассматриваемой нормы не претерпевала существенных изменений. Корректировки касались лишь приведения санкции в соответствующий Общей части УК вид: исключение указания на срок ареста, исключение конфискации имущества из числа дополнительных наказаний.

Однако полагаем, что санкции ст. 433 УК не коррелировали с изменяющимися в каждой из редакций объектом, объективной стороной, субъектом и содержанием субъективной стороны этого состава преступления.

Во всех четырех редакциях неизменными оставались квалифицирующие признаки в ч. 2 ст. 433 УК: повторность, совершение группой лиц по

предварительному сговору, либо в крупном размере, либо путем вымогательства. Санкция ч. 2 ст. 433 УК в части основного наказания оставалась неизменной: ограничение свободы на срок до пяти или лишение свободы на срок до пяти лет. Изменения касались дополнительных наказаний по ч. 2 ст. 433 УК.

Появившаяся в редакции 2003 г. ч. 3 ст. 433 УК содержит в качестве квалифицирующего признака особо крупный размер незаконного вознаграждения и в настоящее время наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет со штрафом или без штрафа и с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью или без лишения. Преступление отнесено к категории тяжких. Аналогичная санкция присуща, в частности, таким преступлениям, как умышленное причинение тяжкого телесного повреждения без квалифицирующих признаков (ч. 1 ст. 147 УК), грабеж, совершенный в крупном размере (ч. 3 ст. 206 УК). На наш взгляд, преступление, предусмотренное ч. 3 ст. 433 УК, обладает меньшей степенью общественной опасности, нежели иные, схожие с ним по санкции преступления. Не в полной мере отвечает принципу справедливости уголовного закона тот факт, что лишь в зависимости от суммы полученного или предоставленного незаконного вознаграждения преступление из категории менее тяжких становится тяжким и предусматривает в качестве основного наказания только лишение свободы.

Полагаем, что ответственность за принятие незаконного вознаграждения должна наступать в случае причинения вреда интересам службы или при нарушении принципа равенства граждан при выполнении субъектом преступления возложенных на него трудовых функций, или в случае вымогательства вознаграждения за совершение действий по службе, которые лицо должно было и могло совершить. Необходимо также дифференцировать ответственность лиц, принимающих незаконное вознаграждение, с учетом этих положений скорректировать санкцию ст. 433 УК.

Шаблинская Диана Викторовна

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОПТИМИЗАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ

Доцент кафедры уголовного права юридического факультета БГУ, к.ю.н.,
доцент, shablinskaya@bsu.by

Аннотация. Исследование посвящено рассмотрению проблемы сокращения дополнительных наказаний в системе наказаний и расширения законодательного установления иных мер уголовно-правового воздействия.

Сделан вывод о том, что иные меры уголовно-правового воздействия могут выступить альтернативой каре, а их институционализация предполагает отказ от дополнительных наказаний с их преобразованием в иные меры уголовно-правового воздействия.

Ключевые слова: дополнительные наказания, иные меры уголовно-правового воздействия, система наказаний, уголовный закон.

Актуальным предметом научного познания является наказание, представляющее собой основной вид государственного принуждения в уголовном праве, выполняя на всех этапах развития общества роль важнейшего средства борьбы с преступностью, способа непосредственного реагирования со стороны общества и государства на совершение деяний, признаваемых опасными, причиняющих тот или иной вред человеку, его правам, интересам, безопасности его и общества в целом и поэтому запрещенных властными структурами. В силу исключительной значимости в противодействии преступности наказание всегда привлекало особое внимание со стороны как государственных структур, так и специалистов, представляющих различные сферы науки: философию, юриспруденцию, социологию, этику и др. Как удачно отмечено в литературе, «проблема уголовного наказания с теоретической и утилитарно прикладной точек зрения относится к числу «вечных» проблем социума» [1, с. 8].

Оценка наказания в различные исторические периоды в части его содержания, социальной роли и целей была далеко не однозначной. Несмотря на значительное количество научных трудов, посвященных наказанию, в том числе последних работ отечественных авторов (см., например [2; 3]), практически все аспекты исследуемой категории носят проблемный характер. В рамках данного исследования видится целесообразным рассмотреть отдельные направления, характеризующие развитие наказания в современных условиях оптимизации уголовного законодательства. Предлагаем обратить внимание на следующую тенденцию: сокращение дополнительных наказаний в системе наказаний и расширение законодательного установления иных мер уголовно-правового воздействия.

При рассмотрении системы наказаний обращает на себя внимание не только разнообразие видов наказаний, но и наличие между ними существенных различий, относящихся к содержанию, характеру каждого вида наказания, условиям и порядку их назначения и исполнения, что предполагает выделение среди них отдельных групп (видов). Не углубляясь в вопросы классификаций наказаний, отметим лишь одну из них, предусмотренную в

уголовном законе: согласно ст. 48 Уголовного кодекса Республики Беларусь (далее – УК) наказания делятся на основные и дополнительные.

Совокупность дополнительных наказаний оформилась в качестве самостоятельного уголовно-правового института к середине 80-х гг. XX века. Выделение в рамках системы наказаний двух подсистем предусматривает формулирование основных и дополнительных наказаний в два самостоятельных перечня. Следует отметить, что на сегодняшний уголовный закон предусматривает возможность применения только одного дополнительного наказания – лишения воинского или специального звания. В 2019 г. конфискация имущества (общая конфискация) исключена из системы наказаний. Часть 3 ст. 48 УК не исключает применение основных наказаний (штрафа и лишения права занимать определенные должности) в качестве дополнительных. Отмечается сокращение и данной группы наказаний: в 2021 г. из нее исключены общественные работы.

Таким образом, законодатель постепенно сужает сферу установления дополнительных наказаний, что на наш взгляд коррелирует другой тенденции: формированию института иных мер уголовно-правового воздействия.

Значимые достижения в социально-экономической сфере развития общества определенным образом отражаются не только на регулирующем законодательстве, но и напрямую влияют на формирование объектов правовой охраны и, соответственно, установление ответных мер со стороны уполномоченных властных субъектов к правонарушителям. Для уголовно-правовой сферы указанные процессы в полной мере характерны. Во многих зарубежных странах, в том числе государствах – партнерах Республики Беларусь по региональной интеграции, системы мер уголовно-правового воздействия подвергнуты пересмотру на соответствие сложившимся условиям общественного развития. В ряде государств – участников СНГ (Кыргызская Республика, Республика Казахстан) приняты новые уголовные законы. В кодексы иных стран внесены существенные изменения, одним из векторов которых можно определить положение о том, что имеющиеся меры уголовно-правового принуждения, и в первую очередь их основа – наказание, уже не достаточны, и не рассматриваются как исчерпывающие для эффективного функционирования уголовного права и реализации задач уголовного закона.

Несмотря на то, что мерам уголовной ответственности (в первую очередь наказанию) отводится доминирующая роль как наиболее строгим мерам государственного принуждения, наука и практика осуществляют поиск новых уголовно-правовых средств и методов воздействия на общественно опасные деяния. Интенсивное развитие иных мер уголовно-правового воздействия началось в Республике Беларусь в 2015 г., а очередным этапом данных процессов явилось закрепление в 2019 г. специальной конфискации как

самостоятельной меры уголовно-правового воздействия, реализуемой как в рамках уголовной ответственности, так и при освобождении от нее.

Институт иных мер уголовно-правового воздействия на сегодняшний день пока не получил системного регулирования в национальном уголовном законодательстве, однако этот процесс представляется весьма важным этапом эволюции государственного принуждения в уголовно-правовой сфере. Как верно отметил К.Н. Карпов, «вопрос о возможности применения за совершенное преступное деяние мер, не связанных с наказанием и не всегда выступающих формой реализации уголовной ответственности, напрямую сопряжен с вопросом определения предмета и метода самой отрасли уголовного права» [4, с. 3].

Процесс институционализации иных мер уголовно-правового воздействия должен идти в неразрывной связи с оптимизацией наказания, особенно дополнительных его видов. Полагаем, что иные меры уголовно-правового воздействия могут выступить реальной альтернативой каре. В них могут быть преобразованы отдельные виды наказаний (в том числе некоторые основные наказания): например, ограничение свободы без направления в исправительное учреждение открытого типа, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью. Иные формы реализации уголовной ответственности (условное осуждение и отсрочка наказания могут быть трансформированы в меры probation, реализуемые вне режима осуждения). В качестве научной гипотезы можно предположить, что в ходе такого развития дополнительные наказания как таковые могут вовсе не устанавливаться уголовным законом. Суд сможет применять наказание только в сочетании с иной мерой уголовно-правового воздействия.

Библиографические ссылки

1. Мицкевич, А. Ф. Уголовное наказание: понятие, цели и механизмы действия / А. Ф. Мицкевич. – СПб. : Юридический центр Пресс, 2005. – 327 с.
2. Курс уголовного права в 5 т. Общая часть. Т. 2 : Учение о наказании и иных мерах уголовной ответственности / Г. А. Василевич [и др.] ; под науч. ред. И. О. Грунтова, А. В. Шидловского. – Минск : Изд центр БГУ, 2019. – 990 с.
3. Уголовно-правовое воздействие и его реализация в контексте современных тенденций уголовной политики : монография / О. И. Бахур [и др.] ; Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь ; под ред. Д. В. Шаблинской. – Минск : Колорград, 2020. – 456 с.
4. Карпов, К. Н. Иные меры уголовно-правового характера как средство противодействия совершению преступлений : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / К. Н. Карпов. – Омск, 2011. – 22 с.

Щербак Кристина Юрьевна
**СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ
НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ И ОБОРОТЕ ПРОДУКЦИИ В
ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС**

Ассистент кафедры уголовного права и криминалистики УО «Полоцкий
государственный университет имени Евфросинии Полоцкой»,
k.shcherbak@psu.by

Аннотация. В статье анализируются нормы об уголовной ответственности за выпуск или продажу товаров, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности для жизни или здоровья потребителей, закрепленные в уголовном законодательстве государств-членов Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) для выявления сходств и различий в подходах законодателей.

Ключевые слова: качество продукции; безопасность продукции; уголовная ответственность; страны ЕАЭС.

Одной из важнейших ценностей, находящихся под защитой государств, выступает здоровье населения, составной частью которого является право граждан на приобретение и потребление качественной и безопасной пищевой, алкогольной продукции. Охрана таких благ осуществляется, в том числе уголовно-правовыми средствами, что вызывает определенный интерес в исследовании подходов законодателей государств-членов ЕАЭС.

Прежде всего необходимо отметить, что государства-члены ЕАЭС включили в свои национальные уголовные кодексы составы преступлений, направленные на охрану здоровья населения от оборота некачественной и небезопасной продукции, однако, есть некоторые различия в подходах законодателей.

Анализируемые нормы в уголовных законах государств-членов ЕАЭС расположены в главах, родовым и непосредственным объектом которых является здоровье населения, что, на наш взгляд, является обоснованным и целесообразным.

Стоит отметить, что Республика Беларусь является единственной страной, законодатель которой в отдельных нормах криминализировал деяния в отношении недоброкачественной продукции, заведомо способной повлечь заболевания или отравления людей, или заведомо загрязненной радионуклидами сверх допустимых уровней, и в отношении работ либо услуг, не отвечающих требованиям безопасности.

В свою очередь, законодатели других стран в качестве предмета преступления определил лишь товары, продукцию, работы и услуги, не

отвечающие требованиям безопасности. Анализ уголовного законодательства государств-членов ЕАЭС говорит о том, что в Республике Беларусь нет уголовной ответственности за преступные деяния в отношении небезопасной продукции и товаров, а в других странах-партнерах по региональной интеграции – в отношении недоброкачественной продукции, товаров, что свидетельствует об отсутствии единства в обозначении предмета анализируемых преступлений.

Полагаем, что есть отличия в толковании таких понятий, как «недоброкачественная продукция, товары, услуги» и «продукция и товары, не отвечающие требованиям безопасности». Стоит отметить, что российский ученый И.С. Чуб в своем диссертационном исследовании высказывала предложения о необходимости включения в диспозицию ч.1 ст. 238 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. №63-ФЗ (далее – УК РФ) следующих действий: «совершение указанных действий, то есть производство, хранение, перевозку либо сбыт в отношении недоброкачественных товаров, продукции, работ или услуг», что, на наш взгляд, является целесообразным [1, с. 10].

Обратим внимание и на тот момент, что законодатели также используют различную терминологию при описании признаков объективной стороны анализируемых преступлений. Так, в ст. ст.337 и 338 Уголовного кодекса Республики Беларусь от 9 июля 1999 г. №275-3 (далее – УК Республики Беларусь) используются такие термины, как «выпуск на товарный рынок» и «реализация», при этом в конструкции анализируемой уголовно-правовой нормы, например, нет указания ни на хранение, ни на перевозку, ни на сбыт товаров (продукции).

В свою очередь, объективная сторона ст. 238 УК РФ выражается в альтернативных деяниях в форме производства, хранения или перевозки в целях сбыта либо сбыта товаров и продукции, выполнения работ или оказания услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей, а равно в неправомерной выдаче или использовании официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

В ст.306 УК Республики Казахстан от 3 июля 2014 г. №226-V предусмотрена уголовная ответственность за выпуск или продажу товаров, выполнение работ, выполнение работ либо оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей. В УК Кыргызской Республики от 28 октября 2021 г. №127 и Республики Армения от 29 апреля 2003 г. №3Р-528 уголовная ответственность наступает за производство или продажу товаров, выпуск или сбыт товаров, выполнение

работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности жизни или здоровья потребителей.

Исходя из изложенного, стоит отметить, что подходы законодателей к описанию признаков объективной стороны отличаются. Как представляется, все же возможны случаи совершения ряда других деяний, способных повлечь последствия в виде причинения вреда здоровью населения, кроме выпуска и реализации продукции, товаров, не соответствующих требованиям качества и безопасности, что создает предпосылки для рассмотрения вопроса о расширении признаков объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 337 УК Республики Беларусь.

Следует отметить, что все государства-члены ЕАЭС, за исключением Республики Беларусь, предусмотрели в анализируемых нормах уголовную ответственность за неправомерную выдачу или использование официального документа, удостоверяющего соответствие указанных товаров, работ или услуг требованиям безопасности.

Однако, например, ряд российских ученых высказывают позицию о целесообразности и необходимости выделения из ст. 238 УК Российской Федерации указанных действий. Так, например, Л.А. Камалиева обосновала целесообразность выделения из ст. 238 УК РФ самостоятельного состава преступления, предусматривающего ответственность за неправомерные выдачу или использование официального документа, ложно удостоверяющего соответствие товаров, работ или услуг требованиям безопасности с помещением его в главу 32 УК РФ «Преступления против порядка управления» [2, с. 7].

Позволим высказаться по этому вопросу и указать на то, что мы полагаем, что есть возможность и целесообразность исключения указанных действий из диспозиции ст. 238 УК РФ, однако без выделения самостоятельного состава преступления в связи с возможностью квалификации действий, например, по ч. 1 ст. 327 УК РФ, предусматривающей ответственность за подделку, изготовление или оборот поддельных документов, государственных наград, штампов, печатей или бланков.

Не менее важное значение имеет и то, что российский законодатель ч.1 ст. 238 УК РФ рассматривает в качестве формального состава преступления, и только в ч.ч.2 и 3 ст. 238 УК РФ предусмотрены последствия в виде причинения тяжкого вреда здоровью либо смерть человека, смерть двух или более лиц.

В свою очередь, в Республике Беларусь основной и квалифицированный составы ст. ст. 337 и 338 УК Республики Беларусь имеют конструкцию материальных составов. Законодатели других стран, входящих в состав

ЕАЭС, также рассматривают данные составы преступлений в качестве материальных.

Анализ показал, что есть отличия в подходах законодателей государств-членов ЕАЭС, что свидетельствует о значимости изучения и использования зарубежного опыта как для совершенствования уголовного законодательства Республики Беларусь, так и для гармонизации уголовного законодательства государств-партнеров по региональной интеграции.

Библиографические ссылки

1. Чуб, И.С. Производство, хранение, перевозка или сбыт товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности: проблемы законодательного описания и дифференциации уголовной ответственности : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / И.С.Чуб. – К., 2011. – 218 л.

2. Камалиева, Л.А. Противодействие производству, хранению, перевозке или сбыту товаров и продукции, выполнение работ или оказание услуг, не отвечающих требованиям безопасности (уголовно-правовые и криминологические проблемы) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Л.А. Камалиева ; ЧОУ ВПО «Институт экономики, управления и права». – Самара, 2011 – 20 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ	2
<i>Бойко Александр Иванович</i> ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ МЫСЛИ ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН	3
<i>Грунтов Игорь Олегович</i> К ВОПРОСУ О НЕКОТОРЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПОНЯТИЯ ПРЕВЫШЕНИЯ ПРЕДЕЛОВ НЕОБХОДИМОЙ ОБОРОНЫ В УГОЛОВНОМ ЗАКОНЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	6
<i>Скаков Айдаркан Байдекович</i> О СООТВЕТСТВИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ СОВРЕМЕННЫМ РЕАЛИЯМ	9
<i>Барков Александр Владимирович</i> ТОЧЕЧНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В УГОЛОВНОМ КОДЕКСЕ: ПОЛЬЗА И ИЗДЕРЖКИ	16
<i>Ключко Римма Николаевна</i> СОЦИАЛЬНЫЕ И ПРАВОВЫЕ ОСНОВАНИЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА НА РЕАБИЛИТАЦИЮ НАЦИЗМА И ОТРИЦАНИЕ ГЕНОЦИДА БЕЛОРУССКОГО НАРОДА	20
ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ КОНФЕРЕНЦИИ	24
<i>Бахур Олег Иванович</i> ПРЕСТУПНОСТЬ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СФЕРЕ НЕЗАКОННОГО ОБОРОТА НАРКОТИКОВ	24
<i>Бимбинов Арсений Александрович</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СЕКСУАЛЬНОГО ДОМОГАТЕЛЬСТВА ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ	28
<i>Борзенко Дарья Валерьевна</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫХ ПРАВ НА ОБЪЕКТЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ	32
<i>Бородулькина Екатерина Сергеевна</i> О ВОЗМОЖНЫХ НАПРАВЛЕНИЯХ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ЗАРАЖЕНИЕ ВИЧ	34
<i>Головенчик Марина Геннадьевна</i> ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ	38
<i>Дедковский Андрей Александрович</i> ПРОБЛЕМЫЕ АСПЕКТЫ ОКОНЧАНИЯ ПОХИЩЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА	41
<i>Добродей Анатолий Иванович, Захилько Кирилл Сергеевич</i> К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМЕ ЕДИНООБРАЗНОГО ОПИСАНИЯ СОСТАВОВ С КВАЛИФИЦИРУЮЩИМИ ПРИЗНАКАМИ В КОНТЕКСТЕ	

ИСКЛЮЧЕНИЯ ИЗ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ СТАТЬИ 71.....	44
<i>Дрозд Александра Николаевна</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА ПОВРЕЖДЕНИЯ ВОЛОС ЧЕЛОВЕКА	46
<i>Духовник Юрий Евгеньевич</i> НОВЕЛЛИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В СФЕРЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УКЛОНЕНИЮ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ, СБОРОВ: РЕШЕНИЕ ПРЕЖНИХ И НОВЫХ ПРОБЛЕМ.....	50
<i>Жук Александр Анатольевич</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ КРИТЕРИИ ОСТАВЛЕНИЯ ОСУЖДЕННЫХ В СЛЕДСТВЕННОМ ИЗОЛЯТОРЕ ИЛИ ТЮРЬМЕ ДЛЯ ВЫПОЛНЕНИЯ РАБОТ ПО ХОЗЯЙСТВЕННОМУ ОБСЛУЖИВАНИЮ.....	53
<i>Токубаев Зайрулла Сембаевич</i> ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ВИДОВ НАКАЗАНИЙ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН ДО 2030 ГОДА.....	57
<i>Казак Светлана Валерьевна</i> НОВАЦИИ В ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ ПРАВА ЗАНИМАТЬ ОПРЕДЕЛЕННЫЕ ДОЛЖНОСТИ ИЛИ ЗАНИМАТЬСЯ ОПРЕДЕЛЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ	60
<i>Караваева Виктория Анатольевна</i> ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ПОРЯДКА ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ НОРМОТВОРЧЕСКОЙ ТЕХНИКИ.....	63
<i>Ковальчук Алексей Васильевич</i> ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ КАК МАРКЕР ОПРЕДЕЛЕНИЯ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОПАСНОСТИ ДЕЯНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ, ИЗМЕНЕНИЯ ИЛИ ОТМЕНЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ЗАПРЕТА	66
<i>Козелецкая Наталья Ивановна</i> ОСОБЕННОСТИ РЕГЛАМЕНТАЦИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА РАЗВРАТНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: ОПЫТ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	70
<i>Колесень Николай Георгиевич</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОХРАНЫ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ИНФОРМАЦИЮ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ БИОМЕДИЦИНСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ	73
<i>Корнеев Сергей Владимирович</i> ДЕЙСТВИЯ, ДЕЗОРГАНИЗУЮЩИЕ РАБОТУ ИСПРАВИТЕЛЬНО-ТРУДОВЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ (СТ. 74-1 УК	

БССР 1960 Г.): ЭВОЛЮЦИЯ ПРИЗНАКОВ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ	77
<i>Кукиштель Виктория Александровна</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ СУБЪЕКТА ПРЕСТУПЛЕНИЯ УКЛОНЕНИЕ ОТ ПОГАШЕНИЯ КРЕДИТОРСКОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ	82
<i>Леонович Ася Рисиковна</i> ПРИНЦИП ДОБРОЙ СОВЕСТИ (BONA FIDES) В УГОЛОВНОМ И СЛУЖЕБНОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ СТРАН-УЧАСТНИЦ СНГ И УКРАИНЫ	85
<i>Локтевич Ольга Игоревна</i> К ВОПРОСУ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРИМИРЕНИЯ С ПОТЕРПЕВШИМ ПУТЕМ ЗАКЛЮЧЕНИЯ МЕДИАТИВНОГО СОГЛАШЕНИЯ.....	88
<i>Новиков Егор Евгеньевич</i> О ПРОБЛЕМАХ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОБРАТНОЙ ЗАМЕНЫ БОЛЕЕ МЯГКОГО НАКАЗАНИЯ НА ЛИШЕНИЕ СВОБОДЫ.....	92
<i>Нуждин Андрей Александрович</i> ВЫЯВЛЕНИЕ И УСТРАНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ, СПОСОБСТВОВАВШИХ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, КАК ВИД ПРЕДУПРЕДИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИИ.....	95
<i>Павлов Вадим Иванович</i> ИСТОКИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ПРАВА В КОНТЕКСТЕ ВИЗАНТИЙСКОГО ПУТИ РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ПРАВА НА РУСИ.....	98
<i>Петрова Ольга Валентиновна</i> УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОТНОШЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В СИСТЕМЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ.....	103
<i>Плетенёва Дарья Александровна</i> О ПРОБЛЕМЕ ИЗБЫТОЧНОСТИ КВАЛИФИЦИРУЮЩИХ ПРИЗНАКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ.....	107
<i>Примкулова Алмагуль Алматовна</i> О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ УСТАНОВЛЕНИЯ ОБЯЗАННОСТЕЙ И ЗАПРЕТОВ В ОТНОШЕНИИ ОСУЖДЕННЫХ К ОГРАНИЧЕНИЮ СВОБОДЫ В СУДЕБНОЙ ПРАКТИКЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН	110
<i>Пухов Артем Александрович</i> УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОЦЕНКА НЕЗАКОННОЙ ДОБЫЧИ РЫБЫ ИЛИ ДРУГИХ ВОДНЫХ ЖИВОТНЫХ (СТ. 281 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ).....	113
<i>Савенок Анатолий Леонидович</i> К ВОПРОСУ О ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ПРИМЕНЕНИЯ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ..	118

<i>Самарин Вадим Игоревич</i> О НЕСОВЕРШЕНСТВЕ ТЕРМИНОЛОГИИ СТ. 7 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ В СВЕТЕ ТЕОРИИ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА.....	121
<i>Свило Светлана Михайловна</i> К ВОПРОСУ КВАЛИФИКАЦИИ ХИЩЕНИЙ, СОПРЯЖЕННЫХ С ПОДДЕЛКОЙ И (ИЛИ) ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ПОДДЕЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ	124
<i>Сосновский Александр Алексеевич</i> О ВМЕНЕНИИ ПРИЗНАКА «ИНАЯ ЛИЧНАЯ ЗАИНТЕРЕСОВАННОСТЬ».....	127
<i>Стальбовский Вадим Викторович</i> КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОФАЙЛИНГ – НОВЫЙ ПРЕДМЕТ КРИМИНОЛОГИИ (УГОЛОВНОЙ СОЦИОЛОГИИ).....	129
<i>Степаненко Владимир Иванович</i> ВОЗРАСТ – КАК УСЛОВИЕ НАСТУПЛЕНИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ.....	133
<i>Радевич Анастасия Сергеевна</i> ОБЩАЯ УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЗАГРЯЗНЕНИЯ ЛЕСА, СРЕДЫ ПРОИЗРАСТАНИЯ ДРЕВЕСНО-КУСТАРНИКОВОЙ РАСТИТЕЛЬНОСТИ (СТ. 275 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ).....	136
<i>Реутская Елена Александровна</i> ПРОБЛЕМЫ КАТЕГОРИЗАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ	139
<i>Рустемова Гаухар Рустембековна</i> МОДЕРНИЗАЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН О МЕДИЦИНСКИХ УГОЛОВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ В УСЛОВИЯХ НТР.....	141
<i>Терешенко Егор Геннадьевич</i> КРИТЕРИИ И ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ НА ОПРЕДЕЛЕННЫЙ СРОК	144
<i>Тит Александр Александрович</i> РЕСОЦИАЛИЗАЦИЯ ОСУЖДЕННЫХ КАК НОВОЕ НАПРАВЛЕНИЕ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ.....	147
<i>Тумелевич Мария Геннадьевна</i> САНКЦИЯ СТ. 433 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ ИЗМЕНЕНИЙ ДИСПОЗИЦИИ	151
<i>Шаблинская Диана Викторовна</i> ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ НАКАЗАНИЯ В УСЛОВИЯХ ОПТИМИЗАЦИИ МЕР УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ.....	154

Щербак Кристина Юрьевна СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ
ОХРАНЫ ЗДОРОВЬЯ НАСЕЛЕНИЯ ПРИ ПРОИЗВОДСТВЕ И ОБОРОТЕ
ПРОДУКЦИИ В ГОСУДАРСТВАХ-ЧЛЕНАХ ЕАЭС.....158